

Министерство транспорта Российской Федерации
Федеральное агентство железнодорожного транспорта
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Дальневосточный государственный
университет путей сообщения»

Кафедра «Философия, социология и право»

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Хрестоматия

В двух частях

Часть 1

**ФИЛОСОФИЯ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА.
АНТИЧНАЯ ФИЛОСОФИЯ. ФИЛОСОФИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ.
ФИЛОСОФИЯ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ.
ФИЛОСОФИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ (XVI–XVIII вв.)**

Рекомендовано Методическим советом по качеству
образовательной деятельности ДВГУПС в качестве учебного пособия

Составители:
Т.А. Лушкина, О.А. Рудецкий

Хабаровск
Издательство ДВГУПС
2014

УДК (091)(075.8)
ББК Ю3я73-3
И 917

Рецензенты:

Кафедра «Социально-гуманитарные и экономические дисциплины»
Дальневосточного государственного юридического института
(начальник кафедры кандидат философских наук, доцент,
полковник полиции *М.Н. Зинятова*)

Доктор философских наук, заведующий кафедрой «Философия
и социально-гуманитарные дисциплины» Дальневосточного
государственного гуманитарного университета
М.П. Арутюнян

Составители:

Т.А. Лушкина, О.А. Рудецкий

И 917 История философии : хрестоматия. В 2 ч. Ч. 1. Философия
Древнего Востока. Античная философия. Философия Средних
веков. Философия эпохи Возрождения. Философия Нового вре-
мени (XVI–XVIII вв.) / сост. Т.А. Лушкина, О.А. Рудецкий. –
Хабаровск : Изд-во ДВГУПС, 2014. – 154 с. : ил.

Хрестоматия разработана в соответствии с ФГОС ВО по всем на-
правлениям подготовки бакалавриата ДВГУПС.

Представлены философские тексты – фрагменты трудов философов
разных эпох, освещающие все основные проблемы истории философии.

Предназначена для студентов 1-го и 2-го курсов всех форм обучения,
изучающих дисциплину «Философия».

УДК 1(091)(075.8)
ББК Ю3я73-3

© ДВГУПС, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
1. ФИЛОСОФИЯ, ЕЁ ПРЕДМЕТ И МЕСТО В КУЛЬТУРЕ	6
Аристотель (384–322 до н.э.).....	6
Мишель Монтень (1533–1592).....	7
Рене Декарт (1596–1650).....	9
Иммануил Кант (1724–1804).....	11
Георг Вильгельм Фридрих Гегель (1770–1831)	13
Фридрих Ницше (1844–1900).....	14
Вильгельм Виндельбанд (1848–1915).....	16
Эдмунд Гуссерль (1859–1938).....	17
Бертран Рассел (1872–1970).....	19
2. ФИЛОСОФИЯ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА	21
Ригведа	21
Брахманы.....	24
Араньяки	24
Упанишады	26
Махабхарата.....	27
Бхагават-гита.....	29
Йога	32
Трипитака.....	35
Лао Цзы.....	37
Конфуций (552/551–479 до н.э.)	40
Мо-Цзы (468(?)-376(?) до н.э.)	44
Хань Фэй (280–233 до н.э.)	46
3. АНТИЧНАЯ ФИЛОСОФИЯ	47
Гесиод (VIII–VII вв. до н.э.).....	47
Фалес (ок. 640 – ок. 547 до н.э.)	48
Анаксимандр (ок. 610–540 до н.э.)	50
Анаксимен (2-я пол. VI в. до н.э.).....	51
Пифагор (ок. 570–ок. 497 до н.э.)	51
Ксенофан (ок. 570 – после 478 до н.э.)	56
Парменид (ок. 540 – ок. 470 до н.э.)	57
Зенон Элейский (ок. 490 – ок. 430 до н.э.)	58
Левкипп (V в. до н.э.).....	60
Демокрит (ок. 470/60 – 360-е до н.э.)	61
Протагор (ок. 480–410 до н.э.)	64
Сократ (469–399 до н.э.)	65
Платон (427–347 до н.э.).....	67
Аристотель (384–322 до н.э.).....	74
Эпикур (341/342–271/270 до н.э.)	80

Тит Лукреций Кар (ок. 95–55 до н.э.)	81
Луций Анней Сенека (1 до н.э./1 н.э. – 65 н.э.)	81
Марк Аврелий Антонин (121–180)	83
4. ФИЛОСОФИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ	86
Аврелий Августин (354–430)	86
Иоанн Дамаскин (ок. 650 – ок. 750)	88
Иоанн Скотт (Эриугена) (нач. IX в. – после 870)	90
Пьер Абеляр (1079–1142)	92
Роджер Бэкон (ок. 1214–1294)	95
Фома Аквинский (ок. 1224–1274)	97
Уильям Оккам (ок. 1285–1349)	103
5. ФИЛОСОФИЯ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ	107
Николай Кузанский (1401–1464)	107
Лоренцо Валла (1407–1457)	109
Пико делла Мирандола (1463–1494)	110
Никколо Макиавелли (1469–1527)	113
Томас Мор (1478–1535)	116
Мишель Монтень (1533–1592)	116
Джордано Бруно (1548–1600)	117
Томмазо Кампанелла (1568–1639)	120
Томас Гоббс (1588–1679)	121
6. ФИЛОСОФИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ	123
Френсис Бэкон (1561–1626)	123
Рене Декарт (1596–1650)	127
Бенедикт Спиноза (1632–1677)	130
Джон Локк (1632–1704)	132
Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646–1716)	133
Джордж Беркли (1685–1753)	134
Шарль Луи де Монтескьё (1689–1755)	135
Вольтер (1694–1778)	137
Жюльен Офре де Ламетри (1709–1751)	138
Давид Юм (1711–1776)	139
Жан-Жак Руссо (1712–1778)	140
Дени Дидро (1713–1784)	141
Клод Адриан Гельвеций (1715–1771)	142
Поль Анри Гольбах (1723–1789)	143
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	144
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	146

ВВЕДЕНИЕ

Что такое философия?

Наука? Искусство? Мировоззрение? Жизненный путь?

Несмотря на свою многовековую историю, даже философия не даёт однозначного ответа на этот вопрос. Пользуясь выражением английского философа Бертрана Рассела, философия это скорее Ничейная Земля, не имеющая чётких границ, нежели область научного или религиозного знания. Ей нельзя дать точного определения, указать, где она «начинается» и где «заканчивается». Вместе с тем эта Ничейная Земля достаточно «велика», чтобы её существование можно было игнорировать.

Круг философских вопросов слишком широк: познаваем ли мир? что такое человек? в чём смысл жизни? каковы основания прекрасного? и пр. Каждый из этих вопросов представляется столь же абстрактным, сколь и вынужденным: даже не надеясь на ясный ответ, людям приходится задавать подобные вопросы, по крайней мере, – самим себе.

Каждый человек испытывает потребность в философствовании. Однако можно ли научиться философствовать? Немецкий учёный и мыслитель Иммануил Кант полагал, что для этого все системы философии необходимо рассматривать лишь как «историю применения разума и как объект для упражнения своего философского таланта». Невозможно понять назначение философии, не обратившись к её истокам – к её истории. Только в слове первоисточника можно услышать голос эпохи, разглядеть стремление философствующего разума к истине...

В хрестоматию включены отрывки значимых философских произведений (более 100 наименований), выстроенных в хронологическом порядке и сгруппированных в соответствии с основными периодами развития философии. К каждому фрагменту первоисточника приведен краткий авторский комментарий и иллюстративный материал. Для удобства работы с текстом в учебное пособие вошел краткий терминологический словарь. Издание ориентирует читателей на самостоятельное и углубленное изучение курса философии.

В первой части хрестоматии представлены фрагменты философско-религиозных памятников Древней Индии и Древнего Китая, произведений античных мыслителей, средневековых авторов, философов Нового времени (до XIX в.)

1. ФИЛОСОФИЯ, ЕЁ ПРЕДМЕТ И МЕСТО В КУЛЬТУРЕ

Аристотель¹
(384–322 до н.э.)

...Следует рассмотреть те причины и начала, наука о которых есть мудрость. Если рассмотреть те мнения, какие мы имеем о мудром, то, быть может, достигнем здесь больше ясности. Во-первых, мы предполагаем, что мудрый, насколько это возможно, знает все, хотя он и не имеет знания о каждом предмете в отдельности. Во-вторых, мы считаем мудрым того, кто способен познать трудное и нелегко постижимое для человека (ведь воспринимание чувствами свойственно всем, а потому это легко и ничего мудрого в этом нет). В-третьих, мы считаем, что более мудр во всякой науке тот, кто более точен и более способен научить выявлению причин, и, [в-четвертых], что из наук в большей мере мудрость та, которая желательна ради нее самой и для познания, нежели та, которая желательна ради извлекаемой из нее пользы, а [в-пятых], та, которая главенствует, – в большей мере, чем вспомогательная, ибо мудрому надлежит не получать наставления, а наставлять, и не он должен повиноваться другому, а ему – тот, кто менее мудр.

Вот каковы мнения и вот сколько мы их имеем о мудрости и мудрых. Из указанного здесь знание обо всем необходимо имеет тот, кто в наибольшей мере обладает знанием общего, ибо в некотором смысле он знает все подпадающее под общее. Но, пожалуй, труднее всего для человека познать именно это, наиболее общее, ибо оно дальше всего от чувственных восприятий. А наиболее строги те науки, которые больше всего занимаются первыми началами: ведь те, которые исходят из меньшего числа [предпосылок], более строги, нежели те, которые приобретаются на основе прибавления (например, арифметика более строга, чем геометрия). Но и научить более способна та наука, которая исследует причины, ибо научают те, кто указывает причины для каждой вещи. А знание и понимание ради самого знания и понимания более всего присущи науке о том, что наиболее достойно познания, ибо тот, кто предпочитает знание ради знания, больше всего предпочтет науку наиболее совершенную, а такова наука о наиболее достойном познания. А наиболее достойны познания первоначала и причины, ибо через них и на их основе познается все остальное, а не через то, что им подчинено. И наука, в наибольшей мере главенствующая и главнее вспомогательной, – та, которая познает цель, ради которой надлежит действовать в

¹ Древнегреческий философ и ученый-энциклопедист, основатель Перипатетической школы.

каждом отдельном случае; эта цель есть в каждом отдельном случае то или иное благо, а во всей природе вообще – наилучшее.

Итак, из всего сказанного следует, что имя [мудрости] необходимо отнести к одной и той же науке: это должна быть наука, исследующая первые начала и причины: ведь и благо, и «то, ради чего» есть один из видов причин. А что это не искусство творения, объяснили уже первые философы. Ибо и теперь и прежде удивление побуждает людей философствовать, причем вначале они удивлялись тому, что непосредственно вызывало недоумение, а затем, мало-помалу продвигаясь таким образом далее, они задавались вопросом о более значительном, например о смене положения Луны, Солнца и звезд, а также о происхождении Вселенной. Но недоумевающий и удивляющийся считает себя незнающим (поэтому и тот, кто любит мифы, есть в некотором смысле философ, ибо миф создается на основе удивительного). Если, таким образом, начали философствовать, чтобы избавиться от незнания, то, очевидно, к знанию стали стремиться ради понимания, а не ради какой-нибудь пользы. Сам ход вещей подтверждает это, а именно: когда оказалось в наличии почти все необходимое, равно как и то, что облегчает жизнь и доставляет удовольствие, тогда стали искать такого рода разумение. Ясно поэтому, что мы не ищем его ни для какой другой надобности. И так же как свободным называем того человека, который живет ради самого себя, а не для другого, точно так же и эта наука единственно свободная, ибо она одна существует ради самой себя.

*Аристотель. Метафизика // Сочинения. В 4 т. Т. 1.
М., 1975. С. 67–69.*

Мишель Монтень²
(1533–1592)

Цицерон говорит, что философствовать – это не что иное, как приуготовлять себя к смерти. И это тем более верно, ибо исследование и размышление влекут нашу душу за пределы нашего бренного «я», отрывают ее от тела, и это и есть некое предвосхищение и подобие смерти; короче говоря, вся мудрость и все рассуждения в нашем мире сводятся, в конечном итоге, к тому, чтобы научить нас не бояться смерти. И в самом деле, либо наш разум смеется над нами, либо, если это не так, он должен стремиться только к одной единственной цели, а именно

² Французский философ-скептик, писатель-гуманист и просветитель эпохи Возрождения.

обеспечить нам удовлетворение наших желаний, и вся его деятельность должна быть направлена лишь на то, чтобы доставить нам возможность творить добро и жить в свое удовольствие, как сказано в Священном Писании. Все в этом мире твердо убеждены, что наша конечная цель – удовольствие, и спор идет лишь о том, каким образом достигнуть его; противоположное мнение было бы тотчас отвергнуто, ибо кто стал бы слушать человека, утверждающего, что цель наших усилий – наши бедствия и страдания?

Разногласия между философскими школами в этом случае – чисто словесные (*Transcurramus sollertissimas nugas*). Здесь больше упрямства и препирательств по мелочам, чем подобало бы людям такого возвышенного призвания. Впрочем, кого бы ни взялся играть человек, он всегда играет вместе с тем и себя самого. Чтобы ни говорили, но даже в самой добродетели конечная цель – наслаждение. Мне нравится дразнить этим словом слух тех, кому оно очень не по душе. И когда оно действительно обозначает высшую степень удовольствия и полнейшую удовлетворенность – подобное наслаждение в большей мере зависит от добродетели, чем от чего-либо иного. Становясь более живым, острым, сильным и мужественным, такое наслаждение делается от того лишь более мягким, более милым и естественным словом «удовольствие», нежели словом «вожделение», как его часто именуют. Что до этого более низменного наслаждения, то если оно вообще заслуживает этого прекрасного названия, но разве что в порядке соперничества, а не по праву. Я нахожу, что этот вид наслаждения еще более, чем добродетель, сопряжен с неприятностями и лишениями всякого рода. Мало того, что оно мимолетно, зыбко и преходяще, ему также присущи и свои бедствия, и свои посты, и свои тяготы, и пот, и кровь; сверх того, с ним сопряжены особые, крайне мучительные и самые разнообразные страдания, а затем – пресыщение, до такой степени тягостное, что его можно приравнять к наказанию. Мы глубоко заблуждаемся, считая, что эти трудности и помехи обостряют такое наслаждение и придают ему особую пряность, подобно тому, как это происходит в природе, где противоположности, сталкиваясь, вливают друг в друга новую жизнь; но в не меньшее заблуждение мы впадаем тогда, когда, переходя к добродетели, говорим, что сопряженные с нею трудности и невзгоды превращают в бремя для нас, делают чем-то бесконечно суровым и недоступным, ибо тут гораздо больше, чем в сравнении с вышеназванным наслаждением, они облагораживают, обостряют и усиливают божественное и совершенное удовольствие, которое добродетель дарует нам. Поистине недостойн общения с добродетелью тот, кто кладет на чаши весов жертвы, которые она от нас требует, и приносимые ею плоды, сравнивая их вес; такой человек не представляет себе ни благодеяний добродетели – дело

мучительное и трудное и что лишь обладание ею приятно, что все равно как если бы он говорил, что она всегда неприятна. Разве есть у человека такие средства, с помощью которых кто-нибудь хоть однажды достиг полного обладания ею? Наиболее совершенные среди нас почитали себя счастливыми и, когда ни выпадала возможность добиваться ее, хоть немного приблизиться к ней, без надежды обладать ею? И одно из древнейших благодеяний ее – презрение к смерти; оно придает нашей жизни спокойствие и безмятежность, оно позволяет вкушать ее чистые и мирные радости; когда этого нет – отравлены и все прочие наслаждения. Вот почему все философские учения встречаются и сходятся в этой точке. И хотя они в один голос предписывают нам презирать страдания, нищету и другие невзгоды, которым подвержена жизнь человека, все же не это должно быть первейшей нашей заботой, как потому что эти невзгоды не столь уже неизбежны (большая часть людей проживает жизнь, не испытав нищеты, а некоторые – даже не зная, что такое физическое страдание и болезни, каков, например, музыкант Ксенофил, умерший в возрасте ста шести лет и пользовавшийся до смерти прекрасным здоровьем), так и потому, что на худой конец, когда мы того пожелаем, можно прибегнуть к помощи смерти, которая положит предел нашему земному существованию и прекратит наши мытарства.

Монтень М. Опыты. М., 1991. С. 63–65.

Рене Декарт³
(1596–1650)

Прежде всего я хотел бы выяснить, что такое философия, сделав поchin с наиболее обычного, с того, например, что слово «философия» обозначает занятие мудростью и что под мудростью понимается не только благоразумие в делах, но также и совершенное знание всего того, что может познать человек; это же знание, которое направляет самую жизнь, служит сохранению здоровья, а также открытиям во всех науках. А чтобы философия стала такой, она необходимо должна быть выведена из первых причин так, якобы тот, кто старается овладеть ею (что и значит, собственно, философствовать), начинал с исследования этих первых причин, именуемых началами. Для этих начал существует два требования. Во-первых, они должны быть столь ясны и самоочевидны, чтобы при внимательном рассмотрении человеческий ум не мог усомниться в их истинности; во-вторых, познание всего остального должно зависеть от них

³ Французский философ, физик и математик, представитель классического рационализма.

так, что хотя начала и могли бы быть познаны помимо познания прочих вещей, однако, обратно, эти последние не могли не быть познаны без знания начал. При этом необходимо понять, что здесь познание вещей из начал, от которых они зависят, выводится таким образом, что во всем ряду выводов нет ничего, что не было бы совершенно ясным. Вполне мудр в действительности один бог, ибо ему свойственно совершенное знание всего; но и люди могут быть названы более или менее мудрыми, соответственно тому, как много или как мало они знают истин о важнейших предметах. С этим, я полагаю, согласятся все сведущие люди.

Затем я предложил бы осудить полезность этой философии и вместе с тем доказал бы важность убеждения, что философия (поскольку она распространяется на все доступное для человеческого познания) одна только отличает нас от дикарей и варваров и что каждый народ тем более гражданственен и образован, чем лучше в нем философствуют; поэтому нет для государства большего блага, как иметь истинных философов. Сверх того, любому человеку важно не только пользоваться близостью тех, кто предан душою этой науке, но поистине много лучше самим посвящать себя ей же, подобно тому, как несомненно предпочтительнее при ходьбе пользоваться собственными глазами и благодаря им получать наслаждение от красок и цвета, нежели закрывать глаза и следовать на поводу у других; однако и это все же лучше, чем, закрыв глаза, отказываться от всякого постороннего руководства. Действительно, те, кто проводит жизнь без изучения философии, совершенно замкнули глаза и не заботятся открыть их; между тем удовольствие, которое мы получаем при созерцании вещей, видимых нашему глазу, отнюдь не сравнимо с тем удовольствием, какое доставляет нам познание того, что мы находим с помощью философии. К тому же для наших нравов и для жизненного уклада эта наука более необходима, чем пользование глазами для направления наших шагов. Неразумные животные, которые должны заботиться только о своем теле, непрерывно и заняты лишь поисками пищи для него; для человека же, главною частью которого является ум, на первом месте должна стоять забота о снискании его истинной пищи – мудрости. Я твердо убежден, что очень многие не преминули бы это сделать, если бы только надеялись в том успеть и знали, как это осуществить. Нет такого самого последнего человека, который был бы так привязан к объектам чувств, что когда-нибудь не обратился бы от них к чему-то лучшему, хотя бы часто и не знал, в чем последнее состоит. Те, к кому судьба благосклонна, кто в избытке обладает здоровьем, почетом и богатством, не более других свободны от такого желания; я даже убежден, что они сильнее прочих тоскуют по благам более значительным и совершенным, чем те, какими они обладают. А такое высшее благо, как показывает даже и помимо света веры один природный разум, есть не что иное, как познание истины по ее первопричинам, т. е. мудрость; занятие последнею и

есть философия. Так все это вполне верно, то нетрудно в том убедиться, лишь бы правильно все было выведено. Но поскольку этому убеждению противоречит опыт, показывающий, что люди, более всего занимающиеся философией, часто менее мудры и не столь правильно пользуются своим рассудком, как те, кто никогда не посвящал себя этому занятию, я желал бы здесь кратко изложить, из чего состоят те науки, которыми мы теперь обладаем, и какой ступени мудрости эти науки достигают. Первая ступень содержит только те понятия, которые благодаря собственному свету настолько ясны, что могут быть приобретены и без размышления. Вторая ступень охватывает все то, что дает нам чувственный опыт. Третья – то, чему учит общение с другими людьми. Сюда можно присоединить, на четвертом месте, чтение книг, конечно не всех, но преимущественно тех, которые написаны людьми, способными наделить нас хорошими наставлениями; это как бы вид общения с их творцами. Вся мудрость, какую обычно обладают, приобретена, на мой взгляд, этими четырьмя способами. Я не включаю сюда божественное откровение, ибо оно не постепенно, а разом поднимает нас до безошибочной веры. Однако во все времена бывали великие люди, пытавшиеся присоединять пятую ступень мудрости, гораздо более возвышенную и верную, чем предыдущие четыре; по-видимому, они делали это исключительно так, что отыскивали первые причины и истинные начала, из которых выводили объяснения всего доступного для познания. И те, кто старался об этом, получили имя философов по преимуществу. Никому, однако, насколько я знаю, не удалось счастливое разрешение этой задачи. Первыми и наиболее выдающимися из таких писателей, сочинения которых дошли до нас, были Платон и Аристотель.

*Декарт Р. Начала философии // Избранные произведения.
М., 1950. С. 411–426*

**Иммануил Кант⁴
(1724–1804)**

Философия есть система философских знаний или рациональных знаний из понятий. Таково *школьное* понятие этой науки. По *мировому* же понятию (Weltbegriff) она есть наука о последних целях человеческого разума. Это высокое понятие сообщает философии *достоинство*, т. е. абсолютную ценность. И действительно, она есть то, что одно только и имеет *внутреннюю* ценность и впервые придает ценность всем другим знаниям.

⁴ Немецкий философ, создатель трансцендентального идеализма.

Ведь всегда спрашивают в конце концов, чему служит философствование и его конечная цель – сама философия, рассматриваемая согласно *школьному понятию*?

В этом схоластическом значении слова философия имеет в виду лишь *умение*, в смысле же ее мирового понятия – *полезность*. В первом смысле она есть, следовательно, *учение об умении*; в последнем – *учение о мудрости, законодательница разума*, и постольку философ – не виртуоз ума, но *законодатель*.

Виртуоз ума или, как его называет *Сократ*, – *филодокс*, стремится только к спекулятивному знанию, не обращая внимания на то, насколько содействует это знание последним целям человеческого разума: он дает правила применения разума для всевозможных произвольных целей. Практический философ – наставник мудрости учением и делом – есть философ в собственном смысле. Ибо философия есть идея совершенной мудрости, указывающей нам последние цели человеческого разума.

К философии по школьному понятию относятся две вещи: *во-первых*, достаточный запас рациональных знаний; *во-вторых*, систематическая связь этих знаний, или соединение их в идею целого.

Философия не только допускает такую строго систематическую связь, но и является единственной наукой, которая имеет систематическую связь в собственном смысле и придает всем другим наукам систематическое единство.

Что же касается философии по мировому понятию (*in sensu cosmico*), то ее можно назвать также *наукой о высшей максиме применения нашего разума*, поскольку под максимой разумеется внутренний принцип выбора между различными целями.

Ибо и в последнем значении философия есть наука об отношении всякого знания и всякого применения разума к конечной цели человеческого разума, которой, как высшей, подчинены все другие цели и в которой они должны образовать единство.

Сферу философии в этом всемирно-гражданском значении можно подвести под следующие вопросы:

1. Что я могу знать?
2. Что я должен делать?
3. На что я смею надеяться?
4. Что такое человек?

На первый вопрос отвечает *метафизика*, на второй – *мораль*, на третий – *религия* и на четвертый – *антропология*. Но в сущности все это можно было бы свести к антропологии, ибо три первых вопроса относятся к последнему.

Итак, философ должен определить:

- 1) источники человеческого знания,

2) объем возможного и полезного применения всякого знания и, наконец,

3) границы разума.

Последнее есть нужнейшее, но также – пусть не огорчается филодокс – и труднейшее.

Философу требуются главным образом две вещи: 1) культура таланта и умения, чтобы применять их ко всевозможным целям; 2) навык в применении того или другого средства к каким-либо целям. То и другое должно соединяться, ибо без знаний никогда нельзя стать философом, но также и одни знания никогда не создают философов, если целесообразная связь всех знаний и навыков не образует единства и не возникает сознание соответствия этого единства высшим целям человеческого разума.

Кант И. Логика // Трактаты и письма. М., 1980. С. 331–334

Георг Вильгельм Фридрих Гегель⁵
(1770–1831)

Эта наука постольку представляет собой единство искусства и религии, поскольку внешний по своей форме способ созерцания искусства, присущая ему деятельность субъективного созидания и расщепления его субстанциального содержания на множество самостоятельных форм становится в *тотальности* религией. В религии в представлении развертывается расхождение и опосредствование раскрытого содержания и самостоятельные формы не только скрепляются вместе в некоторое целое, но и объединяются в простое духовное созерцание и, наконец, возвышаются до *мышления*, обладающего *самосознанием*. Это знание есть тем самым познанное посредством мышления *понятие* искусства и религии, в котором все то, что различно по содержанию, познано как необходимое, а это необходимое познано как свободное.

Соответственно этому философия определяется как познание необходимости *содержания* абсолютного представления, а также необходимости обеих его *форм*, – с *одной стороны*, непосредственного созерцания и его *поэзии*, как равным образом и объективного и внешнего *откровения*, которое *предполагается* представлением, а с *другой стороны*, прежде всего субъективного вхождения в себя, затем также субъективного движения вовне и отождествления *веры* с предпосылкой. Это познание является, таким образом, *признанием* этого содержания и его формы и *освобождением* от односторонности форм, возвышением

⁵ Немецкий философ, создатель учения, построенного на принципах «абсолютного идеализма», диалектики, системности, историзма.

их до абсолютной формы, самое себя определяющей как содержание, остающейся с ним тождественной и в этом тождестве представляющей собой познание упомянутой в-себе-и-для-себя-сущей необходимости. Это движение, которое и есть философия, оказывается уже осуществленным, когда оно в заключении постигает свое собственное понятие, т. е. *оглядывается* назад только на свое же знание.

Гегель Г.В.Ф. Философия духа // Энциклопедия философских наук. Т. 3. М., 1977. С. 393–394

Философия начинается там, где всеобщее понимается как всеобъемлющее сущее, или, иначе говоря, там, где сущее постигается всеобщим образом, где выступает мышление мышления... Мышление должно существовать для себя, получить существование в своей свободе, оторваться от природного и выйти из созерцательной погруженности; она должна, как свободная, войти в себя и таким образом достигнуть сознания свободы. Началом философии в собственном смысле мы должны признать тот момент, когда абсолютное уже больше не существует как представление и когда свободная мысль не только мыслит абсолютное, но и постигает его идею, т. е. когда мысль постигает бытие (которое может быть также и самое мышление), познаваемое ею как сущность вещей, как абсолютную целостность и как имманентную сущность всего на свете, – постигаемое ею, следовательно, как мысль, хотя бы оно и выступало как внешнее бытие.

Гегель Г.В.Ф. Отношение философии к другим областям // Сочинения. Т. IX. Лекции по истории философии. М., 1932. С. 88

Фридрих Ницше⁶ **(1844–1900)**

Каждый глубокий мыслитель больше боится быть понятым, чем непонятым. – В последнем случае, быть может, страдает его тщеславие, в первом же – его сердце, его сочувствие, которое твердит постоянно: «ах, зачем *вы* хотите, чтобы и вам было так же тяжело, как мне?»

Философ: это человек, который постоянно переживает необыкновенные вещи, видит, слышит, подозревает их, надеется на них, грезит о них; которого его собственные мысли поражают как бы извне, как бы сверху и снизу, как привычные *для него* события и грозные удары; который, быть может, сам представляет собою грозную тучу, чреватую

⁶ Немецкий философ, крупнейший представитель «философии жизни».

новыми молниями; это роковой человек, постоянно окруженный громом, грохотом и треском и всякими жутями. Философ: ах, существо, которое часто бежит от самого себя, часто боится себя, – но которое слишком любопытно для того, чтобы постоянно снова не «приходить в себя», не возвращаться к самому себе.

Я настаиваю на том, чтобы наконец перестали смешивать философских работников и вообще людей науки с философами, – чтобы именно здесь строго воздавалось «каждому свое» и чтобы на долю первых не приходилось слишком много, а на долю последних – слишком мало. Для воспитания истинного философа, быть может, необходимо, чтобы и сам он стоял некогда на всех тех ступенях, на которых остаются и *должны* оставаться его слуги, научные работники философии; быть может, он и сам должен быть критиком и скептиком, и догматиком, и историком, и, сверх того, поэтом и собирателем, и путешественником, и отгадчиком загадок, и моралистом, и прорицателем, и «свободомыслящим», и почти всем, чтобы пройти весь круг человеческих ценностей и разного рода чувств ценности, чтобы *иметь возможность* смотреть различными глазами и с различной совестью с высоты во всякую даль, из глубины во всякую высь, из угла во всякий простор. Но все это только предусловия его задачи; сама же задача требует кое-чего другого – она требует, чтобы он *создавал ценности*. Упомянутым философским работникам следует, по благородному почину Канта и Гегеля, прочно установить и втиснуть в формулы огромный наличный состав оценок – т. е. бывшего *установления* ценностей, создания ценностей, оценок, господствующих нынче и с некоторого времени называемых «истинами», – все равно, будет ли это в области *логической*, или *политической* (моральной), или *художественной*. Этим исследователям надлежит сделать ясным, доступным обсуждению, удобопонятным, сподручным все случившееся и оцененное, надлежит сократить все длинное, даже само «время», и одолеть все прошедшее: это колоссальная и в высшей степени удивительная задача, служение которой может удовлетворить всякую утонченную гордость, всякую упорную волю. *Подлинные же философы суть повелители и законодатели*; они говорят: «*так должно быть!*», они-то и определяют «куда?» и «зачем?» человека и при этом распоряжаются подготовительной работой всех философских работников, всех победителей прошлого, – они простирают творческую руку в будущее, и все, что есть и было, становится для них при этом средством, орудием, молотом. Их «познавание» есть *созидание*, их созидание есть законодательство, их воля к истине есть *воля к власти*. – Есть ли нынче такие философы? Были ли уже такие философы? Не *должны* ли быть такие философы?

Ницше Ф. *По ту сторону добра и зла* // Сочинения. В 2 т. Т. 2. М., 1990

Вильгельм Виндельбанд⁷
(1848–1915)

Названия имеют свою судьбу, но редкое из них имело судьбу столь странную, как слово «философия». Если мы обратимся к истории с вопросом о том, что собственно есть философия, и спросим у людей, которых называли и теперь еще называют философами, об их воззрениях на предмет их занятий, то мы получим самые разнообразные и бесконечно далеко стоящие друг от друга ответы; так что попытка выразить это пестрое многообразие в одной простой формуле и подвести всю эту неопределенную массу явлений под единое понятие было бы делом совершенно безнадежным.

Правда, эта попытка предпринималась не раз, в особенности историками философии. <...>

Но будет ли при этом философия названа жизненной мудростью или наукой о принципах, или учением об абсолютном, или самопознанием человеческого духа, или еще как-нибудь, всегда определение окажется либо слишком широким, либо слишком узким; всегда именно в истории найдутся учения, которые носят название философии и все же не подходят под тот или иной из установленных формальных признаков этого понятия.

Мы не станем приводить тех доводов против всех подобных попыток, которые легко можно почерпнуть из истории философии, ибо это было бы повторением того, что уже много раз говорилось. Напротив, полезно повнимательнее вдуматься в причины этого явления. Как известно, для точности определения логика требует наличности указания на ближайшее высшее родовое понятие и на видовое отличие; но оба эти требования в данном случае, по-видимому, неисполнимы.

Прежде всего, впрочем, нам придется посчитаться с утверждением, что высшим понятием по отношению к философии служит понятие науки. Было бы неправильно возражать против этого утверждения, что в таком случае родовое понятие по временам сливается с видовым, как это было, напр., в начале греческой мысли, где именно и была налицо только одна всеобщая наука, или позднее в те периоды, когда универсалистическая тенденция Декарта или Гегеля признавала остальные «науки» только постольку, поскольку их можно было сделать частями философии. Это доказывало бы лишь непостоянство соотношения между рассматриваемыми родом и видом, но не опровергало бы научного характера философии. Точно так же нельзя опровергнуть включение философии в понятие науки указанием на то, что в большинстве философских учений встречаются совершенно ненаучные элементы и ходы мыс-

⁷ Немецкий философ, основатель Баденской (Фрайбургской) школы неокантианства.

лей. Этим мы также доказали бы только, как мало философия до сих пор разрешила свою задачу, и в параллель к этому можно было бы привести аналогичные явления из истории других «наук», как, например, мифологическую эпоху в истории, алхимистический детский период химии или период астрологических мечтаний в астрономии. Таким образом, несмотря на все свои несовершенства, философия заслуживала бы названия науки, если бы можно было установить, что все то, что зовется философией, имеет стремление быть наукой и, при правильном разрешении своей задачи, может стать ею. Но этого-то и нет на деле. Подобная характеристика философии стала бы уже сомнительной, если бы можно было показать – а это можно показать и уже было показано – что задачи, которые ставят себе философы, и притом не попутно, а считая их своей главной целью, ни в коем случае не могут быть разрешены путем научного познания. <...>

*Виндельбанд В. Что такое философия?
(О понятии и истории философии) // Прелюдии.
Философские статьи и речи. СПб., 1904. С.1–16*

Эдмунд Гуссерль⁸
(1859–1938)

С самого момента своего возникновения философия выступила с притязанием быть строгой наукой, и притом такой, которая удовлетворяла бы самым высоким теоретическим потребностям и в этически-религиозном отношении делала бы возможной жизнь, управляемую чистыми нормами разума. Это притязание выступало то с большей, то с меньшей энергией, но никогда не исчезало. Не исчезало даже и в такие времена, когда интересы и способности к чистой теории грозили исчезнуть, или когда религиозная сила стесняла свободу научного исследования.

Притязанию быть строгой наукой философия не могла удовлетворить ни в одну эпоху своего развития. Так обстоит дело и с последней эпохой, которая, сохраняя при всем многообразии и противоположности философских направлений единый в существенных чертах ход развития, продолжается от Возрождения до настоящего времени. Правда, господствующей чертой новой философии является именно то, что она вместо того, чтобы наивно предаться философскому влечению, стремится, наоборот, конституироваться в строгую науку, пройдя сквозь горнило критической рефлексии и углубляя все дальше и дальше исследования о ме-

⁸ Немецкий философ, создатель современной феноменологии как особого типа философии и как философского направления.

тоде. Однако единственным зрелым плодом этих усилий оказалось обоснование и утверждение своей самостоятельности строгими науками о природе и духе, равно как и новыми чисто математическими дисциплинами. Между тем философия, даже в особом, только теперь дифференцирующемся смысле, лишена, как и прежде, характера строгой науки.

Нигде научное изучение не является пассивным восприятием чуждых духу материалов, повсюду оно основывается на самодеятельности, на некотором внутреннем воспроизведении со всеми основаниями и следствиями тех идей, которые возникли у творческих умов. Философии нельзя учить потому, что в ней нет таких объективно понятых и обоснованных идей, и потому, – это одно и то же, – что ей недостает еще логически прочно установленных и, по своему смыслу, вполне ясных проблем, методов и теорий.

Я не говорю, что философия – несовершенная наука, я говорю просто, что она еще вовсе не наука, что в качестве науки она еще не начиналась, и за масштаб беру при этом хотя бы самую маленькую долю объективного обоснованного научного содержания. Несовершенны все науки, даже и вызывающие такой восторг точные науки. Они, с одной стороны, не закончены, перед ними бесконечный горизонт открытых проблем, которые никогда не оставят в покое стремления к познанию; с другой стороны, в уже разработанном их содержании заключаются некоторые недостатки, там и сям обнаруживаются остатки неясности или несовершенства в систематическом распорядке доказательств и теорий. Но, как всегда, некоторое научное содержание есть в них в наличности, постоянно возрастающая и все вновь и вновь разветвляющаяся. В объективной истинности, т. е. в объективно обоснованной правдоподобности удивительных теорий математики и естественных наук, не усомнится ни один разумный человек. Здесь, говоря вообще, нет места для частных «мнений», «воззрений», «точек зрения». Поскольку таковые в отдельных случаях еще и встречаются, постольку наука оказывается еще не установившеюся, только становящеюся, и как такая, всеми подвергается обсуждению.

Совершенно иного рода, по сравнению с только что описанным несовершенством всех наук, несовершенство философии. Она располагает не просто неполной и только в отдельном несовершенной системой учений, но попросту не обладает вовсе системой. Все вместе и каждое в отдельности здесь спорно, каждая позиция в определенном вопросе есть дело индивидуального убеждения, школьного понимания «точки зрения».

Гуссерль Э. Философия как строгая наука // Логос. Международный ежегодник по философии культуры. М., 1911. Кн. 1. С. 8–15

Бертран Рассел⁹
(1872–1970)

«Философия» – слово, которое употреблялось во многих смыслах, более или менее широких или узких. Я предлагаю употреблять это слово в самом широком смысле, который и попытаюсь теперь объяснить.

Философия, как я буду понимать это слово, является чем-то промежуточным между теологией и наукой. Подобно теологии она состоит в спекуляциях по поводу предметов, относительно которых точное знание оказывалось до сих пор недостижимым; но подобно науке, она взывает скорее к человеческому разуму, чем к авторитету, будь то авторитет традиции или откровения. Всё *определённое* знание, по моему мнению, принадлежит к науке; все *догмы*, поскольку они выходят за пределы определенного знания, принадлежат к теологии. Но между теологией и наукой имеется Ничейная Земля, открытая для атак с обеих сторон; эта Ничейная Земля и есть философия. Почти все вопросы, которые больше всего интересуют спекулятивные умы, таковы, что наука на них не может ответить, а самоуверенные ответы теологов более не кажутся столь же убедительными, как в предшествующие столетия. Разделён ли мир на дух и материю, а если да, то что такое дух и что такое материя? Подчинён ли дух материи, или он обладает независимыми силами? Имеет ли Вселенная какое-либо единство или цель? Развивается ли Вселенная по направлению к некоторой цели? Действительно ли существуют законы природы, или мы просто верим в них благодаря лишь присущей нам склонности к порядку? Является ли человек тем, чем он кажется астроному – крошечным комочком смеси углерода и воды, бесильно копошащемся на маленькой и второстепенной планете? Или же человек является тем, чем он представлялся Гамлету? А может быть он является и тем и другим одновременно? Существуют ли возвышенный и низменный образы жизни, или же все образы жизни являются только тщетой? Если же существует образ жизни, который является возвышенным, то в чем он состоит и как его можно достичь? Нужно ли добру быть вечным, чтобы заслуживать высокой оценки, или же к добру нужно стремиться, даже если Вселенная неотвратимо движется к гибели? Существует ли такая вещь, как мудрость, или же то, что представляется таковой, – просто максимально рафинированная глупость? На такие вопросы нельзя найти ответа в лаборатории. Теологи претендовали на то, что дать на эти вопросы ответы и притом весьма определённые, но самая определённость их ответов заставляет современные умы относить-

⁹ Английский логик и философ, основоположник логического анализа, общественный деятель.

ся к ним с подозрением. Исследовать эти вопросы, если не отвечать на них, – дело философии.

К чему тогда, можете вы спросить, тратить время на подобные неразрешимые вопросы?

...Наука говорит нам, что мы способны познавать, но то, что мы способны познать, ограничено, и если мы забудем, как много лежит за этими границами, то утратим восприимчивость ко многим очень важным вещам. Теология, с другой стороны, вводит догматическую веру в то, что мы обладаем знаниями там, где фактически мы невежественны, и тем самым порождает некоторого рода дерзкое неуважение ко Вселенной. Неуверенность перед лицом живых надежд и страхов мучительна, но она должна сохраняться, если мы хотим жить без поддержки утешающих басен. Нехорошо и то, и другое: забывать задаваемые философией вопросы и убеждать себя, что мы нашли бесспорные ответы на них. Учить тому, как жить без уверенности и в то же время не быть парализованным нерешительностью, – это, пожалуй, главное, что может сделать философия в наш век для тех, кто занимается ею.

*Рассел Б. История западной философии.
Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2007. С. 19–21*

2. ФИЛОСОФИЯ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

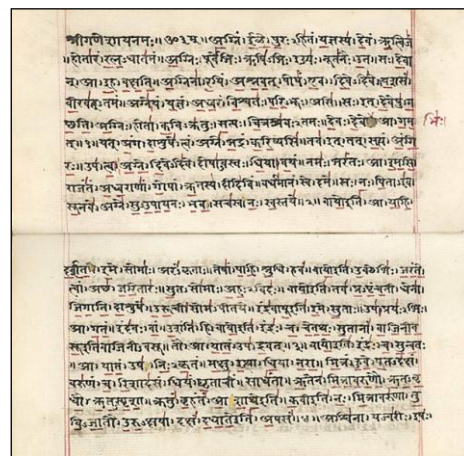
*Ригведа*¹⁰

2. [О ЕДИНСТВЕ ВСЕГО СУЩЕГО]
Ригведа, VIII, 58

2. Един Огонь, многообразно возжигаемый,
Едино Солнце, всепроникающее,
Едина Заря, все освещающая,
И едино то, что стало всем [этим].

5. [О ПРОИСХОЖДЕНИИ БОГОВ]
Ригведа, X, 72

1. Тому, кто видит [богов] в грядущем веке,
Мы с радостью повествуем теперь о про-
исхождении богов.
2. Брахманаспати выковал их, подобно кузнецу,
В раннем веке богов.
3. В первом веке богов из не-сущего возникло сущее.
Затем возникло пространство мира, оно [возникло] из прародитель-
ницы.
4. Земля возникла из прародительницы.
Из земли возникло пространство мира,
Из Адити возник Дакша, из Дакши – Адити.
5. Ведь Адити возникла, о Дакша, она твоя дочь.
Затем возникли боги, благие спутники бессмертия.
6. Когда, о боги, вы стояли, крепко держась [друг за друга] в изначаль-
ном море,
От вас, как от пляшущих, поднялась густая пыль.
7. Когда, о боги, вы, изнуряя себя, приумножали миры,
Вынесли вы скрытое в море солнце.
8. Восемь сыновей Адити рождены из [ее] чрева.
Вознеслась она к богам, с семерыми [сыновьями],
Мартанду она отвергла.
9. С семьёю сыновьями вознеслась Адити в ранний век,
Для рождения и умирания вновь привела [она] Мартанду.

¹⁰ Собрание преимущественно религиозных гимнов, возникших среди арийских пле-
мён в эпоху их переселения в Индию. Первый известный памятник индийской лите-
ратуры, наиболее древняя и значительная из Вед. Окончательное оформление Р.
принято относить к X в. до н.э., но некоторые гимны восходят, очевидно, к середине
II тыс. до н.э.

6. [ГИМН ПУРУШЕ]

Ригведа, X, 90

1. Тысячеглавый, тысячеглазый и тысяченогий пуруша.
Он закрыл собою всю землю и [еще] возвышался над ней на десять пальцев.
2. Пуруша – это все, что стало и станет.
Он властвует над бессмертием, [над всем], что растет благодаря пище.
3. Огромно его величие, но еще огромное [сам] пуруша.
Четвертая часть его – все сущее, три [другие] части – бессмертное в небе.
4. На три четверти вознесся пуруша в вышину, четвертая часть его осталась [здесь].
Отсюда [он] распростерся на тех, кто ест и кто не ест.
5. От него родилась Вирадх, а за ней пуруша.
Родившись, он распростерся на запад и на восток.
6. Боги, совершая жертвоприношение, приносили пурушу в жертву.
Весна была его жертвенным маслом, лето – дровами, [а] осень – [самой] жертвой.
7. Этого перворожденного пурушу освятили как жертву на жертвенной траве,
Им приносили жертвы боги [те], кто были садхьи и риши¹¹.
8. Из него, принесенного в жертву, было получено жертвенное масло.
[Его] обратили в те существа, которые [обитают] в воздухе, в лесу и селениях.
9. От него, принесенного в жертву, возникли риги и саманы,
Стихотворные размеры возникли от него, яджусы¹² от него возникли.
10. От него возникли лошади и [другие животные] с верхними и нижними зубами.
Коровы возникли от него, от него возникли козы и овцы.
11. Когда разделили пурушу, на сколько частей он был разделен?
Чем стали уста его, чем руки, чем бедра, ноги?
12. Брахманом стали его уста, руки – кшатрием,
Его бедра стали вайшьей, из ног возникли шудра.
13. Луна родилась из мысли, из глаз возникло солнце.
Из уст – Индра и Агни, из дыхания возник ветер.
14. Из пупа возникло воздушное пространство, из головы возникло небо.
Из ног – земля, страны света – из слуха. Так распределились миры.

¹¹ Риши – легендарные авторы (и персонажи) ведических гимнов, мудрец.

¹² Риги – хвалебные стихи, гимны; саманы – песнопения, мелодии; яджус – жертвенное заклинание.

15. Вокруг него положили семь поленьев, трижды семь поленьев было приготовлено,
Когда боги, совершая жертвоприношение, связывали пурушу, [как вяжут] жертвенное животное.
16. Жертвой совершали боги жертвоприношение; эти дхармы были первыми.
И им, могущественным, досталось небо, где первые боги – садхьи.

9. [КОСМОГЕНИЧЕСКИЙ ГИМН]

Ригведа, X, 129

1. Тогда не было ни сущего, ни не-сущего;
Не было ни воздушного пространства, ни неба над ним.
Что в движении было? Где? Под чьим покровом?
Чем были воды, непроницаемые, глубокие?
2. Тогда не было ни смерти, ни бессмертия, не было
Различия между ночью и днем.
Без дуновения само собой дышало Единое,
И ничего, кроме него, не было.
3. В начале тьма была сокрыта тьмою,
Все это [было] неразличимо, текуче.
От великого тапаса зародилось Единое,
Покрытое пустотою.
4. И началось [тогда] с желания, – оно
Было первым семенем мысли.
Связку сущего и не-сущего
Отыскиали, восприемля в сердце, прозорливые мудрецы.
5. Верьвь их простерта поперек. Было ли
Внизу [что], было ли вверху?
Носители семени были, силы были. Вождделение –
Внизу, усилия – вверху.
6. Когда поистине знает, кто теперь бы поведал.
Откуда возникло это мироздание?
Боги [появились] после сотворения его.
[Но] кто же знает, из чего оно возникло?
7. Из чего возникло это мирозданье, создал ли
[Кто] его или нет?
Кто видел это на высшем небе,
Тот поистине знает. [А] если не знает?

Древнеиндийская философия. Начальный период. М.: Изд-во /социально-экономической литературы, 1963. С. 29, 30–31, 31–33, 35

Брахманы¹³

16. [ШАНДИЛЬЯ¹⁴ ОБ АТМАНЕ ЧЕЛОВЕКА]

Шатапатха-брахмана, X, 6, 3

1. «Истину должно почитать как Брахмана. Ибо этот пуруша состоит из воли. Сколь сильна воля у того, кто покидает этот мир, столь же сильна воля у того, кто, покинув [этот мир], достигает того мира».

2. Пусть почитают этот, состоящий из мысли атман, чье тело – дыхание, чей облик – свет, чей атман – пространство, принимающий по желанию [различный] облик, быстрый, как мысль, истинно решительный, истинно мужественный, все обоняющий, все вкушающий, проникающий все страны света, достигающий этого мира, не имеющий речи, не имеющий намерений. Каково зерно риса или ячменя, или пшена, или ядро зернышка пшена, таков и этот пуруша в атмане, состоящий из золота. Подобно свету, не [застланному] дымом, он больше неба, больше пространства, больше этой земли, больше всех существ. Он – атман дыхания. Он – мой атман. Я стану этим атманом, покинув этот мир. У того, кто знает это, не будет сомнений», – сказал Шандилья.

18. [БРАХМАН]

Шатапатха-брахмана, XI, 2, 3

1. Поистине Брахманом был вначале этот [мир]. Он создал из себя богов. Создав богов, он дал им подняться в миры: в этот мир – огню, в воздушное пространство – ветру, в небо – солнцу...

6. Поистине смертными были боги вначале. Когда же они достигли этих [миров] благодаря Брахману, они стали бессмертными.

Древнеиндийская философия. Начальный период.

М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1963. С. 67–68, 72

Араньяки¹⁵

2. [ЧЕЛОВЕК – СВЕРШЕННОЕ ДЕЯНИЕ]

Айтарея-араньяка, II, 3

3. Теперь – о возникновении семени. Семя Праджапати – это боги. Семя богов – дождь. Семя дождя – травы. Семя трав – пища. Семя пищи – семя. Семя семени – творения. Семя творения – сердце. Семя

¹³ Древнеиндийские священные трактаты VIII–VI вв. до н.э., самые ранние образцы древнеиндийской прозы.

¹⁴ Шандилья – один из авторов Шатапатха-брахманы, у которого ясно выражена тенденция к идеализму.

¹⁵ Священные писания индуизма, являющиеся частью Вед.

сердца – мысль. Семя мысли – речь. Семя речи – деяние. Свершенное деяния – человек...

5. [АТМАН]

Айтарея-араньяка, II, 3

1. Мудр тот, кто знает атман как пятеричную песнь, из которой возникает все то. Земля, ветер, воздух, вода, небесные тела – все это атман, эта пятеричная песнь. Все возникает из него. Все завершается в нем. Тот, кто знает это, есть пристанище для себе подобных. У того, кто знает пищу и поглощающего пищу, рождается поглощающий пищу, и пища принадлежит ему. Пища – это вода и земля, ибо из них состоит пища. Свет и ветер – это поглотитель пищи, ибо посредством их он поглощает пищу. Пространство – чаша, ибо все вливается в чашу. Тот, кто знает это, становится пристанищем для себе подобных, у того кто знает пищу и поглощающего пищу, рождается поглощающий пищу, и пища принадлежит ему. Растения и деревья – пища, животные – поглотитель пищи, ибо животные поедают растения и деревья. Те из животных суть поглотители пищи, кои имеют верхние и нижние зубы и созданы наподобие человека; прочие суть пища. Потому они выше других животных – ведь поглощающий пищу выше своей пищи. Тот, кто знает это, побеждает себе подобных.

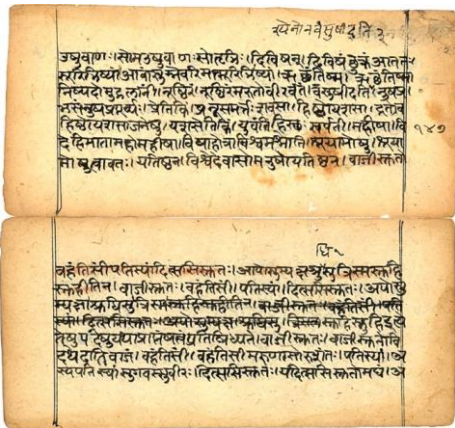
2. Тот, кто больше знает атман, тот больше живет [в этом мире]. Существуют растения, деревья и животные, и он познает [в них] атман все больше. В растениях и деревьях есть сок, в животных – чувство. Атман в животных достигает все большей чистоты, ибо в них также есть сок, но в других¹⁶ нет мысли. Атман становится все более чистым в человеке. Ведь он наделен разумом в наибольшей степени. Он говорит о том, что он знает, он видит то, что он знает, он знает [что будет] завтра, он знает этот мир и то, что не есть мир. Будучи столь совершенным, он через смертное стремится к бессмертному. Знание других животных подвижно голодом и жаждой. Они не говорят о том, что они знают, они не видят того, что они знают. Они не знают, [что будет] завтра, они не знают этого мира и того, что не есть мир. Они таковы, ибо таково их разумение, таково их существование.

Древнеиндийская философия. Начальный период. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1963. С. 75–76, 78–79

¹⁶ Растениях, деревьях.

Упанишады¹⁷

7. [О ЕДИНСТВЕ АТМАНА И БРАХМАНА]

Чхандогья-упанишада, III, 14

1. «Поистине этот мир есть Брахман.

В состоянии покоя должно почитать его как Таджджалан¹⁸. По истине человек состоит из замысла. Каков замысел человека в этом мире, таким он будет в том мире. Пусть будет у него замысел.

2. Из мысли состоящей, чье тело – дыхание, чей облик – свет, чей замысел – истина, чей атман – пространство, все свершающий,

все желающий, все обоняющий, все вкушающий, объемлющий этот мир, без речи, без забот,

3. – этот мой атман в моем сердце меньше, чем зернышко риса, чем зерно ячменя, чем горчичное семя, чем семя просо, чем ядро семени проса. Этот мой атман в моем сердце больше, чем земля, больше, чем воздушное пространство, больше, чем небо, больше, чем все эти миры.

4. Все свершающий, все желающий, все обоняющий, все вкушающий, объемлющий этот мир, без речи, без забот – это мой атман в моем сердце, это – Брахман. В него войду я, уйдя из этого мира. Для того, кто [верит] в это, не остается уже сомнений», – так говорил Шандилья, [так говорил] Шандилья.

9. [КОСМИЧЕСКОЕ ЯЙЦО]

Чхандогья-упанишада, III, 19

1. «Солнце – это Брахман», – таково поучение. Объяснение этого [таково]: не-сущим было это¹⁹ в начале. Сущим было это. Оно стало. Оно обратилось в яйцо. Оно лежало в течение года. Оно раскололось. Эти обе части скорлупы стали – [одна] серебряной, а [другая] золотой.

2. Серебряная [часть] – это земля, золотая – небо. То, что было внешней оболочкой, – это горы; внутренней – облака и туман. Жилы – это реки, жидкость внутри – море.

3. То, что там родилось, есть то солнце. Когда оно родилось, возникли шум и грохот, все существа и все желания. Потому при восходе его и каждодневном движении возникают шум и грохот, все существа и все желания.

¹⁷ Древнеиндийские религиозно-философские трактаты, являющиеся частью Вед.

¹⁸ Значение этого термина неясно. Комментаторы переводят его как «из него [Брахмана] возникающий, в него возвращающийся, в нем дышащий».

¹⁹ Мир.

4. До тех, кто, зная это, почитает солнце как Брахмана, дойдет принятый шум, осчастливив их, осчастливив их.

Древнеиндийская философия. Начальный период. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1963. С. 91–92, 93

Махабхарата²⁰

Сута Госвами продолжил:

Кришна Двайпаяна, Шрила Вьясадева в своем священном литературном творении, «Махабхарате», полностью описал все эти события. Всякий благочестивый человек, прилежно изучивший хоть одну шлоку «Махабхараты», целиком очистится от всех своих прегрешений. «Махабхарата» повествует о праведных деяниях, свершенных благолюбивыми мудрецами, святыми и святыми царями, прозревшими свою истинную суть, описывает таинственных якшей и небесных змеев. Она восславляет Верховную Личность Бога, Шри Кришну, который, невзирая на Свою бессмертную сущность, предстает в эпосе как сын царя Васудевы. Шри Кришна не только Сама Истина, но и путь к постижению этой Истины, ибо Он обладает высшей чистотой и в то же время является средством очищения. Он Высшая Абсолютная Истина, неувядаемая и

²⁰ Эпос народов Индии. Современный вид приобрел к сер. I тыс. Состоит из 18 книг, вводных эпических сказаний, главным образом, фольклорного характера.

неизменная, свет негасимый. Он вершит божественные деяния, о которых ученые мудрецы рассказывают потом всему миру. Причина и следствие, дух и материя – все исходит лишь от Верховной Личности Бога. Он первоначало, Он цель, пределы и последовательный порядок всего сущего. Он рождение и смерть, Он же и жизнь, следующая за смертью. Следует иметь в виду, что Он Высший Дух, однако же проявляется во всем материальном, сотворенном из первичных элементов: земли, воды, огня, воздуха и эфира. Его энергия выявляет и благость, и страсть, и невежество. Но Сам Он возвышается над миром материи, как скрытой, так и явной; лишь Ему одному должны мы отдавать дань почитания. Лучшие из обуздавших все свои чувства мудрецов, с великой йогической силой направляющих свои размышления на божественную субстанцию и на Него, видят этот Высший Дух в очищенных своих душах так же отчетливо, как отражение в зеркале, не имеющем ни малейших изъянов. Истинно благочестивый человек, никогда не сходящий с тропы духовности, сознающий, что лишь полное владение собою ведет к знанию, тщательным изучением этой главы «Махабхараты» может избавить себя от грехов. Эта глава – краткое введение ко всей эпопее, поэтому тот, кто выслушает всю главу целиком и искренне поверит в то, чему она учит, никогда не падет духом в столкновении с жизненными трудностями. Тот же, кто ежедневно на восходе и на закате читает главу вслух, очистится от всех грехов, обременяющих дни и ночи его жизни. [Справедливо считается, что] свежее масло – лучший из всех молочных продуктов, святой брахман – лучший из всех людей, то же самое можно сказать и об этом введении к «Махабхарате», открывающем высочайшую истину: оно содержит в себе сущность всей эпопеи и усадительно, точно нектар. Если океан – величайший из всех водоемов, а дойная корова – ценнейшее из всех четвероногих, то «Махабхарата» – величайшее из всех исторических сказаний. Тот, кто во время поминального обряда шраддха прочитает вслух эту главу, дабы доставить удовольствие брахманам, дарует великое благо своим предкам, получающим приношение священной еды и питья, и освободит их от всех страданий, причиняемых прежними дурными поступками. Ученые обогащают свое знание Вед, изучая исторические сказания и Пураны. Веда в своем живом воплощении осуждает людей малообразованных, приступающих прямо к изучению Вед, не попытавшись предварительно постичь исторические сказания и Пураны. Веда считает: «Не получив надлежащей подготовки, такой, с позволения сказать, ученый не сумеет понять мое истинное значение и, стало быть, введет в заблуждение и себя, и других. Но человек, изучивший эту Кришна-Веду и читающий ее окружающим, добьется преуспевания в этой жизни и, без сомнения, сумеет избежать воздаяния за дурные поступки, ему простится даже убийство ребенка во чреве матери. Поэтому я за-

ключая свое вступление таким напутствием: каждый, кто, очистив свое тело и душу, раздел за разделом изучит эту главу, в сущности изучит всю «Махабхарату». Тот же, кто с верою в сердце постоянно слушает это мудрое творение, достигнет долголетия, славы и вознесется на небесные планеты. Однажды добродетельные мудрецы возложили все четыре Веды на одну чашу весов, на другую же чашу – «Махабхарату». И величием и весом «Махабхарата» перетянула. Превосходящее все четыре Веды со всеми их тайнами, это творение именуется «Махабхарата», то бишь, «Великая Бхарата». Достаточно хотя бы постичь смысл этого названия, чтобы избавиться от воздаяния за дурные поступки. Нет ничего предосудительного в свершении подвижничества и в изучении священного писания. Нет ничего предосудительного в строгом следовании предписаниям Вед, как и в настойчивом стремлении к богатству. Но все эти [благие] деяния могут причинять вред, если уводят нас прочь от нашей истинной духовной природы.

Махабхарата. Книга первая. «Слава Махабхараты» // Антология мировой философии. В 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1969. С. 123–128

Бхагават-гита²¹

Санджая сказал:

Обратившись с этими словами к Хришикеше, Гудакеша, победитель врагов, сказал: «Я не буду сражаться» и умолк.

Стоя среди двух ратей и словно улыбаясь, Хришикеша обратился к повергнутому в отчаяние и молвил:

Ты скорбишь о тех, о которых не следует скорбеть, хотя и говоришь слова мудрости. Мудрые не оплакивают ни живых, ни мертвых.

Ибо поистине не было времени, когда бы я, или ты, или эти владыки земли не были; воистину не перестанем мы быть и в будущем.

Как живущий в теле переживает детство, юность и старость, также переходит он в другое тело. Сильный об этом не скорбит.

²¹ Древнеиндийская религиозно-философская поэма. Первоначально самостоятельное произведение, «Бхагават-гита» в дальнейшем вошла в эпический свод «Махабхарата». Состоит из 700 стихов (шлок), разделенных на 18 глав. Основное учение «Бхагават-гиты» было сформулировано в III–II вв. до н.э., но формирование текста поэмы растянулось почти на 1500 лет – до VIII–IX вв.

Соприкосновения с материей бросают в холод и жар, доставляют наслаждение и страдание; эти ощущения преходящи, они налетают и исчезают; выноси их мужественно, о Бхарата.

Тот, кого они [не колеблют], кто уравновешен в радости и горе и тверд, тот способен к бессмертию.

У нереального нет бытия; реальное не перестает быть; эту конечную истину постигли прозревшие в суть вещей.

Знай, что То, Которым проникнуто все сущее, неразруσιμο. Никто не может привести к уничтожению то Нерушимое.

Преходящи лишь тела этого Вечного, который неразрушим и неизмерим.

Поэтому сражайся.

Думающий, что Он может убить, и думающий, что Он может быть убитым, оба одинаково заблуждаются. Человек не может ни убивать, ни быть убитым.

Он не рождается, и не умирает; раз получив бытие. Он не перестает существовать. Нерожденный, постоянный, вечный и древний. Он не убит, когда тело его убивают.

Кто знает, что Он неразрушим, постоянен, нерожден, неизменен, как может тот убить или быть убитым? Подобно тому, как Человек, сбросив ветхую одежду, надевает новую, так бросает Он изношенные тела и облекается в новые.

Оружие не рассекает Его, огонь не палит Его, вода Его не мочит, ветер не сушит Его.

Ибо нельзя ни рассечь, ни спалить. Ни пропитать влагой, ни высушить Его: постоянный, всепроникающий, устойчивый, незыблемый, извечный Он.

Непроявленным, непостижимым, неизменным именуется Он. Зная Его таким, ты не должен скорбеть.

Если ты даже мыслил Его постоянно рождающимся и постоянно умирающим, и тогда не должен ты скорбеть.

Воистину смерть назначена для рожденного, а рождение — для умершего.

Посему о неизбежном ты не должен скорбеть.

Непроявлены существа в начале, проявленными они бывают в середине, и снова непроявленными при разрушении. О чем же печалиться? Один почитает Его за чудо, другой говорит о Нем, как о чуде; третий слышит о Нем, как о чуде, но и услышав, никто не знает Его.

Обитающий в этом теле всегда неуязвим; и посему ты не должен скорбеть ни о каком существе.

И взирая на свою собственную Дхарму, ты не должен дрожать, Арджуна; воистину, для Кшатрия нет ничего более желанного, чем праведная война.

Счастливы те Кшатрии, которым; выпадает надолго такое сражение, подобно нежданно отверзтым вратам в Небеса. Но если ты не вступишь в этот праведный бой, отвергнув свою Дхарму, и свою честь, ты примешь на себя грех.

И люди поведают о твоём бесчестии, а для почитаемого позор хуже смерти.

Великие предводители на колесницах подумают, что страх заставил тебя бежать с поля сражения, и ты, которого они столь высоко чтили, станешь презренным для них.

Много недостойных слов скажут твои враги, клеветая на твою силу. Что может быть мучительнее? Убитый, ты обретишь небо; победитель, ты насладишься землею. Восстань же и решайся сразиться! Признав равными радость и скорбь, достижение и неудачу, победу и поражение, вступи в битву; так ты избежешь греха.

Таково возмещенное тебе учение, согласное с Санхией; а теперь внимай наставлению, согласному с Йогой. Восприняв эту мудрость, ты сокрушишь оковы Кармы.

Здесь нет ни затраты сил, ни нарушения; даже и неполное знание Дхармы спасает от великого страха. Мысль решительного Разума сосредоточена на одном; мысли нерешительного разветвляются до бесконечности.

Цветисты речи немудрых, которые находят свою радость в букве Вед; они говорят: «Вне этого нет ничего иного».

Они полны желанием, высшая цель их – рай, рождение для них – плод деяний; предписанные ими обряды направлены лишь к достижению удовольствия и власти.

Для тех, кто прикован к утехам и власти, чьи мысли скованы этим учением, для тех недоступен решительный Разум, твердо устремленный на Самадхи.

Веды поучают о трех гунах; поднимись над ними; за пределами пары противоположностей пребывай постоянно в гармонии, равнодушный к обладанию, преисполненный Высшего Я.

Для просветленного Брамина Веды полезны не более, чем для местности, затопленной водою, полезен малый пруд.

Взирай лишь на дело, а не на плоды его; да не будет побуждением твоим – плоды деятельности, но и бездействию не предавайся.

Отказываясь от привязанности, оставаясь одинаково уравновешенным в успехе и неудаче, совершай действия в слиянии с божественным; равновесие именуется Йогой.

Много ниже Йоги Распознавания стоит действие. Ищи убежище в Чистом Разуме. Достойны сожаления действующие ради плодов.

В слиянии с Чистым Разумом человек отказывается и от добрых, и от дурных деяний. Отдайся же Йоге; Йога есть искусство в действиях.

Мудрец, сочетавшийся с Чистым Разумом, отказавшийся от плодов, свободный от оков рождения, идет в обитель, где нет страданий.

Когда твой ум разорвет сеть иллюзий, ты достигнешь безразличия к тому, что было услышано, и к тому, что будет услышано. Когда ум твой, запутанный в тексты Писаний, став непоколебимым, установится неподвижно в созерцании, тогда ты достигнешь Йоги.

*Бхагават-гита. Беседа 2 // Антология мировой философии.
В 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1969. С. 94–100*

Йога²²

2. Йога есть прекращение деятельности сознания.

Поскольку [в сутре] опущено слово «всякий», йога сознания также называется йогой.

Сознание ввиду своей предрасположенности к ясности, активности [или] инерционности — трехмодальное.

Саттва [как модальность] сознания, которая по своей природе есть ясность, будучи смешанна с двумя [другими модальностями], раджасом и тамасом, привязывается к господству и чувственным объектам.

Она же, смешанная с тамасом, стремится к несправедливости, незнанию, неотрешенности и утрате силы.

Она же, самая, сияющая в своей всецелой полноте, когда сброшена пелена невежества и когда к ней примешан лишь раджас, стремится к праведности, знанию, отрешенности и силе.

И она же [эта саттва сознания], когда исчезла малейшая загрязненность ее раджасом, пребывает в собственной форме, [т. е. самой себе], будучи лишь знанием различия между саттвой и Пурушей [как энергией сознания], тяготеет к дхьяне — [созерцанию, называемому] «Облако дхармы». Такое [состояние сознания] созерцатели полагают Высшим различием.

Энергия сознания не трансформируется и не поглощается [объектами], объекты сами показывают себя ей; она чиста и беспредельна.

²² Одна из шести ортодоксальных школ древнеиндийской философии. Основной текст классической йоги — «Йога-сутры» — был составлен Патанджали в IV в.

Различающее постижение есть по своей сути саттва как модальности [сознания] и, следовательно, противоположно ей, [этой энергии сознания]. Потому сознание, безразличное к нему, освобождается также и от этого постижения. В таком состоянии сознание сопровождается лишь санскарами, [т. е. бессознательными формирующими факторами]. Это и есть сосредоточие, «лишенное семян». В нем ничего не познается, оттого оно бессознательно.

Таким образом, эта йога, [определенная] как прекращение деятельности сознания, двух видов.

Раз у сознания в таком состоянии нет объекта, какова же собственная природ Пуруши, [«Зрителя»], сущность которого – постижение будхи [т. е. ментального опыта]? <...>

5. Пять видов деятельности [сознания]: загрязненные и незагрязненные.

Те, что обусловлены аффектами и служат полем для накопления бессознательных «следов» кармы – загрязненные, [а] имеющие своим объектом различающее постижение и противодействующие господству [трех] гуи – незагрязненные. [Они остаются] незагрязненными, даже попадая в поток загрязненного, они [же] – незагрязненные в промежутках загрязненного; [и, наоборот, загрязненное остается] загрязненным в промежутках незагрязненного.

Таким образом, санскары, принадлежащие к одному и тому же виду, создаются [соответствующими видами] деятельности [сознания], а сама деятельность – санскарами. И так колесо деятельности [сознания] и санскар вращается непрерывно.

Будучи таковым [по своей природе], сознание после того, как оно выполнило свою функцию, пребывает в самотождественности или же идет к пралае, [т. е. к «растворению» в противоречии в конце космического цикла].

Эти пять видов деятельности – загрязненные и незагрязненные – [перечисляются ниже]:

6. Истинное познание, заблуждение, ментальное конструирование, сон и память.

7. Истинное познание – [это] восприятие, умозаключение и авторитетное свидетельство.

8. Заблуждение есть ложное знание, основанное не на собственной форме [реального объекта].

9. [Ментальное] конструирование лишено референции и проистекает из вербального знания.

10. Сон есть [специфическая] деятельность сознания, опирающаяся на отсутствие [познавательных содержаний].

11. Память есть сохранение (букв. «неутрачивание») прошлого опыта. <...>

33. Последовательность, понимаемая как конечный предел изменения, есть противоположность мгновения.

Последовательность по своей сути есть непрерывное течение моментов; как таковая она воспринимается через конечный предел, т. е. завершение изменения. Так, новая одежда не обветшает, пока через ряд последовательных моментов не наступит предел ее [новизны].

В вечных сущностях тоже наблюдается последовательность. Сама вечность двояка: абсолютно неизменная вечность и вечность изменения – гунам. Вечным является то, в чем даже при подверженности непрерывному изменению «таковость», [т. е. внутренняя сущность], не разрушается. Вечность их обоих, [Пуруши и гун], обусловлена тем, что их внутренняя сущность неразрушима.

Что касается гун – разума и прочих, – то последовательность их существования приходит к завершению, выражающемуся через конечный предел изменения. В самих вечных гунах как носителях качеств такого завершения не обнаруживается.

В отношении абсолютно неизменных, вечных, пребывающих лишь в самих себе, освобожденных пурушей (индивидуальных «я») существование как таковое воспринимается только как последовательность. В этом случае, однако, [последовательность] не имеет завершения. [Такой вывод] носит чисто вербальный характер и делается на основании глагольной формы «существует».

– Есть ли конец последовательности этого круговорота бытия, реализующей себя через гуны в их движении или в состоянии покоя, либо же конца нет?

– Ответить на это невозможно.

– Почему?

– Есть вопросы, требующие категорического ответа: «Умирает ли каждый, кто родился? – Да, господин!», однако есть вопросы, ответ на которые должен быть разделен: «Родился ли [вновь] каждый, кто умер? – Мудрый, обретший способность различающего постижения, устранивший жажду [бытия], не родится, но [любой] другой родится вновь».

Точно так же на вопрос: «Является ли человеческая форма рождения самой лучшей или нет?» – следует отвечать, разделив его: «По сравнению с животными она – лучшая, по сравнению с богами и риши – нет». Но существуют вопросы, на которые нельзя ответить: «Имеет ли конец этот круговорот бытия или не имеет? – Для мудрого существует конец последовательности круговорота бытия, для другого – не существует». При ограничении [ответа] одним из вариантов [возникает] ошибка: поэтому вопрос должен быть проанализирован.

Как было сказано, абсолютное освобождение [наступает] при окончании последовательности разворачивании гун. [Теперь] определяется его внутренняя сущность. <...>

34. Абсолютное освобождение есть полное свертывание гун, более не являющихся объектом для Пуруши; оно же – энергия сознания, пребывающая в самой себе.

Полное свертывание гун, которые представляют собой [цепь] причин и следствий, выполнивших [свою функцию – служить] опыту и освобождению Пуруши, и [более] не существуют для него в качестве объекта, – это и есть абсолютное освобождение. Энергия сознания Пуруши [в этом случае] полностью обособлена, т. е. пребывает в самой себе из-за отсутствия связи с саттвой разума. Ее вечное сохранение именно в таком состоянии и есть абсолютное освобождение.

Классическая йога («Йога-сутры» Патанджали и «Вьяса-бхашья»). М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1992. С. 87, 88–91

Трипитака²³

1. Так, я слышал: некогда владыка жил в Бенаресе в оленьем парке Исипатана.

2. Однажды он обратился к пяти бхиккху со следующими словами: «Есть, бхиккху, два крайних [пути], по которым ушедший от мира не должен следовать. Каковы же эти два [пути]?

3. Тот, следуя которому люди стремятся лишь к удовольствиям и вожделению, низок, груб, [он] для обычных людей, неблагороден, бесполезен, а тот, который ведет к умерщвлению плоти, приносит страдания и так же неблагороден, бесполезен. Татхагата же увидел срединный путь, дающий зрение, дающий знание, по которому следует идти, избегая этих двух крайних [путей], [ибо] он ведет к умиротворенности, к сверхзнанию, к просветлению, к *нирване*.

4. Что же это, о бхиккху, за срединный путь, который увидел Татхагата, дающий зрение, дающий знание, по которому следует идти, [ибо] он ведет к умиротворенности, к сверхзнанию, к просветлению, к *нирване*? Это благой восьмеричный путь, а именно: правильное видение, пра-

²³ Канонические собрания текстов школ классического буддизма, включающие Виная-питаку – «Корзину дисциплинарных правил», Сутра-питаку – «Корзину наставлений» и Абхидхарма-питаку – «Корзину доктрин».

вильная мысль, правильная речь, правильное действие, правильный образ жизни, правильное усилие, правильное внимание, правильное сосредоточение.

5. А это, о бхиккху, благородная истина о страдании: рождение – страдание, старость – страдание, болезнь – страдание, смерть – страдание, соединение с неприятным – страдание, разлука с приятным – страдание, неполучение чего-либо желаемого – страдание, короче говоря, пятеричная привязанность к существованию есть страдание.

6. А это, о бхиккху, благородная истина о происхождении страдания: это жажда, приводящая к новым рождениям, сопровождаемая удовольствиями и страстями, находящая удовольствия здесь и там, а именно: жажда наслаждения, жажда существования, жажда гибели.

7. А это, о бхиккху, благородная истина об уничтожении страдания: это полное бесследное уничтожение этой жажды, отказ [от нее], отбрасывание, освобождение, оставление [ее]. <...>

«Две [вещи] в мире, о царь, не рождены *каммой*, не рождены причиной, не рождены материальной причиной. Вот эти две [вещи]: пространство, о царь, не рождено *каммой*, не рождено причиной, не рождено материальной причиной. Нирвана, о царь, не рождена *каммой*, не рождена причиной, не рождена материальной причиной. <...>

«*Нирвана*, о царь, не возникает, поэтому и не существует причины возникновения *нирваны*». <...>

Может ли человек, о царь, обладая той силой, что дана ему от природы, подняться отсюда на вершину царицы гор Гималаев?» – «Да, о благой». – «А может ли этот человек, о царь, обладая той силой, что дана ему от природы, принести сюда царицу гор Гималаи?» – «Конечно, нет, о благой». – «Точно так же, о царь, можно объяснить путь к достижению *нирваны*, но нельзя указать причину возникновения *нирваны*. Может ли человек, о царь, обладая той силой, что дана ему от природы, переплыв на лодке великий океан, достичь дальнего берега?» – «Да, о благой». – «А может ли этот человек, о царь, обладая той силой, что дана ему от природы, принести сюда этот дальний берег великого океана?» – «Конечно, нет, о благой». – «Точно так же, о царь, можно объяснить путь к достижению *нирваны*, но нельзя указать причину возникновения *нирваны*». <...>

«Да, о царь, *нирвана* не обусловлена. Она никем не сотворена; о *нирване*, о царь, нельзя сказать ни того, что она возникла, ни того, что она не возникла, ни того, что она должна возникнуть, что она прошлое, будущее или настоящее, что ее можно воспринять зрением, слухом, обонянием, вкусом, осязанием».

Антология мировой философии. В 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1969. С. 65

1. Дао, которое может быть выражено словами, не есть постоянное Дао. Имя, которое может быть названо, не есть постоянное имя. Безымянное есть начало неба и земли, обладающее именем – мать всех вещей.

Поэтому тот, кто свободен от страстей, видит чудесную тайну (Дао), а тот, кто имеет страсти, видит его только в конечной форме. Оба они одного и того же происхождения, но с разными названиями. Вместе они называются глубочайшими. (Переход) от одного к другому – дверь ко всему чудесному.

4. Дао пусто, но в применении неисчерпаемо. О глубочайшее! Оно кажется праотцом всех вещей.

Если притупить его пронизательность, освободить его от хаотичности, умерить его блеск, уподобить его пылинке, то оно будет казаться ясно существующим. Я не знаю, чье оно порождение, (я лишь знаю, что) оно предшествует небесному владыке.

6. Превращения невидимого (Дао) бесконечны. (Дао) – глубочайшие врата рождения – корень неба и земли. (Оно) существует (вечно) подобно нескончаемой нити, его действие неисчерпаемо.

7. Небо и земля – долговечны. Небо и земля долговечны потому, что они существуют не для себя. Вот почему они могут быть долговечными. Поэтому совершенномудрый ставит себя позади других, благодаря чему он оказывается впереди. Он пренебрегает своей жизнью, и тем самым его жизнь сохраняется.

Не происходит ли это оттого, что он пренебрегает личными (интересами)? Напротив, он действует согласно своим личным (интересам).

8. Высшая добродетель подобна воде. Вода приносит пользу всем существам и не борется (с ними), она находится там, где люди не желали бы быть. поэтому она похожа на Дао.

(Человек, обладающий высшей добродетелью, как и вода), должен селиться ближе к земле; его сердце должно следовать внутренним побуждениям; в отношениях с людьми он должен быть дружелюбным, в словах – искренним; в управлении (страной) должен быть последовательным; в делах должен исходить из возможностей, в действиях – учи-

²⁴ Древнекитайский философ, легендарный основоположник даосизма (VI–V вв. до н.э.). Под этим именем в китайской традиции выступают разные лица. По легенде, в пограничной области Ханьгу (современная провинция Хэнань) Лао-цзы был остановлен неким «стражем заставы» и по его просьбе написал или надиктовал пять тысяч слов, которые и стали «Дао дэ цзином» – «Книгой о дао и дэ».

тивать время, поскольку (он) так же, как и вода, не борется с вещами, (он) не совершает ошибок.

Лучше ничего не делать, чем стремиться к тому, чтобы что-нибудь наполнить. Если (чем-либо) острым (все время) пользоваться, оно не сможет долго сохранить свою остроту. Если зал наполнен золотом и яшмой, никто не силах их уберечь. Если богатые и знатные люди проявляют кичливость, они сами навлекают на себя беду.

Когда дело завершено, человек должен устраниваться. В этом закон небесного Дао.

16. Нужно сделать свое сердце предельно беспристрастным, твердо сохранять покой, и тогда все вещи будут изменяться сами собой, а нам останется лишь созерцать их возвращение. (В мире) большое разнообразие вещей, (но все они) возвращаются к своему началу. Возвращение к началу называется покоем, а покой называется возвращением к сущности. Возвращение к сущности называется постоянством. Знание постоянства называется (достижением) ясности, а незнание постоянства приводит к беспорядку и в результате – к злу. Знающий постоянство становится совершенным; тот, кто достиг совершенства, становится справедливым; тот, кто обрел справедливость, становится государем. Тот, кто становится государем, следует небу. Тот, кто следует небу, следует Дао. Тот, кто следует Дао, вечен и до конца жизни не будет подвергаться опасности.

23. Нужно меньше говорить, следовать естественности. Быстрый ветер не продолжается все утро. Сильный дождь не продержится весь день. Кто делает все это? Небо и Земля. Даже небо и земля не могут сделать что-либо долговечным. Там более человек. Поэтому он служит Дао. Кто (служит) Дао, тот тождественен Дао. Кто (служит) Дэ, тот тождественен Дэ. Тот, кто теряет, тождественен потере. Тот, кто тождественен Дао, тот приобретает Дао. Тот, кто тождественен Дэ, тот приобретает Дэ. Тот, кто тождественен потере, тот приобретает потерянное. Только сомнения порождают неверие.

32. Даоечно и безымянно. Хотя оно ничтожно, но никто в мире не может подчинить его себе. Если знать и государи могут его соблюдать, то все существа становятся спокойными. Тогда небо и земля сольются в гармонии, наступят счастье и благополучие, народ без приказа успокоится.

При установлении порядка появились имена. Поскольку появились имена, нужно знать предел (их употребления). Знание предела позволяет избавиться от опасности.

Когда Дао находится в мире, (все сущее влияет на него), подобно тому, как горные ручьи текут к рекам и морям.

33. Знающий людей благоразумен. Знающий себя просвещен. Побеждающий людей силен. Побеждающий самого себя могуществен. Знающий достаток богат. Кто действует с упорством, обладает волей. Кто не теряет свою природу, долговечен. Кто умер, но не забыт, бессмертен.

63. Нужно осуществлять недеяние, соблюдать спокойствие и вкушать безвкусное. Великое состоит из малого, а многое – из немногoго. На ненависть надо отвечать добром.

Преодоление трудного начинается с легкого, осуществление великого начинается с малого, ибо в мире трудное образуется из легкого, а великое из малого. Поэтому совершенномудрый начинает не с великого, тем самым он совершает великое. Кто много обещает, тот не заслуживает доверия. Где много легких дел – там много и трудных. Поэтому совершенномудрый относится к делу как к трудному и не испытает трудностей.

79. Пусть государство будет маленьким, а население редким. Если (в государстве) имеются различные орудия, не надо их использовать. Пусть люди до конца своей жизни не уходят далеко (от своих мест). Если (в государстве) имеются лодки и колесницы, не надо их употреблять. Даже если имеются воины, не надо их выставлять. Пусть народ снова начнет плести узелки и употреблять их вместо письма. Пусть его пища будет вкусной, одеяние красивым, жилище удобным, а жизнь – радостной. Пусть соседние государства смотрят друг на друга, слушают друг у друга пение петухов и лай собак, а люди до самой смерти не посещают друг друга.

80. Верные слова не изящны. Красивые слова не заслуживают доверия. Добрый не красноречив. Красноречивый не может быть добрым. Знающий не доказывает, доказывающий не знает.

Совершенномудрый ничего не накапливает. Он все делает для людей и все отдает другим. Небесное Дао приносит всем существам пользу и не вредит. Дао совершенномудрого – это деяние без борьбы.

О слишком сильно стремление к жизни. Вот почему презирают смерть. Тот, кто пренебрегает своей жизнью, тот ценит свою жизнь.

*Дао дэ цзин // Антология мировой философии. В 4 т. Т. 1.
М.: Мысль, 1969. С. 181–190*

Учение школы великого пути – даосистов – побуждает людей направлять свои духовные силы в одном направлении, чтобы их действия были согласными и неприметными, [не имеющими формы] и чтобы они шли на благо всему сущему. Создавая своё учение, даосисты следовали принципу великого порядка школы тёмного и светлого начал, использовали то хорошее, что имелось в учениях конфуцианцев и моистов, выбирали то важное, что имелось в учениях номиналистов и законников. Они преобразовывали свои установления в соответствии со временем,

меняли принципы в зависимости от обстоятельств и действовали, исходя из установившихся обычаев, [в результате их учение] подходит во всех случаях. Их идеи просты и легко применимы, вот почему при небольших усилиях они добиваются больших результатов. <...>

Даосисты говорят о недеянии великого пути и в то же время говорят, что нет в мире ничего, чего бы это Дао не делало. Сущность этого учения осуществить легко, но понять их изречения трудно. В основе их учения о пути лежит пустота [сердца] и отсутствие [желаний], их метод – следование [естеству]. Когда отсутствует законченность положения, когда нет постоянства формы, это даёт возможность познать природу всего сущего. [Они учат тому, что] нельзя ставить себя впереди вещей и явлений, нельзя ставить себя и позади вещей и явлений, лишь тогда можно стать властителем всего сущего. Есть способ или нет способа [совершить что-либо], они действуют всегда сообразно времени; есть мера или нет её, они действуют в согласии с природой вещи, поэтому и говорят, что «учение мудрецов бессмертно потому, что оно меняется в соответствии со временем и только этим сохраняется».

*Ши цзи // Древнекитайская философия.
Собрание текстов. В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1973. С. 313, 316*

Конфуций²⁵
(552/551–479 до н.э.)

Глава 1

1. Учитель сказал: «Учиться и время от времени повторять изученное, разве это не приятно? Встретить друга, прибывшего издалека, разве это не радостно? Человек остается в неизвестности и не испытывает обиды, разве это не благородный муж?»

6. Учитель сказал: «Молодые люди должны дома проявлять почтительность к родителям, а вне его – уважительность к старшим, серьезно и честно относиться к делу, безгранично любить народ и сближаться с человеколюбивыми людьми. Если после осуществления всего этого у них останутся силы, их можно тратить на чтение книг».

²⁵ Первый китайский философ, личность которого исторически достоверна, создатель конфуцианства. Взгляды Конфуция нашли отражение в сборнике сентенций, диалогов, исторических описаний и бытовых сцен «Лунь юй» («Суждения и беседы»), содержащем высказывания на разные темы самого Конфуция, его учеников и их последователей.

8. Учитель сказал: «Если благородный муж не ведет себя с достоинством, он не имеет авторитета, и, хотя он и учится, его знания не прочны. Стремись к преданности и искренности; не имей друзей, которые бы уступали тебе [в моральном отношении]; совершив ошибку, не бойся ее исправить».

11. Учитель сказал: «Если при жизни отца следовать его воле, а после его смерти следовать его поступкам и в течение трех лет не изменять порядков, заведенных отцом, то это можно назвать сыновней почтительностью».

16. Учитель сказал: «Не беспокойся о том, что люди тебя не знают, а беспокойся о том, что ты не знаешь людей».

Глава 2

3. Учитель сказал: «Если руководить народом посредством законов и поддерживать порядок при помощи наказаний, народ будет стремиться уклоняться [от наказаний] и не будет испытывать стыда. Если же руководить народом посредством добродетели и поддерживать порядок при помощи ритуала, народ будет знать стыд и он исправится».

4. Учитель сказал: «В пятнадцать лет я обратил свои помыслы к учебе. В тридцать лет я обрел самостоятельность. В сорок лет я освободился от сомнений. В пятьдесят лет я познал волю неба. В шестьдесят лет научился отличать правду от неправды. В семьдесят лет я стал следовать желаниям моего сердца и не нарушал ритуала».

10. Учитель сказал: «Посмотрев на поступки человека, взгляни на их причины, установи, вызывают ли они у него беспокойство. И тогда, сможет ли человек скрыть, [что он собой представляет]? Сможет ли человек скрыть, [что он собой представляет]?»

14. Учитель сказал: «Благородный муж ко всем относится одинаково, он не проявляет пристрастия; низкий человек проявляет пристрастие и не относится ко всем одинаково».

15. Учитель сказал: «Учиться и не размышлять – напрасно терять время, размышлять и не учиться – губительно».

Глава 3

7. Учитель сказал: «Благородный муж не соперничает ни с кем, кроме тех случаев, когда он участвует в стрельбе из лука. После взаимных приветствий он поднимается [в зал для стрельбы], а по выходе [ведет себя соответствующим образом] при питье вина. Подобное соперничество пристойно благородному мужу».

16. Учитель сказал: «Стрела не обязательно пронзает мишень, ибо силы людей не одинаковы. Это древнее правило».

Глава 4

3. Учитель сказал: «Только обладающий человеколюбием может любить людей и ненавидеть людей».

4. Учитель сказал: «Тот, кто искренне стремится к человеколюбию, не совершит зла».

14. Учитель сказал: «Человек не должен печалиться, если он не имеет [высокого] поста, он должен лишь печалиться о том, что он не укрепился [в морали]. Человек не должен печалиться, что он неизвестен людям. Как только он начнет стремиться к укреплению в морали, люди узнают о нем».

16. Учитель сказал: «Благородный муж знает только долг, низкий человек знает только выгоду».

23. Учитель сказал: «Осторожный человек редко ошибается».

24. Учитель сказал: «Благородный муж стремится быть медленным в словах и быстрым в делах».

Глава 5

9. Когда Цзай Во спал днем, учитель сказал: «На гнилом дереве не сделаешь резьбы, грязную стену не сделаешь белой. К чему ругать Во?»

Глава 6

16. Учитель сказал: «Если в человеке естественность превосходит воспитанность, он подобен деревенщине. Если же воспитанность превосходит естественность, он подобен ученому-книжнику. После того как воспитанность и естественность в человеке уравновесят друг друга, он становится благородным мужем».

18. Учитель сказал: «Знающие что-либо уступают тем, кто любит что-либо; любящие что-либо уступают тем, кто наслаждается чем-либо».

19. Учитель сказал: «С теми, кто выше посредственности, можно говорить о возвышенном; с теми, кто ниже посредственности, нельзя говорить о возвышенном».

Глава 7

1. Учитель сказал: «Я передаю, но не создаю; я верю в древность и люблю ее. В этом я подобен Лао Пэну».

Глава 8

2. Учитель сказал: «Почтительность без ритуала приводит к суетливости; осторожность без ритуала приводит к боязливости; смелость без ритуала приводит к смутам; прямота без ритуала приводит к грубости. Если государь должным образом относится к родственникам, в народе процветает человеколюбие. Если государь не забывает о друзьях, в народе нет подлости».

17. Учитель сказал: «Учитесь так, как будто вы не в состоянии достичь знаний, словно вы боитесь их потерять».

Глава 9

4. Учитель категорически воздерживался от четырех вещей: он не вдавался в пустые размышления, не был категоричен в своих суждениях, не проявлял упрямства и не думал о себе лично.

29. Учитель сказал: «С человеком, с которым можно вместе учиться, нельзя вместе стремиться к достижению правильного пути. С человеком, с которым можно вместе стремиться к достижению правильного пути, нельзя вместе утвердиться [на этом пути]. С человеком, с которым можно вместе утвердиться [на правильном пути], нельзя вместе действовать сообразно обстоятельствам».

Глава 12

1. Янь Юань спросил о человеколюбии. Учитель ответил: «Сдерживать себя, с тем чтобы во всем соответствовать требованиям ритуала, – это и есть человеколюбие. Если кто-либо в течение одного дня будет сдерживать себя, с тем чтобы во всем соответствовать требованиям ритуала, все в Поднебесной назовут его человеколюбивым. Осуществление человеколюбия зависит от самого человека, разве оно зависит от других людей?». Янь Юань сказал: «Я прошу рассказать о правилах (осуществления человеколюбия)». Учитель ответил: «На то, что не соответствует ритуалу, нельзя смотреть; то, что не соответствует ритуалу, нельзя слушать; то, что не соответствует ритуалу, нельзя говорить; то, что не соответствует ритуалу, нельзя делать». Янь Юань сказал: «Хотя я и не достаточно сообразителен, буду поступать в соответствии с этими словами».

Глава 14

4. Учитель сказал: «Тот, кто обладает моралью, непременно умеет хорошо говорить; но тот, кто умеет хорошо говорить, не обязательно обладает моралью. Человеколюбивый непременно смел, но смелый не обязательно человеколюбив».

Глава 15

21. Учитель сказал: «Благородный муж держит себя строго, но не устраивает споров с людьми, он умеет быть в согласии со всеми, но не вступает ни с кем в сговор».

33. Учитель сказал: «О благородном муже нельзя судить по мелочам, ему можно доверить большие дела. Низкому человеку нельзя доверять большие дела, но о нем можно судить по мелочам».

Глава 17

2. Учитель сказал: «По своей природе [люди] близки друг другу; по своим Привычкам [люди] далеки друг от друга».

14. Учитель сказал: «Тот, кто повторяет услышанное на улице, расстаётся с моралью».

Глава 20

3. Учитель сказал: «Не зная воли [неба], нельзя стать благородным мужем. Не зная ритуала, нельзя утвердить себя [в обществе]. Не зная, что говорят [люди], нельзя узнать людей».

*Конфуций. Лунь Юй // Антология мировой философии. В 4 т. Т. 1.
М.: Мысль, 1969. С.1 90–196*

Учение конфуцианцев пространно, но в нём мало существенно важного. Прилагаешь усилия, [чтобы его понять], но результаты незначительны, вот почему их учению трудно полностью следовать. Однако изложенные в их учении нормы поведения между государем и подданными, между отцом и сыном и различия в положении мужа и жены, старшего и младшего [в обществе] не могут быть изменены. <...>

Конфуцианское учение берёт за основу шесть канонов. Шесть канонов и толкования к ним насчитывают бесчисленное множество [иероглифов], постичь их учение невозможно даже за несколько поколений, даже к зрелому возрасту невозможно изучить их нормы поведения до конца. <...> Но предложенные конфуцианцами нормы отношений между государём и подданными, отцом и сыном, установленные ими различия в положении мужа и жены, старшего и младшего в обществе не в состоянии изменить даже сто других школ.

*Ши цзи // Древнекитайская философия.
Собрание текстов. В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1973. С. 313, 316.*

Мо-Цзы²⁶
(468(?)-376(?) до н.э.)

У простого люда три беды. Голодающие не имеют пищи, замерзающие не имеют одежды, уставшие не имеют отдыха. От этих трех бед народ испытывает огромные страдания. Но если именно в такое время большие люди – ваны и гуны и сановники – развлекаются колокольным звоном и барабанным боем, играют на лютнях, цине, свирелях и шэнах, а также устраивают военные смотры для показа оружия, то откуда же простой люд возьмет средства для пищи и одежды? Поэтому я полагаю, что так не должно быть. Мой замысел состоит в том, чтобы уничтожить это. <...>

Так называемые древние принципы, которым нужно следовать, были ведь новыми для своего времени, а те древние люди, которые следовали этим принципам, не были совершенномудрыми. Конфуцианцы при-

²⁶ Древнекитайский мыслитель, политический деятель, основатель философской школы и организации моистов (мо цзя). Разработал философское учение, противостоящее взглядам ранних конфуцианцев. Вел подвижническую жизнь, проповедуя свое учение, побывал во многих древнекитайских царствах. Имел сотни учеников, славился ораторским искусством, проявил себя тонким дипломатом, был сведущ в фортификации. Взгляды Мо Ди изложены предположительно в десяти главах трактата «Мо-Цзы».

зывают следовать тому, чему в нынешнее время люди не должны следовать, говорить слова не совершенномудрого, и после этого называют их человеколюбивыми. <...>

В древности, когда только появились люди, не было наказаний и в то же время у каждого было свое понимание справедливости. У одного – одно, у двух – два, у десяти – десять представлений о справедливости. Чем больше нарождалось людей, тем больше становилось различных представлений о справедливости. Каждый считал правильным свой взгляд и отвергал взгляды других людей, поэтому между людьми царила сильная вражда.

В семьях отцы, дети и братья относились друг к другу с ненавистью и отвращением, и, будучи не в состоянии мирно жить вместе, они уходили друг от друга. Люди Поднебесной, используя огонь, воду, яд, вредили друг другу, поэтому сильные не оказывали помощи слабым, имеющие избыток и богатства не делились ими, а расточали эти избытки, умные не наставляли неопытных людей и скрывали от них свои знания. Беспорядок в Поднебесной был такой же, как среди диких зверей. Поняв, что причина хаоса – в отсутствии управления и старшинства, люди выбрали самого добродетельного и мудрого человека Поднебесной и сделали его сыном неба... Только сын неба мог создать единый образец справедливости в Поднебесной, поэтому в Поднебесной воцарился порядок. <...>

Требовать, чтобы люди учились, и утверждать, что есть судьба, – это все равно что приказать человеку уложить волосы и тут же сбить с него шапку. <...>

Почитать судьбу не имеет смысла. Если пренебрегать судьбой, то беды не будет. <...>

Нынешний человек отличен от животных. Кто усерден [в труде], тот имеет возможность жить, а кто не усерден в труде, тот не имеет возможности жить. <...>

Учитель Мо-Цзы сказал: «Небо любит справедливость и ненавидит несправедливость». <...>

Непременное желание неба – чтобы люди любили друг друга и приносили друг другу пользу. Небо не хочет, чтобы люди ненавидели друг друга и вредили друг другу. Человеколюбие непременно состоит в том, чтобы приносить пользу людям Поднебесной и уничтожать в Поднебесной зло. Если мы будем следовать всеобщей любви, то это принесет Поднебесной великую пользу. Если же мы будем следовать ограниченной любви, то это приведет к великим бедствиям в Поднебесной. Поэтому учитель Мо-Цзы говорит: «Ограниченная любовь ложна, всеобщая любовь истинна».

*Антология мировой философии. В 4 т. Т. 1.
М.: Мысль, 1969. С. 197–205*

Учение моистов ратует за экономию, но её трудно соблюдать. По этой причине их наставлениям невозможно во всём следовать. Однако их принципы укрепления основного [занятия] и соблюдения бережливости в потреблении не могут быть отброшены. <...>

Сторонники учения Мо Ди также превозносят пути правления Яо и Шуня. Рассуждая об их добродетельных поступках, они говорят: «Их жилища возвышались над землёй всего на три чи, внутрь их вели три земляные ступени, крыши покрывались неподрезанным тростником, с дубовых стропил кору не обдирали. Если они ели из глиняных мисок, пили из глиняных чашек, в пищу шли необрушенный рис и просо, похлёбка варилась из лебеды и бобовых листьев. В летние дни они носили грубую одежду, в зимние дни – шубы из оленьих шкур».

*Ши цзи // Древнекитайская философия.
Собрание текстов. В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1973. С. 313, 316*

**Хань Фэй²⁷
(280–233 до н.э.)**

Искусство управления состоит в том, чтобы на чиновничьи должности назначать по способностям, требовать [от чиновника] исполнительности в соответствии с наименованием [его должности], держать в руках рукоятку жизни и смерти, изучать возможности чиновничества – всё это держат в руках государи. А [принцип] закона состоит в том, что уложения и указы издаются государственными учреждениями, а народ в своем сердце крепко помнит о наказаниях, награды выдаются тем, кто остерегается закона, кары падают на тех, кто нарушает указы, – это руководство для подданных. Если государь не владеет искусством управления, то в верхах возникают злоупотребления; если подданные не следуют закону, то внизу приходят к смуте, и тут нельзя отказаться от чего-то одного, обе эти вещи необходимы для царей.

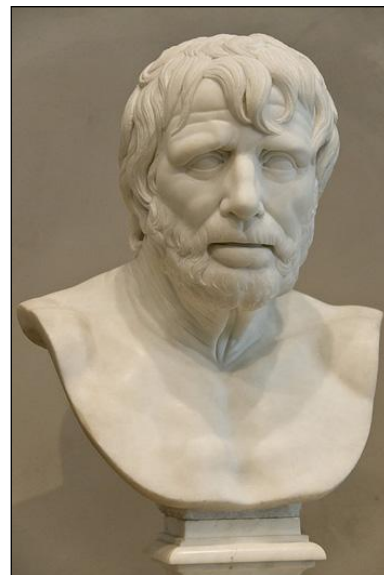
*Хань Фэй-цзы // Древнекитайская философия.
Собрание текстов. В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1973. С. 258*

²⁷ Крупнейший представитель легистской школы древнекитайской философии. Наиболее полно его взгляды изложены в книге «Хань Фэй-цзы».

3. АНТИЧНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Гесиод²⁸
(VIII–VII вв. до н.э.)

Радуйтесь, дочери Зевса,
даруйте прелестную песню!
Славьте священное племя богов,
существующих вечно, –
Тех, кто на свет родился от Земли
и от звездного Неба,
Тех, кто от сумрачной Ночи,
и тех, кого Море вскормило.
Все расскажите, – как боги,
как наша земля зародилась,
Как беспредельное
море явилось шумное, реки,
Звезды, несущие свет,
и широкое небо над нами;
Кто из бессмертных подателей благ от чего зародился,
Как поделили богатства и почести между собою,
Как овладели впервые обильноложбинным Олимпом.
С самого это начала вы все расскажите мне, Музы,
И сообщите при этом, что прежде всего зародилось.
Прежде всего во Вселенной Хаос зародился, а следом
Широкогрудая Гея, всеобщий приют безопасный,
Сумрачный Тартар, в земных залегающий недрах глубоких,
И, между вечными всеми богами прекраснейший, – Эрос.
Сладкоистомный – у всех он богов и людей земнородных
Душу в груди покоряет и всех рассужденья лишает.
Черная Ночь и угрюмый Эреб родились из Хаоса.
Ночь же Эфир родила и сияющий День, или Гемеру:
Их зачала она в чреве, с Эребом в любви сочетавшись.
Гея же прежде всего родила себе равное ширью
Звездное Небо, Урана, чтоб точно покрыл ее всюду
И чтобы прочным жилищем служил для богов всеблаженных...
...И Титанов отправили братья
В недра широкодорожной земли и на них наложили
Тяжкие узы, могучеством рук победивши надменных.
Подземь их сбросили столь глубоко, сколь далеко до неба,

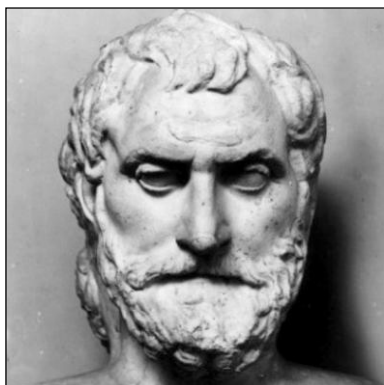
²⁸ Первый древнегреческий поэт, известный по имени. *Произведения*: «Труды и дни», «Теогония».

Ибо настолько от нас отстоит многосумрачный Тартар:
Если бы, медную взяв наковальню, метнуть ее с неба,
В девять дней и ночей до земли бы она долетела;
Если бы, медную взяв наковальню, с земли ее бросить,
В девять же дней и ночей долетела б до Тартара тяжесть.
Медной оградой Тартар кругом огорожен. В три ряда
Ночь непроглядная шею ему окружает, а сверху
Корни земли залегают и горько-соленого моря...
Там и от темной земли, и от Тартара, скрытого в мраке,
И от бесплодной пучины морской, и от звездного неба
Все залегают один за другим и концы и начала,
Страшные, мрачные. Даже и боги пред ними трепещут.

*Гесиод. О происхождении богов // Антология мировой философии.
В 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1969. С. 262–267*

Фалес²⁹

(ок. 640 – ок. 547 до н.э.)

Фалес (по согласному утверждению и Геродота, и Дурида, и Демокрита) был сын Эксамия и Клеобулины из рода Фелидов, а этот род финикийский, знатнейший... [Он был одним из семи мудрецов], что подтверждает и Платон; и когда... эти семеро получили именование мудрецов, он получил такое имя первым...

Отойдя от государственных дел, он обратился к умозрению природы. По одному мнению, от него не осталось ни единого сочинения – ибо приписываемая ему «Судоводная астрономия» принадлежит, говорят, Фоку Самосскому... По другому же мнению, он написал только две книги: «О солнцестоянии» и «О равноденствии», считая остальное непостижимым.

Некоторые полагают, что он первый стал заниматься астрономией, предсказывая затмения и солнцестояния... Некоторые же утверждают также, что он первый объявил душу бессмертной... Он первый нашел путь солнца от солнцестояния до солнцестояния; он первый (по мнению некоторых) объявил, что размер солнца составляет одну семьсот двадцатую часть [солнечного кругового пути, а размер луны – такую же

²⁹ Древнегреческий философ и ученый, основатель Милетской школы ионийской философии.

часть] лунного пути. Он первый назвал последний день месяца *«тридесатым»*. Он первый, как говорят иные, стал вести беседы о природе.

Аристотель и Гиппий утверждают, что он приписывал душу даже неодушевленным телам, ссылаясь на магнит и на янтарь. Памфила говорит, что он, научившись у египтян геометрии, первый вписал прямоугольный треугольник в круг... Впрочем, иные, в том числе Аполлodor Исчислитель, приписывают это Пифагору...

Можно думать, что и в государственных делах он был наилучшим советчиком. Так, когда Крез пригласил милетян к союзу, Фалес этому воспротивился и тем самым спас город после победы Кира. Впрочем, в повествовании Гераклида он сам говорит, что жил в уединении «простым гражданином»... А Иероним Родосский (во II книге «Разрозненных замечаний») сообщает, будто, желая показать, что разбогатеть совсем не трудно, он однажды в предвидении большого урожая оливок взял в наем все маслодавательницы и этим нажил много денег.

Началом всего он полагал воду, а мир считал одушевленным и полным божеств. Говорят, он открыл продолжительность года и разделил его на триста шестьдесят пять дней.

Учителей он не имел, если не считать того, что он ездил в Египет и жил там у жрецов. Иероним говорит, будто он измерил высоту пирамид по их тени, дождавшись часа, когда наша тень одной длины с нами...

Гермипп в «Жизнеописаниях» приписывает Фалесу то, что иные говорят о Сократе: будто бы он утверждал, что за три вещи благодарен судьбе: во-первых, что он человек, а не животное; во-вторых, что он мужчина, а не женщина; в-третьих, что он эллин, а не варвар. Говорят также, будто однажды старуха вывела его наблюдать звезды, а он свалился в яму и стал кричать о помощи, и старуха ему сказала: *«Что же, Фалес? ты не видишь того, что под ногами, а надеешься познать то, что в небесах?»* Как астроном он известен и Тимону, который в «Силах» хвалит его так: *Между семью мудрецами Фалес – мудрец-звездоводец...*

А изречения его известны такие:

Древнее всего сущего – бог, ибо он не рожден;

Прекраснее всего – мир, ибо он творение бога;

Больше всего – пространство, ибо оно объемлет все;

Быстрее всего – ум, ибо он обегает все;

Сильнее всего – неизбежность, ибо она властвует всем;

Мудрее всего – время, ибо оно раскрывает все.

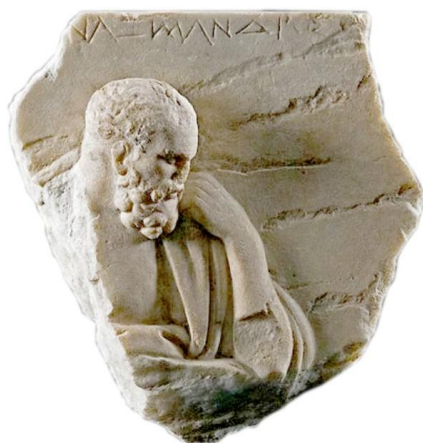
Он сказал, что между жизнью и смертью нет разницы. – *«Почему же ты не умрешь?»* – спросили его. – *«Именно поэтому»*, – сказал Фалес. На вопрос, что возникло раньше, ночь или день, он ответил: *«Ночь – раньше на один день»*. Его спросили, что на свете трудно? – *«Познать*

себя». Что легко? – «Советовать другому». Что приятнее всего? – «Удача». Что божественно? – «То, что не имеет ни начала, ни конца». Что он видел небывалого? – «Тирана в старости». Когда легче всего сносить несчастье? – «Когда видишь, что врагам еще хуже». Какая жизнь самая лучшая и справедливая? – «Когда мы не делаем сами того, что осуждаем в других». Кто счастлив? – «Тот, кто здоров телом, восприимчив душою и податлив на воспитание»...

Аполлодор... пишет, что родился Фалес в 1-й год 39-й олимпиады, прожил 78 лет (или, по словам Сосикрата, 90)...

Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1986. С. 47–58

Анаксимандр³⁰
(ок. 610–540 до н.э.)

Анаксимандр Милетский, сын Праксиада. Он учил, что первоначалом и основой является беспредельное (απειρον), и не определял его ни как воздух, ни как воду, ни как что-либо иное. Он учил, что части изменяются, целое же остается неизменным. Земля покоится посередине, занимая место средоточия, и она шарообразна. Луна светит не своим светом, а заимствует его от солнца. Солнце величиною не менее Земли и представляет собою чистейший огонь.

Он же первый изобрел гномон, указывающий солнцестояния и равноденствия, и поставил его в Лакедемонии на таком месте, где хорошо ложилась тень (так пишет Фаворин в «Разнообразном повествовании»), а также соорудил солнечные часы. Он первый нарисовал очертания земли и моря и, кроме того, соорудил небесный глобус.

Суждения свои он изложил по пунктам в сочинении, которое было еще в руках Аполлодора Афинского. Этот последний сообщает в своей «Хронологии», что на втором году 58-й олимпиады Анаксимандру было 64 года, и вскоре после этого он умер; (расцвет же его в основном приходится на время тирании Поликрата Самосского) ...

Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1986. С. 47–58

³⁰ Древнегреческий естествоиспытатель, географ и натурфилософ, представитель Милетской школы ионийской философии, ученик Фалеса.

Анаксимен³¹
(2-я пол. VI в. до н.э.)

Анаксимен Милетский, сын Евристрата, был учеником Анаксимандра; некоторые же пишут, будто он учился и у Парменида. Он говорил, что первоначалом являются воздух и беспредельное и что светила движутся не над землей, а вокруг земли. Языком он пользовался ионийским, простым и безыскусственным... По словам Аполлодора... скончался же в 63-ю олимпиаду ...

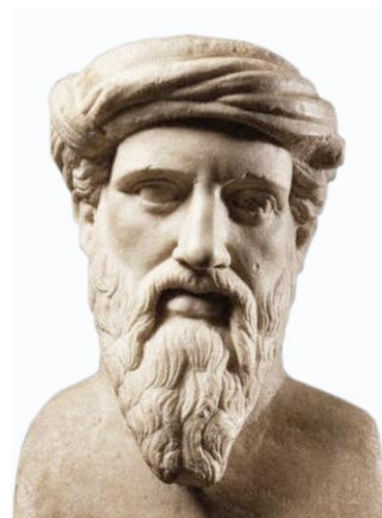

*Диоген Лаэртский. О жизни, учениях
и изречениях знаменитых философов. М., 1986*

Пифагор³²
(ок. 570–ок. 497 до н.э.)

Пифагор, сын Мнесарха – камнереза, родом самосец (как говорит Гермипп) или тирренец (как говорит Аристоксен) с одного из тех островов, которыми завладели афиняне, выгнав оттуда тирренцев...

...Юный, но жаждущий знания, он покинул отечество для посвящения во все таинства, как эллинские, так и варварские: он появился в Египте, и Поликрат верительным письмом свел его с Амасисом, он выучил египетский язык (как сообщает Антифонт в книге «О первых в добродетели»), он явился и к халдеям, и к магам. Потом на Крите он вместе с Эпименидом спустился в пещеру Иды, как и в Египте в тамошние святилища, и узнал о богах самое сокровенное. А вернувшись на Самос и застав отечество под тиранией Поликрата, он удалился в италийский Кротон; там он написал законы для италийцев и достиг у них великого почета вместе со своими учениками, числом до трехсот, которые вели государственные дела так отменно, что поистине это была аристократия, что значит «владычество лучших».

³¹ Древнегреческий философ, третий и последний представитель Милетской школы ионийской философии, ученик Анаксимандра.

³² Древнегреческий философ, представитель италийской философии, религиозно-нравственный реформатор и политик.

О себе он говорил (по словам Гераклида Понтийского), что некогда он был Эфалидом и почитался сыном Гермеса; и Гермес предложил ему на выбор любой дар, кроме бессмертия, а он попросил оставить ему и живому и мертвому память о том, что с ним было. Поэтому и при жизни он помнил обо всем, и в смерти сохранил ту же память...

Некоторые говорят вздор, будто Пифагор не оставил ни одного писаного сочинения. Но сам физик Гераклит чуть не в голос кричит: «Пифагор, сын Мнесарха, превыше всех людей занимался изысканиями и, отобрав эти сочинения, создал свою мудрость, свое многознание, свое дурнописание». Так он судит потому, что сам Пифагор в начале сочинения «О природе» пишет: «Нет, клянусь воздухом, которым дышу, клянусь водой, которую пью, не приму я хулы за эти слова...» В действительности же Пифагором написаны три сочинения – «О воспитании», «О государстве» и «О природе». А сочинение, приписываемое Пифагору, принадлежит Лисиду, тарентскому пифагорейцу, который бежал в Фивы и был учителем Эпаминонда. Далее, Гераклит, сын Сарапиона, в «Обзоре Сотиона» утверждает, что Пифагор написал, во-первых, книгу в стихах «О целокупном», во-вторых, «Священное слово», которое начинается так: Юноши, молча почтите вниманием это вещанье... в-третьих, «О душе», в-четвертых, «О благочестии», в-пятых, «Элофал, отец Эпихарма Косского», в-шестых, «Кротон» и другие произведения; но «Слово о таинствах» написано Гиппасом, чтобы опорочить Пифагора, и многие сочинения Астона Кротонского тоже приписываются Пифагору...

Сосикрат в «Преемствах» говорит, что на вопрос Леонта, флиунтского тирана, кто он такой, Пифагор ответил: «Философ», что значит «любомудр». *Жизнь, говорил он, подобна игрищам: иные приходят на них состязаться, иные – торговать, а самые счастливые – смотреть; так и в жизни иные, подобные рабам, рождаются жадными до славы и наживы, между тем как философы – до единой только истины...*

Жизнь человеческую он разделял так: «Двадцать лет – мальчик, двадцать – юнец, двадцать – юноша, двадцать – старец. Возрасты соразмерны временам года: мальчик – весна, юнец – лето, юноша – осень, старец – зима». (Юнец у него – молодой человек, юноша – зрелый муж.) Он первый, по словам Тимея, сказал: «У друзей все общее» и «Дружба есть равенство». И впрямь, его ученики сносили все свое добро воедино.

Пять лет они проводили в молчании, только внимая речам Пифагора, но не видя его, пока не проходили испытания; и лишь затем они допускались в его жилище и к его лицезрению... Видом, говорят, был он величествен, и ученикам казалось, будто это сам Аполлон, пришедший от гипербореев...

Это он довел до совершенства геометрию после того, как Мерид открыл ее начатки (так пишет Антиклид во II книге «Об Александре»). Больше всего внимания он уделял числовой стороне этой науки. Он же

открыл и разметку монохорда; не пренебрегал он и наукой врачевания. А когда он нашел, что в прямоугольном треугольнике квадрат гипотенузы равен квадрату катетов, то принес богам гекатомбу (как о том говорит Аполлодор Исчислитель); и об этом есть такая эпитафия:

*В день, когда Пифагор открыл свой чертеж знаменитый,
Славную он за него жертву быками воздвиг.*

Говорят, он первый стал держать борцов на мясной пище, и первого среди них – Евримена (так утверждает Фаворин в III книге «Записок»), между тем как раньше они укрепляли тело сухими смоквами, мягким сыром и пшеничным хлебом (как сообщает тот же Фаворин в VIII книге «Разнообразного повествования»). Впрочем, некоторые утверждают, что такое питание установил не философ Пифагор, а какой-то Пифагорумаститель, ибо философ запрещал даже убивать животных, а тем более ими кормиться, ибо животные имеют душу, как и мы (такой он называл предлог, на самом же деле, запрещая животную пищу, он приучал и приноравливал людей к простой жизни, чтобы они пользовались тем, что нетрудно добыть, ели невареную пищу и пили простую воду, так как только в этом – здоровье тела и ясность ума)... Говорят, он первый заявил, что душа совершает круг неизбежности, чередуя облекаясь то в одну, то в другую жизнь; первый ввел у эллинов меры и веса (так говорит Аристоксен-музыковед); первый сказал, что Геспер и Фосфор – одна и та же звезда (так говорит Парменид).

...Учение Пифагорова невозможно было узнать до Филолая: только Филолай обнародовал три прославленные книги, на покупку которых Платон послал сто мин. И вот на ночные его рассуждения сходилось не менее шестисот слушателей, а кто удостоивался лицезреть его, те писали об этом домашним как о великой удаче.

...Сам же он, как повествуют некоторые, довольствовался только медом или сотами или хлебом, вина в дневное время не касался, на закуску обычно ел овощи вареные и сырые, а изредка – рыбу. Одежда его была белая и чистая, постельная ткань – белая шерстяная, ибо лен в тех местах еще не стал известен. В излишествах он никогда не был замечен – ни в еде, ни в любви, ни в питье; воздерживался от смеха и всяких потех, вроде издевок и пошлых рассказов; не наказывал ни раба, ни свободного, пока был в гневе. Наставление он называл «напряжением»...

Ученикам своим, говорят, он предписывал всякий раз, входя в свой дом, повторять: Что я свершил? и в чем согрешил? и чего не исполнил?..

Александр в «Преимуществах философов» говорит, что в пифагорейских записках содержится также вот что. Начало всего – единица; единице как причине подлежит как вещество неопределенная двоица; из единицы и неопределенной двоицы исходят числа; из чисел – точки; из точек – линии; из них – плоские фигуры; из плоских – объемные фигуры; из них – чувственно воспринимаемые тела, в которых четыре основы – огонь,

вода, земля и воздух; перемещаясь и превращаясь целиком, они порождают мир – одушевленный, разумный, шаровидный, в середине которого – земля; и земля тоже шаровидна и населена со всех сторон. Существуют даже антиподы, и наш низ – для них верх. В мире равнодольны свет и тьма, холод и жар, сухость и влажность; если из них возобладает жар, то наступит лето, если холод – зима, если сухость – весна, если влажность – осень, если же они равнодольны – то лучшие времена года. В году цветущая весна есть здоровье, а вянущая осень – болезнь; точно так же и в сутках утро есть расцвет, а вечер – увядание, и поэтому вечер – болезненней. Воздух около земли – застойный и нездоровый, и все, что в этом воздухе, – смертно; а высший воздух – вечнодвижущийся, чистый, здоровый, и все, что в нем есть, – бессмертно и потому божественно. Солнце, луна и прочие светила суть боги, ибо в них преобладает тепло, а оно – причина жизни. Луна берет свой свет от солнца. Боги родственны людям, ибо человек причастен к теплу, – поэтому над нами есть божий промысел. Рок есть причина расположения целого по порядку его частей. Из солнца исходит луч сквозь эфир, даже сквозь холодный и плотный (холодным эфиром называют воздух, а плотным эфиром – море и влажность), тот луч проникает до самых глубин и этим все оживотворяет.

Живет все, что причастно теплу, поэтому живыми являются и растения; душа, однако, есть не во всем. Душа есть отрывок эфира, как теплого, так и холодного, – по ее причастности холодному эфиру. Душа – не то же, что жизнь: она бессмертна, ибо то, от чего она оторвалась, бессмертно... Чувство вообще и зрение в частности есть некий пар особенной теплоты; оттого, говорят, и возможно видеть сквозь воздух и сквозь воду, что теплота встречает сопротивление холода, а если бы пар в наших глазах был холодным, он растворился бы в таком же холодном воздухе. Недаром Пифагор называет очи вратами солнца. Точно так же учит он и о слухе и об остальных чувствах.

Душа человека разделяется на три части: ум (nous), рассудок (phren) и страсть (thymos). Ум и страсть есть и в других живых существах, но рассудок – только в человеке. Власть души распространяется от сердца и до мозга: та часть ее, которая в сердце, – это страсть, а которая в мозге – рассудок и ум; струи же от них – наши чувства. Разумное бессмертно, а остальное смертно. Питается душа от крови... Душами полон весь воздух, называются они демонами и героями, и от них посылаются людям сны и знаменья недугов или здравия, и не только людям, но и овцам и прочим скотам; к ним же обращены и наши очищения, умиловления, гадания, вещания и все подобное.

Главное для людей, говорил Пифагор, в том, чтобы наставить душу к добру или злу. Счастлив человек, когда душа у него становится доброю; но в покое она не бывает и ровным потоком не течет. Справедливость

сильна, как клятва, потому и Зевс именуется Клятвенным. Добродетель есть лад (harmonia), здоровье, всякое благо и бог. Дружба есть равенство ладов...

Из фигур он считал прекраснейшими среди объемных – шар, а среди плоских – круг. Старость подобна всему, что умалается, молодость – всему, что нарастает. Здоровье есть сохранение образа, болезнь – его разрушение...

У Пифагора была жена по имени Феано, дочь Бронтина Кротонского (а другие говорят, что Бронтину она была женой, а Пифагору ученицей), и была дочь по имени Дамо, как о том говорил Лисид в письме к Гиппасу: «Многие мне говорят, будто ты рассуждаешь о философии перед народом, что всегда осуждал Пифагор, ведь и дочери своей Дамо он доверил свои записки лишь с наказом никому не давать их из дому. И хоть она могла продать его сочинения за большие деньги, она того не пожелала, предпочтя золоту бедность и отцовский завет, а ведь она была женщина!» Был у них также сын Телавг, который стал преемником отца и (по некоторым известиям) учителем Эмпедокла; недаром Эмпедокл, по словам Гиппобота, говорит: *Славный Телавг, дитя Феано, дитя Пифагора!*

Телавг, говорят, не оставил сочинений, а мать его Феано оставила. Она же, говорят, на вопрос: *«На который день очищается женщина после мужчины?»* сказала: *«После своего мужа – тотчас, а после чужого – никогда»*. Женщине, которая идет к своему мужу, она советовала вместе с одеждою совлекать и стыд, а, вставая, вместе с одеждою облекаться и в стыд. Ее переспросили: *«Во что?»* – она ответила: *«В то, что дает мне право зваться женщиною»*.

Пифагор же, по словам Гераклида, сына Сарапиона, скончался в семьдесят лет, в согласии с собственной росписью возрастов, хоть по большей части и утверждается, будто ему было девяносто...

Расцвет его приходится на 60-ю олимпиаду, а установления его держались еще девять или десять поколений – ибо последними из пифагорейцев были те, которых еще застал Аристоксен: Ксенофил из фракийской Халкидики, Фантон Флиунтский, Эхекрат, Диокл и Полимнаст – тоже из Флиунта; они были слушателями Филолая и Еврита Тарентских...

Пифагоров было четверо, и жили они одновременно и неподалеку: первый – кротонец, человек тиранического склада; второй – флиунтянин, занимавшийся телесными упражнениями (умаститель, как говорят иные); третий – закинфянин; четвертый – тот, о ком шла речь, кто открыл таинства философии и учил им, от кого пошло выражение «сам сказал». Говорят, что был и еще один Пифагор, ваятель из Регия, первый поставивший своею заботою соразмерность и ритм; и другой, скверный ритор; и третий, врач, писавший о грыже и составивший что-то о Гомере; и четвертый, сочинитель «Истории дорян» (как рассказывает Дионисий). Этот

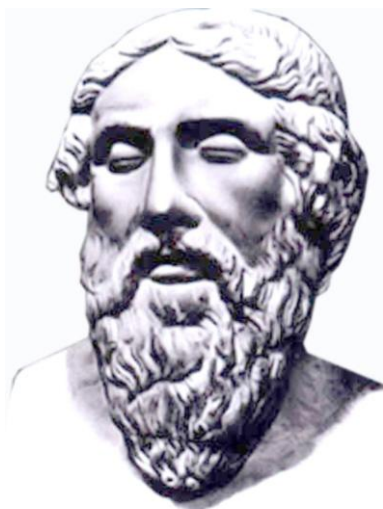
последний, по словам Эратосфена (которые приводит Фаворин в VIII книге «Разнообразного повествования»), впервые стал заниматься кулачным боем по-ученому, в 48-ю олимпиаду: длинноволосый, в пурпурной одежде, он был с насмешками исключен из состязания мальчиков, но тут же вступил в состязание мужчин и вышел победителем...

Фаворин говорит, что наш Пифагор стал употреблять определения для математических предметов; еще шире это стали делать Сократ и близкие к нему, потом Аристотель и стоики. Далее, он первый назвал небо мирозданием, а землю – шаром ...

*Диоген Лаэртский. О жизни, учениях
и изречениях знаменитых философов. М., 1986*

Ксенофан³³

(ок. 570–после 478 до н.э.)

Ксенофан Колофонский, сын Дексия (или, по словам Аполлодора, сын Орфомена)... изгнанный из отечества... он был современником Анаксимандра (так говорит Сотион). Писал он эпические стихи, элегии и ямбы против Гесиода и Гомера, нападая на их рассказы о богах, и сам был певцом своих сочинений. Говорят, выступал он также против мнений Фалеев и Пифагора, бранил и Эпименида... Он утверждает, что есть четыре основы сущего, что миры бесчисленны, но неизменны. Облака образуются оттого, что солнце вздымает испарения и возносит их в окрестный воздух. Сущность бога шаровидна и нисколько не

схожа с человеком; он весь – зрение и весь – слух, но дыхания в нем нет; и он весь – ум, разумение и вечность. Он же первый сказал, что все возникающее подвержено гибели и что душа есть дыхание.

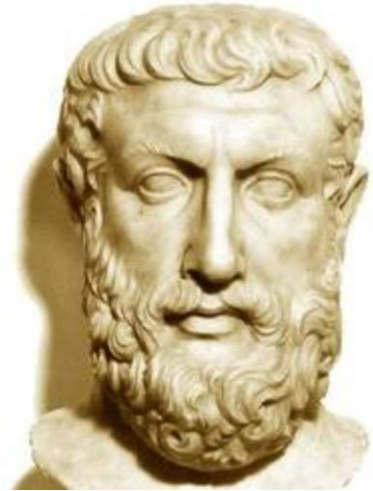
Это он сказал, что большинство слабее, чем ум, и что с тиранами нужно говорить или как можно меньше, или как можно слаще. Эмпедокл однажды сказал ему, что невозможное дело – найти мудреца. «Конечно, – ответил Ксенофан, – ведь нужно самому быть мудрецом, чтобы признать мудреца» ...

*Диоген Лаэртский. О жизни, учениях
и изречениях знаменитых философов. М., 1986*

³³ Древнегреческий философ и поэт, являвшийся, по ряду свидетельств, основателем школы элеатов и учителем Парменида. *Произведения*: «Силлы» («Сатиры»).

Парменид³⁴
(ок. 540–ок. 470 до н.э.)

Слушателем Ксенофана был Парменид Элейский, сын Пирета (а сам Ксенофан – слушателем Анаксимандра, как сказано в «Обзоре» Феофраста). Однако хотя он и учился у Ксенофана, но последователем его не стал, а примкнул к пифагорейцу Аминию, сыну Диохета (так говорит Сотион), человеку бедному, но прекрасному и благородному; и ему он следовал гораздо ближе, а по смерти его воздвиг ему святилище, так как сам был родом знатен и богат: Аминий, а не Ксенофан обратил его к душевному миру.

Он первый заявил, что земля шаровидна и что место ее в середине. Существуют две основы, огонь и земля, и первый служит творцом, вторая веществом. Год человеческий первое начало свое имеет от солнца, но жар и холод, из которых все состоит, сильнее и солнца. Душа и ум – одно и то же (об этом упоминает и Феофраст в «Физике», где у него изложены мнения едва ли не всех философов). Философию он разделил надвое – на философию истины и философию мнения...

Философию он излагал в стихах, подобно Гесиоду, Ксенофану и Эмпедоклу. Критерием истины выказывал он разум, в чувствах же, – говорил он, – точности нет... Это о нем написал Платон диалог, озаглавленный «Парменид, или Об идеях» ...

*Диоген Лаэртский. О жизни, учениях
и изречениях знаменитых философов. М., 1986*

I 28 ...Все должен знать ты:

Истины круглой моей неустрашимое сердце

И не присущи ей туманные мнения смертных.

34. Пусть не принудит тебя накопленный опыт привычки

Зренье свое утруждать, язык и нечуткие уши – Разумом ты разреши
труднейшую эту задачу, Данную мною тебе.

IV 5. Путь же: есть небытие, и небытие неизбежно.

Путь этот знания не даст.

VII 1. Не доказать никогда, что небытие

существует. Не допускай свою мысль к такому пути изысканья.

IV 7. Небытия ни познать... не сможешь, Ни в слове выразить.

³⁴ Древнегреческий философ, основатель Элейской школы. *Произведения*: «О природе».

VI 3. Ты избежишь дурного пути изысканья, – Что измышляют невежды, Люди о двух головах. Беспомощно ум их блуждает.

Бродят они наугад, глухие и вместе слепые. Вздорный народ! Бытие и небытие тем же самым. И не тем же самым зовут. И путь во всем видят обратный.

VIII 15. Быть или вовсе не быть – вот здесь разрешение вопроса.

IV 3. Есть бытие, а небытия вовсе нет; Здесь достоверности путь, и к истине он приближает.

V 1. Одно и то же есть мысль и бытие.

VI 1. Слово и мысль бытием должны быть.

VIII 34. Одно и то же есть мысль и то, о чем мысль существует.

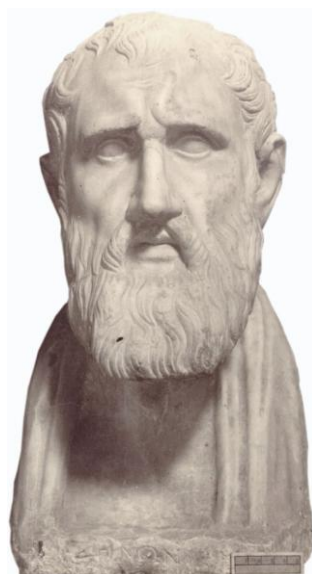
Ибо ведь без бытия, в котором ее выражение, Мысли тебе не найти.

VIII 3. Не возникает оно, [бытие], и не подчиняется смерти.

Цельное все, без конца, не движется и однородно.

*Антология мировой философии В 4 т. Т. 1. Ч. 1.
М.: Мысль, 1969. С. 294*

Зенон Элейский³⁵
(ок. 490 – ок. 430 до н.э.)

Зенон Элейский. Аполлодор в «Хронологии» говорит, что по рождению он был сын Телевтагора, по усыновлению же сын Парменида, [а Парменид – сын Пирета]... росту он был высокого, как о том говорит в «Пармениде» Платон, который упоминает о нем также в «Софокле» и в «Федре», называя его элейским Паламедом; между тем как Аристотель говорит, что он изобрел диалектику, как Эмпедокл – риторику.

Человек он был благороднейший как в философии, так и в государственных делах; книги его, говорят, полны большого ума. Мало того, он задумывал низвергнуть тирана Неарха (а иные говорят, Диомедонта) и был схвачен, как о том рассказывает Гераклит в «Сокращении» по Сатиру; но когда его допрашивали о сообщниках и об оружии, которое он вез в Липару, он в ответ оговорил всех друзей тирана, чтобы тот остался одинок, а потом, попросившись сказать ему на ухо кое о ком, вцепился в ухо зубами и не отпус-

³⁵ Древнегреческий философ, представитель Элейской школы, ученик Парменида. Произведения: «Споры», «Толкование Эмпедокла», «Против философов», «О природе».

кал, пока его не закололи; так подвергся он той же участи, что и тираноубийца Аристогитон. Деметрий в «Соименниках» говорит, будто он откусил тирану нос, а Антисфен в «Преемствах» – будто после того, как он оговорил друзей тирана, тот его спросил, не было ли кого-нибудь еще, а он ответил: «Только ты, пагуба нашего города!», потом обратился к окружающим: «Дивлюсь я вашей трусости: чтобы не пострадать, как я, вы ползаете перед тираном!» – и наконец отгрыз себе язык и выплюнул его тирану в лицо; и граждан это так взволновало, что они тут же насмерть побили тирана камнями...

Был он достойным человеком и во многом другом, а к вышестоящим относился с такой же надменностью, как и Гераклит. Так, родной свой город, фокейское поселение, прежде называвшееся Гиелой, а потом Элеей, неприметную общину, умевшую только вскармливать достойных мужей, любил он больше, чем тщеславные Афины, и прожил там всю свою жизнь, ни разу не выбравшись к афинянам.

Он первый стал предлагать рассуждение об Ахиллесе (хотя Фаворин приписывает это Пармениду), равно как и многие другие. Мнения его таковы: миры существуют, пустоты же не существует; природа всего сущего произошла из теплого, холодного, сухого и влажного, превращающихся друг в друга; люди же произошли из земли, а души их есть смесь вышеназванных начал, в которой ни одно из них не пользуется преобладанием.

...Расцвет нашего философа приходится на 79-ю олимпиаду.

*Диоген Лаэртский. О жизни, учениях
и изречениях знаменитых философов. М., 1986*

Симплиций Phys. 140,27. Доказывая, что если существует многое, то одно и то же будет ограниченным и беспредельным, Зенон пишет буквально следующее: «Если существует много [вещей], то их должно быть [ровно] столько, сколько их [действительно] есть, отнюдь не больше и не меньше, чем сколько их есть. Если же их столько, сколько есть, то число их ограничено».

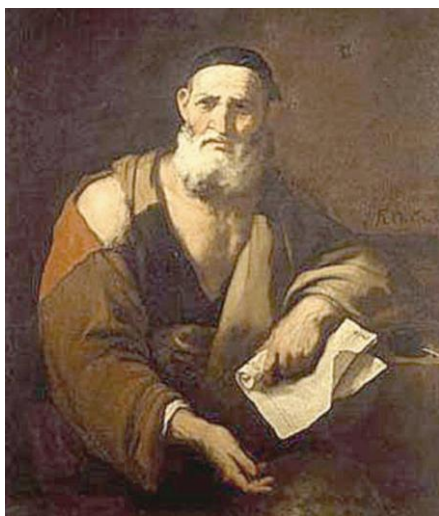
Если существует много [вещей], то сущее [по числу] беспредельно. Ибо между [отдельными] существующими [вещами] всегда находятся другие [вещи], а между ними опять другие. И таким образом, сущее беспредельно [по числу]».

Симплиций Phys. 140,34. Показав сначала, что, «если бы сущее не имело величины, оно не существовало бы», он продолжает: «Если же оно существует, то каждая [вещь] обязательно должна иметь какую-либо величину, толщину и расстояние от любой другой вещи. И к лежащей перед ней [вещи] применимо [опять] то же самое рассуждение. А именно и она будет обладать величиной и перед ней будет лежать какая-либо другая [вещь]. Итак, то самое, что было сказано однажды, можно повторять до

бесконечности. Ибо ни одна такая [вещь] его (сущего) не будет последней и никогда не будет вещи, у которой не было бы [вышеуказанного] отношения к другой вещи. Таким образом, если сущее множественно, то оно должно быть и малым, и большим: настолько малым, чтобы [вовсе] не иметь величины, и настолько большим, чтобы быть бесконечным».

*Антология мировой философии. В 4 т. Т. 1. Ч. 1.
М.: Мысль, 1969. С. 315*

Левкипп³⁶
(V в. до н.э.)

Левкипп из Элеи (а по другим сведениям – из Абдеры, по третьим – из Милета). Он был слушателем Зенона. Мнение его было, что Вселенная беспредельна, что все в ней переменяется одно в другое, что она есть пустота и полнота. Миры возникают тогда, когда тела впадают в пустоту и прилегают друг к другу; и от движения их по мере их возрастания возникает природа светил. Солнце движется по большему кругу, чем луна; земля держится в самой середине вихря, а видом она, как бубен. Это он первый принял *атомы* за начала. Таковы основные черты его учения; частности же его следующие.

Вселенную, как сказано, называет он беспредельной. В ней есть полнота и есть пустота; то и другое он называет основами. Из них возникают и в них разрешаются бесконечные миры. Возникновение миров происходит так. Из беспредельности отделяется и несется в великую пустоту множество разнovidных тел; скапливаясь, они образуют единый вихрь, а в нем, сталкиваясь друг с другом и всячески кружась, разделяются по взаимному сходству. И так как по многочисленности своей они уже не могут кружиться в равновесии, то легкие тела отлетают во внешнюю пустоту, словно распыляясь в ней, а остальные остаются вместе, сцепляются, сбиваются в общем беге и образуют таким образом некоторое первоначальное соединение в виде шара. Оно в свою очередь отделяет от себя как бы оболочку, в которую входят разнообразные тела. По мере того как она вращается в вихре, отталкиваемая от середины, эта внешняя оболочка становится тонкою, потому что все плотное, что

³⁶ Древнегреческий философ, основоположник атомистики, учитель и друг Демокрита. *Произведения*: «Большой диакосмос», «О разуме».

захватывалось вихрем, постоянно стекалось в одно место. Из того, что уносилось к середине и там держалось вместе, образовалась земля. А сама окружающая оболочка тем временем росла в свою очередь за счет притока тел извне: вращаясь вихрем, она принимала в себя все, чего ни касалась. Некоторые из этих тел, сцепляясь, образовали соединение, которое сперва было влажным и грязным, потом высохло и закружилось в общем вихре и наконец воспламенилось и стало природою светил.

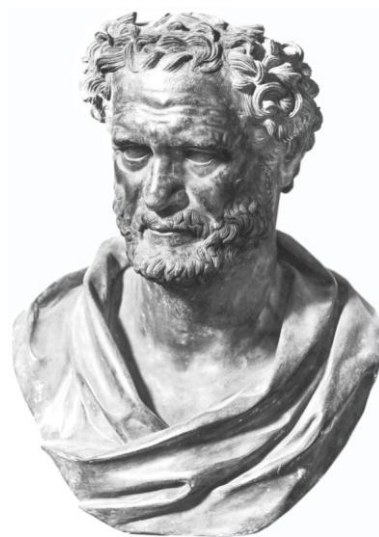
Круг солнца – самый дальний от земли, круг луны – самый ближний, остальные лежат между ними. Все светила воспламеняются от быстроты движения, а солнце воспламеняется еще и от звезд; в луне огня лишь немного. Затмения солнца и луны... [Наклон зодиака возник оттого,] что земля наклонена к югу. Северные области всегда под снегом, в холоде и во льдах. Затмения солнца происходят редко, а затмения луны часто, потому что круги их неравны. И как возникновение миров, так и возрастания их, и ущербы, и разрушения совершаются по некой неизбежности, но какова она, Левкипп не разъясняет.

*Диоген Лаэртский. О жизни, учениях
и изречениях знаменитых философов. М., 1986*

Демокрит³⁷
(ок. 470/60–360-е до н.э.)

Демокрит, сын Гегесистрата (а другие говорят – Афинокрита, а третьи – Дамасиппа), из Абдеры (а иные говорят – из Милета). Он был учеником каких-то магов и халдеев, которых царь Ксеркс оставил наставниками у его отца, когда у него гостил, как о том сообщает и Геродот; у них-то он еще в детстве перенял науку о богах и о звездах. Потом он перешел к Левкиппу, а по некоторым сообщениям – и к Анаксагору, моложе которого он был на сорок лет...

Деметрий в «Соименниках» и Антисфен в «Преемствах» сообщают, что он совершил путешествие и в Египет к жрецам, чтобы научиться геометрии, и в Персию к халдеям, и на Красное море; а некоторые добавляют, что он и в Индии встречался с гимнасофистами, и в Эфиопии побывал. Из трех братьев он был младшим при разделе наследства и

³⁷ Древнегреческий философ, основоположник атомистического учения. Произведения: «Большой диакосмос», «Малый диакосмос», «О логике, или Мерило».

взял себе меньшую долю имущества, состоявшую в деньгах, так как они были ему нужны для путешествия...

...Демокрит побывал и в Афинах, но не заботился, чтобы его узнали, потому что презирал славу; и он знал Сократа, а Сократ его не знал. В самом деле, вот его слова: *«Я пришел в Афины, и ни один человек меня не знал»*. Если диалог «Соперники» принадлежит Платону, говорит Фрасилл, то именно Демокрит есть тот безымянный собеседник, который наряду с Энопидом и Анаксагором участвует в беседе с Сократом о философии и которому Сократ говорит, что философ подобен пятиборцу: он ведь и в самом деле был пятиборцем в философии, так как занимался и физикой, и этикой, и математикой, и всем кругом знаний, и даже в искусствах был всесторонне опытен. Это ему принадлежат слова: *«Слово – тень дела»*. Впрочем, Деметрий Фалерский (в «Апологии Сократа») говорит, будто он вовсе и не приезжал в Афины; тогда это еще замечательнее, ибо он пренебрег таким великим городом и предпочел не себя прославить его славой, а своей славой прославить собственный город. <...>

...Аристоксен в «Исторических записках» сообщает, что Платон хотел сжечь все сочинения Демокрита, какие только мог собрать, но пифагорейцы Амикл и Клиний помешали ему, указав, что это бесполезно: книги его уже у многих на руках. И неудивительно: ведь Платон, упоминая почти всех древних философов, Демокрита не упоминает нигде, даже там, где надо было бы возражать ему; ясно, что он понимал: спорить ему предстояло с лучшим из философов. <...>

...Мнения его следующие. Начала Вселенной суть атомы и пустота, все остальное лишь считается существующим. Миры бесконечны и подвержены возникновению и разрушению. Ничто не возникает из несуществующего, и ничто не разрушается в несуществующее. Атомы тоже бесконечны по величине и количеству, они вихрем несутся во Вселенной и этим порождают все сложное – огонь, воду, воздух, землю, ибо все они суть соединения каких-то атомов, которые не подвержены воздействиям и неизменны в силу своей твердости. Солнце и луна состоят из таких же телец, гладких и круглых, точно так же, как и душа; а душа и ум – одно и то же... Все возникает по неизбежности: причина всякого возникновения – вихрь, и этот вихрь он называет неизбежностью. Конечная цель есть душевное благосостояние; и оно не тождественно с наслаждением, как ошибочно понимали некоторые, – это состояние, при котором душа пребывает в спокойствии и равновесии, не смущаемая ни страхом, ни суеве-рием, ни иною какою-нибудь страстью ...

*Диоген Лаэртский. О жизни, учениях
и изречениях знаменитых философов. М., 1986*

1. *Аристотель* *Metaph.* I 4. Левкипп же и приятель его Демокрит учат, что элементы [стихии] – полное и пустое, называя одно из них бытием, другое – небытием. А именно из них полное они называли бытием, пустое же и редкое – небытием (потому-то и говорят они, что бытие нисколько не более существует, чем небытие, так как и пустота не менее реальна, чем тело). Эти элементы они считали материальными причинами существующих вещей. И подобно тому как почитающие лежащую в основе вещей сущность единым [первоначалом] производят прочие вещи из видоизменений ее, точно так же и они, полагая началами всего происходящего редкое и плотное, утверждают, что причинами прочих вещей являются определенные различия в них. А этих различий, по их учению, три: форма, порядок и положение. В самом деле, они говорят, что бытие различается только «очертанием, соприкасанием и поворотом». Из них очертание есть форма, соприкасание – порядок и поворот – положение. Например, *A* отличается от *N* формой, *AN* от *NA* – порядком, от *UV* – положением. Вопрос же о движении, откуда оно и как оно присуще существующим вещам, и они подобно прочим легкомысленно оставили без внимания.

2. *Аристотель* *de caelo* III 4. [Левкипп и Демокрит]: первопричины... по величине неделимы.

3. *Аэций* 116,2. Некоторые [принимают] атомы и [полагают, что] деление останавливается на неделимых и не идет в бесконечность.

«Атомы»... носятся в бесконечном пустом пространстве, в котором вовсе нет ни верха, ни низа, ни середины, ни конца, ни края... Это движение атомов должно мыслить не имеющим начала, но существующим вечно.

28. *Аристотель* *Phys.* VIII 9. Они говорят, что движение существует благодаря пустоте. Ибо движение в пространстве они называют природой.

Симплиций к этому месту 1318, 33. То есть физические первые и неделимые тела. Ибо они называли природой и говорили, что [эти тела] движутся в пространстве... А именно они говорили, что атомы «трясутся во всех направлениях». И они не только приписывают элементам первичное движение, но и исключительно лишь это движение, прочие же [виды движения приписываются ими] тем [сложным телам], которые возникают из элементов. Ибо рост, гибель, изменение, возникновение и уничтожение, говорят они, бывают [лишь тогда], когда первотела соединяются и разъединяются.

*Антология мировой философии. В 4 т. Т. 1. Ч. 1.
М.: Мысль, 1969. С. 329*

Протагор³⁸
(ок. 480–410 до н.э.)

Протагор (у Секста *adv. math.* VII60). Человек есть мера всех вещей: существующих, что они существуют, и несуществующих, что они не существуют.

Секст *Pyrrh. hypot.* I 216–219. Протагор... мерой называет критерий, вещами же – дела (то, что делается); таким образом, он утверждает, что человек есть критерий всех дел: существующих, что они существуют, несуществующих, что они не существуют. И вследствие этого он принимает только то, что является каждому [отдельному человеку], и таким образом вводит [принцип] относительности...

[Протагор] говорит, что материя текуча и при течении ее беспрерывно происходят прибавления взамен убавлений ее и ощущения

перестраиваются и изменяются в зависимости от возрастов и прочих телесных условий. Он говорит также, что причины всего того, что является, лежат в материи, так что материя, поскольку все зависит от нее самой, может быть всем, что только является всем [нам]. Люди же в разное время воспринимают по-разному, в зависимости от различий своих состояний. А именно тот, кто живет по природе, воспринимает то из заключающегося в материи, что может явиться живущим по природе, живущим же противоестественно – то, что [может являться] живущим противоестественно.

*Антология мировой философии. В 4 т. Т. 1. Ч. 1.
М.: Мысль, 1969. С. 329*

³⁸ Древнегреческий философ, один из влиятельнейших софистов. *Произведения*: «О первобытном состоянии», «Об истине».

Сократ³⁹
(469–399 до н.э.)

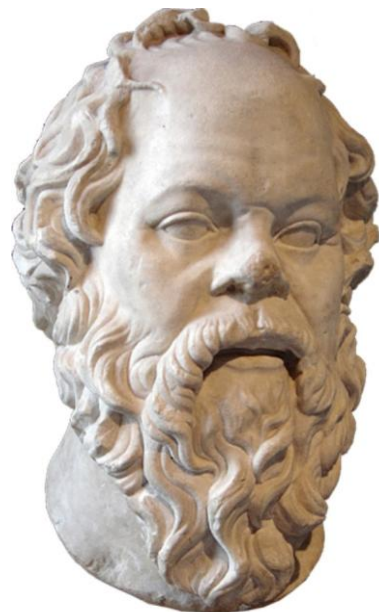
Сократ, сын скульптора Софрониска и повивальной бабки Фенареты (по словам Платона в «Теэтете»), афинянин, из дема Алопеки... В самом деле, он был силен и в риторике (так пишет Идоменей), а Тридцать тиранов даже запретили ему обучать словесному искусству (так пишет Ксенофонт); и Аристофан насмеяется в комедии, будто он слабую речь делает сильной... Он первым стал рассуждать об образе жизни и первым из философов был казнен по суду...

Освободил его из мастерской и дал ему образование Критон, привлеченный его душевной красотой (так пишет Деметрий Византийский). Поняв, что философия физическая нам безразлична, он стал рассуждать о нравственной философии по рынкам и мастерским, исследуя, по его словам, *что у тебя и худого и доброго в доме случилось*. Так как в спорах он был сильнее, то нередко его колотили и таскали за волосы, а еще того чаще осмеивали и поносили; но он принимал все это, не противясь. Однажды, даже получив пинок, он и это стерпел, а когда кто-то подивился, он ответил: *«Если бы меня лягнул осел, разве стал бы я подавать на него в суд?»* Все это сообщает Деметрий Византийский.

В противоположность большинству философов он не стремился в чужие края – разве что если нужно было идти в поход. Все время он жил в Афинах и с увлечением спорил с кем попало не для того, чтобы переубедить их, а для того, чтобы доискаться до истины...

Он занимался телесными упражнениями и отличался добрым здоровьем. Во всяком случае он участвовал в походе под Амфиполь, а в битве при Делии спас жизнь Ксенофону, подхватив его, когда тот упал с коня... Он отличался твердостью убеждений и приверженностью к демократии. Это видно из того, что он ослушался Крития с товарищами, когда они велели привести к ним на казнь Леонта Саламинского, богатого человека; он один голосовал за оправдание десяти стратегов; а имея возможность бежать из тюрьмы, он этого не сделал и друзей своих, плакавших о нем, упрекал, обращая к ним в темнице лучшие свои речи.

Он отличался также достоинством и независимостью. Однажды Алкивиад (по словам Памфилы в VII книге «Записок») предложил ему большой

³⁹ Легендарный античный философ, учитель Платона.

участок земли, чтобы выстроить дом; Сократ ответил: *«Если бы мне нужны были сандалии, а ты предложил бы мне для них целую бычью кожу, разве не смешон бы я стал с таким подарком?»* Часто он говаривал, глядя на множество рыночных товаров: *«Сколько же есть вещей, без которых можно жить!»* ...И он держался настолько здорового образа жизни, что, когда Афины охватила чума, он один остался невредим...

Он умел не обращать внимания на насмешников. Своим простым житьем он гордился, платы ни с кого не спрашивал. Он говорил, что лучше всего есть тогда, когда не думаешь о закуске, и лучше всего пьешь, когда не ждешь другого питья: чем меньше человеку нужно, тем ближе он к богам. Это можно заключить и по стихам комедиографов, которые сами не замечают, как их насмешки оборачиваются ему в похвалу. <...>

Он говорил, что это удивительно: *всякий человек без труда скажет, сколько у него овец, но не всякий сможет назвать, скольких он имеет друзей*, – настолько они не в цене...

Он говорил, что есть одно только благо – знание и одно только зло – невежество. Богатство и знатность не приносят никакого достоинства – напротив, приносят лишь дурное... Уже стариком он учился играть на лире: разве неприлично, говорил он, узнавать то, чего не знал? Плясал он тоже с охотой, полагая, что такое упражнение полезно для крепости тела...

...Человеку, который спросил, жениться ему или не жениться, он ответил: *«Делай, что хочешь, – все равно раскаешься»*... А молодым людям советовал он почаще смотреть в зеркало: красивым – чтобы не срамить своей красоты, безобразным – чтобы воспитанием скрасить безобразие.

Однажды он позвал к обеду богатых гостей, и Ксантиппе было стыдно за свой обед. *«Не бойся, – сказал он, – если они люди порядочные, то останутся довольны, а если пустые, то нам до них дела нет»*. Он говаривал, что сам он ест, чтобы жить, а другие люди живут, чтобы есть...

Когда ему сказали: *«Афиняне тебя осудили на смерть»*, он ответил: *«А природа осудила их самих»*. (Впрочем, другие приписывают эти слова Анаксагору.) *«Ты умираешь безвинно»*, – говорила ему жена; он возразил: *«А ты бы хотела, чтобы заслуженно?»* <...> Он уже собирался пить цикуту, когда Аполлодор предложил ему прекрасный плащ, чтобы в нем умереть. *«Неужели мой собственный плащ годился, чтобы в нем жить, и не годится, чтобы в нем умереть?»* – сказал Сократ...

Однажды Ксантиппа сперва разругала его, а потом окатила водой. *«Так я и говорил, – промолвил он, – у Ксантиппы сперва гром, а потом дождь»*. Алкивиад твердил ему, что ругань Ксантиппы непереносима; он ответил: *«А я к ней привык, как к вечному скрипу колеса. Переносишь ведь ты гнусный гогот?»* – *«Но от гусей я получаю яйца и птенцов к столу»*, – сказал Алкивиад. *«А Ксантиппа рождает мне детей»*, – отвечал Сократ.

Однажды среди рынка она стала рвать на нем плащ; друзья советовали ему защищаться кулаками, но он ответил: *«Зачем? чтобы мы лупили друг друга, а вы покрикивали: "Так ее, Сократ! так его, Ксантиппа!"?»* Он говорил, что сварливая жена для него – то же, что норовистые кони для наездников: *«Как они, одолев норовистых, легко справляются с остальными, так и я на Ксантиппе учусь обхождению с другими людьми»*. <...>

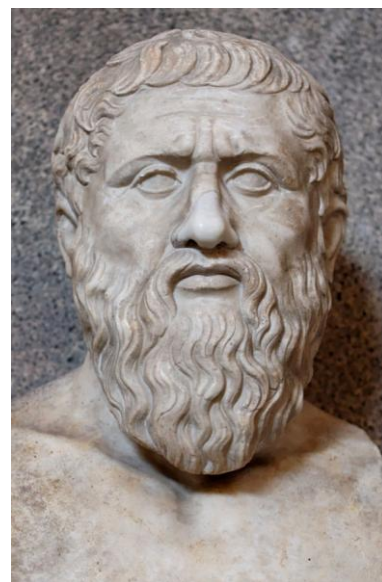
Родился он (как сообщает Аполлодор в «Хронологии») при архонте Апсефионе, в четвертый год 77-й олимпиады, шестого Фаргелиона, когда афиняне совершают очищение города, а делосцы отмечают рождение Артемиды. Скончался он в первый год 95-й олимпиады в возрасте 70 лет. Так пишет Деметрий Фалерский; но некоторые считают, что при кончине ему было шестьдесят лет. <...>

Теперь, когда мы обошли всю ионийскую философию, что вела начало от Фалеев, и упомянули в ней всех, кто достоин упоминания, перейдем к философии италийской, которой положил начало.

Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1986

Платон⁴⁰
(427–347 до н.э.)

На этом мы кончим наши рассуждения о живом существе в целом и о частях его тела, а равно и о том, как жить сообразно с рассудком, в одно и то же время, осуществляя руководство самим собой и оказывая себе послушание. Но что касается того (начала), которому предстоит быть руководящим, то его чрезвычайно важно наперед снабдить силой, дабы оно смогло наипрекраснейшим и наилучшим образом осуществить свое руководство. Впрочем, обстоятельный разбор этого предмета сам по себе составил бы особую задачу; если же коснуться дела лишь попутно, то имело бы смысл в связи с предшествующим заметить вот что: как мы уже не раз повторяли, в нас обитают три различные между собой вида души, каждый из которых имеет собственные движения. В соответствии с этим мы должны сейчас совсем вкратце сказать, что тот вид души, который пребывает в праздности и забрасывает присущие ему движения, по необходимости

⁴⁰ Древнегреческий философ, ученик Сократа. *Произведения*: «Государство», «Федон», «Федр», «Пир», «Теэтет», «Парменид», «Софист», «Тимей», «Филеб» и др.

оказывается слабейшим, а тот, который предается упражнениям, становится сильнейшим; поэтому надо строго следить за тем, чтобы движения их сохраняли должную соразмерность. <...>

Правда, у того, кто погряз в вожделениях и тщеславии и самозабвенно им служит, все мысли могут быть только смертными, и он не упустит случая, чтобы стать, насколько это возможно, еще более смертным и приумножить в себе смертное начало. Но если человек отдается любви к учению, стремится к истинно разумному и упражняет соответствующую способность души преимущественно перед всеми прочими, он, проснувшись к истине, обретает бессмертные и божественные мысли, а значит, обладает бессмертием в такой полноте, в какой его может вместить человеческая природа; поскольку же он неизменно в себе самом пестует божественное начало и должным образом ублажает сопутствующего ему демона, сам он не может не быть в высшей степени блаженным. Вообще говоря, есть только один способ пестовать, что бы то ни было: нужно доставлять этому именно то питание и то движение, которые ему подобают. Между тем если есть движения, обнаруживающие сродство с божественным началом внутри нас, то это мыслительные круговращения Вселенной; им и должен следовать каждый из нас, дабы через усмотрение гармоний и круговоротов мира исправить круговороты в собственной голове, нарушенные уже при рождении, иначе говоря добиться, чтобы созерцающее, как и требует изначальная его природа, стало подобно созерцаемому, и таким образом стяжать ту совершеннейшую жизнь, которую боги предложили нам как цель на эти и будущие времена.

*Платон. Сочинения. В 3 т. Т. 2.
М.: Мысль, 1971. С. 370–386*

Парменид. Если есть единое, то может ли это единое быть многим?

Аристотель. Да как же это возможно?

Парменид. Значит, у него не должно быть частей и само оно не должно быть целым.

Аристотель. Почему так?

Парменид. Часть, полагаю я, есть часть целого.

Аристотель. Да.

Парменид. А что такое целое? Не будет ли целым то, в чем нет ни одной недостающей части?

Аристотель. Именно так.

Парменид. Значит, в обоих случаях единое состояло бы из частей – и как целое, и как имеющее части.

Аристотель. Непременно.

Парменид. И значит, в обоих случаях единое было бы многим, а не единым.

Аристотель. Правда.

Парменид. Должно же оно быть не многим, а единым.

Аристотель. Должно.

Парменид. Следовательно, если единое будет единым, оно не будет целым и не будет иметь частей.

Аристотель. Конечно, нет.

Парменид. А потому, не имея вовсе частей, оно не может иметь ни начала, ни конца, ни середины, ибо все это были бы уже его части.

Аристотель. Правильно.

Парменид. Но ведь конец и начало образуют предел каждой вещи.

Аристотель. Как же иначе?

Парменид. Значит, единое беспредельно, если оно не имеет ни начала, ни конца.

Аристотель. Беспредельно.

Парменид. А также лишено очертаний: оно не может быть причастным ни круглому, ни прямому.

Аристотель. Как так?

Парменид. Круглое ведь есть то, края чего повсюду одинаково отстоят от центра.

Аристотель. Да.

Парменид. А прямое – то, центр чего не дает видеть оба края.

Аристотель. Да.

Парменид. Итак, единое имело бы части и было бы многим, если бы было причастно прямолинейной или круглой фигуре.

Аристотель. Совершенно верно.

Парменид. Следовательно, оно – не прямое и не шарообразное, если не имеет частей.

Аристотель. Правильно.

Парменид. А будучи таким, оно не может быть нигде, ибо оно не может находиться ни в другом, ни в себе самом. <...>

Платон. Парменид // Сочинения. В 3 т. Т. 2.

М.: Мысль, 1971. С. 370–390

– Государство, – сказал я, – возникает, как я полагаю, когда каждый из нас не может удовлетворить сам себя, но нуждается еще во многом. Или ты приписываешь начало общества чему-либо иному?

– Нет, ничему иному.

– Таким образом, каждый человек привлекает то одного, то другого для удовлетворения той или иной потребности. Испытывая нужду во многом, многие люди собираются воедино, чтобы обитать сообща и оказывать друг другу помощь: такое совместное поселение и получает у нас название государства, не правда ли?

Ясно, что оно мудро, мужественно, рассудительно и справедливо. Государство, основанное согласно природе, всецело было бы мудрым благодаря совсем небольшой части населения, которая стоит во главе и управляет, и ее знанию. И, по-видимому, от природы в очень малом числе встречаются люди, подходящие, чтобы обладать этим знанием, которое одно лишь из всех остальных видов знания заслуживает имя мудрости.

– Ты совершенно прав.

– Вот мы и нашли, уж и не знаю каким это образом, одно из четырех свойств нашего государства – и как таковое, и место его в государстве.

– Мне, по крайней мере, кажется, что мы его достаточно разъяснили.

– Что же касается мужества – каково оно само и где ему место в государстве (отчего и называют государство мужественным) – это не так уж трудно заметить.

– А именно?

– Называя государство робким или мужественным, кто же обратит внимание на что-нибудь иное, кроме той части его граждан, которые воюют и сражаются за него?

– Ни один человек не станет смотреть ни на что иное.

– Ведь, думается мне, по остальным его гражданам, будь они трусливы или мужественны, нельзя заключать, что государство такое, а не иное.

– Нельзя.

– Мужественным государство бывает лишь благодаря какой-то одной своей части – благодаря тому, что в этой своей части оно обладает силой, постоянно сохраняющей то мнение об опасностях – а именно, что они заключаются в том-то и том-то, – которое внушил ей законодатель путем воспитания. <...>

Нисколько не возражаю, потому что, мне кажется, то мнение об этом предмете, которое, хотя оно и правильно, возникло помимо воспитания, как это замечается у животных и у рабов, ты не считаешь законным и называешь как-то иначе, только не мужеством.

– Сущая правда.

– Стало быть, я согласен с твоим пониманием мужества.

– Для верного понимания согласишься еще и с тем, что здесь говорится о мужестве как о гражданском свойстве. Как-нибудь в другой раз мы, если хочешь, разберем все это получше, ведь сейчас наши поиски касаются не мужества, а справедливости. О мужестве, по-моему, пока что достаточно.

– Прекрасно, – сказал Главкой.

– Остается рассмотреть еще два свойства нашего государства; рассудительность и то, ради чего и предпринято все наше исследование, – справедливость.

– Да, конечно.

– Как бы это нам раньше найти, что такое справедливость, и уже больше не возиться с рассудительностью.

– Я лично не знаю, но мне не хотелось бы выяснять, что такое справедливость, прежде чем мы рассмотрим рассудительность. Если хочешь сделать мне приятное, рассмотри сполна ее.

– Я-то хочу и даже должен, если не ошибаюсь.

– Так приступай,

– Да, обязательно. Рассудительность, с нашей точки зрения, более чем все свойства походит на некое созвучие и гармонию.

– Как это?

– Нечто вроде порядка – вот что такое рассудительность; это власть над определенными удовольствиями и вожделениями – так ведь утверждают, приводя выражение «преодолеть самого себя, уж не знаю каким это образом. И про многое другое в этом же роде говорят, что это – следы рассудительности. Не так ли?

– Именно так.

– Разве это не смешно: «преодолеть самого себя»? Выходит, что человек преодолевает того, кто совершенно очевидно сам себе уступает, так что тот, кто уступает, и будет тем, кто преодолевает: ведь при всем этом речь идет об одном и том же человеке.

– Конечно.

– Но мне кажется, этим выражением желают сказать, что в самом человеке, в его душе есть некая лучшая часть и некая худшая, и, когда то, что по своей природе лучше, обуздывает худшее, тогда говорят, что оно «преодолевает самое себя»...<...>

– Верх берет худшее (ведь его такая уйма, а лучшего гораздо меньше), тогда, в порицание и с упреком, называют это «уступкой самому себе», а человека, испытывающего такое состояние, – невоздержным.

– Обычно так и говорят.

– Посмотри теперь на наше новое государство и ты найдешь в нем одни из тех двух состояний: ты скажешь, что такое государство справедливо можно объявить преодолевшим самого себя, поскольку нужно называть рассудительным и преодолевшим самого себя все то, в чем лучшее правит худшим.

– Я смотрю и вижу, что ты тиран.

– Множество самых разнообразных вожделений, удовольствий и страданий легче всего наблюдать у женщин и у домашней челяди, а не среди тех, кого называют свободными людьми, – у ничтожных представителей большинства.

– Конечно.

– А простые, умеренные [переживания], продуманно направленные с помощью разума и правильного мнения, ты встретишь у очень немногих, лучших по природе и по воспитанию.

– Это верно.

– Так не замечаешь ли ты этого и в нашем государстве: жалкие вождения большинства подчиняются там разумным желаниям меньшинства, т. е. людей порядочных?

– Да, замечаю.

– Значит, если уж признавать какое-нибудь государство преодолевшим и удовольствия, и вождения, и самое себя, так это будет наше государство.

– Совершенно верно.

– А разве нельзя, согласно всему этому, признать его и рассудительным?

– Вполне можно! <...>

– Это не так, как с мужеством с мудростью: те, присутствуя в какой-либо одной части государства, делают все государство соответственно либо мужественным, либо мудрым; рассудительность же не так проявляется в государстве: она настраивает на свой лад решительно всё целиком; пользуясь всеми своими струнами, она заставляет и те, что слабо натянуты, и те, что сильно, и средние звучать согласно между собою, если угодно, с помощью разума, а то и наконец, числом и богатством и всем тому подобным, так что мы с полным правом могли бы сказать, что эта вот согласованность и есть рассудительность, иначе говоря, естественное созвучие худшего и лучшего в вопросе о том, чему надлежит править и в государстве, и в каждом отдельном человеке.

– Я вполне того же мнения.

– Хорошо. Мы обозрели эти три свойства нашего государства. А оставшееся неразобранным имеет вид тот, благодаря которому государство становится причастным добродетели, что оно собой представляет? Впрочем, ясно, что это – справедливость. <...>

– Как видно, в вопросе совершенства государства способность каждого гражданина делать свое дело соперничает с мудростью, рассудительностью и мужеством. <...>

– Между тем государство мы признали справедливым тогда, когда имеющиеся в нем три различных по своей природе сословия делают каждое свое дело. А рассудительным, мужественным и мудрым мы признали государство вследствие соответствующего состояния и свойств представителей этих же самых сословий.

*Платон. Государство // Сочинения. В 3 т.
М.: Мысль, 1972. С. 376–395*

– Так с чем же схожа душа?

– Ясно, Сократ: душа схожа с божественным, а тело со смертным.

– Теперь подумай, Кебет, согласен ли ты, что из всего сказанного следует такой вывод: божественному, бессмертному, умопостигаемому,

единообразному, неразложимому, постоянному и неизменному самому по себе в высшей степени подобна наша душа, а человеческому, смертному, постигаемому не умом, многообразному, разложимому и тленному, непостоянному и несходному с самим собою подобно – и тоже в высшей степени – наше тело. Можем мы сказать что-нибудь вопреки этому, друг Кебет?

– Нет, не можем. <...>

– Такая душа уходит в подобное ей самой безвидное место, божественное, бессмертное, разумное, и, достигши его, обретает блаженство, отныне избавленная от блужданий, безрассудства, страхов, диких вожделений и всех прочих человеческих зол, и – как говорят о посвященных в таинства – впредь навеки поселяется среди богов. Так мы должны сказать, Кебет, или как-нибудь по-иному?

– Так, клянусь Зевсом, – ответил Кебет.

– Но, думаю, если душа разлучается с телом оскверненная и замаранная, ибо всегда была в связи с телом, угождала ему и любила его, зачарованная телом, его страстями и наслаждениями настолько, что уже ничего не считала истинным, кроме телесного, – того, что можно осязать, увидеть, выпить, съесть или использовать для любовной утехы, а все смутное для глаза и незримое, но постигаемое разумом и философским рассуждением, приучилась ненавидеть, бояться и избегать, – как, по-твоему, такая душа расстанется с телом чистою и обособленною в себе самой?

– Никогда!

– Я думаю, что она вся проникнута чем-то телесным: их срастили постоянное общение и связь с телом и долгие заботы о нем.

– Совершенно верно.

– Но ведь телесное, друг, надо представлять себе плотным, тяжелым, землеобразным, видимым. Ясно, что душа, смешанная с телесным, тяжелеет, и эта тяжесть снова тянет ее в видимый мир. В страхе перед безвидным, перед тем, что называют Аидом, она бродит среди надгробий и могил – там иной раз и замечают похожие на тени призраки душ. Это призраки как раз таких душ, которые расстались с телом нечистыми; они причастны зримому и потому открываются глазу.

– Да, Сократ, похоже на то.

– Очень похоже, Кебет, И конечно же, это души не добрых, но дурных людей: они принуждены блуждать среди могил, неся наказание за дурной образ жизни в прошлом, и так блуждают до той поры, пока пристрастием к бывшему своему спутнику – к телесному – не будут вновь заключены в оковы тела. Оковы эти, вероятно, всякий раз соответствуют тем навыкам, какие были приобретены в прошлой жизни.

– О каких же навыках ты говоришь, Сократ?

– Ну вот, например, кто предавался чревоугодию, беспутству и пьянству, вместо того чтобы всячески их остерегаться, перейдет, вероятно, в породу ослов или иных подобных животных. Как тебе кажется?

– Это вполне вероятно.

– А те, кто отдавал предпочтение несправедливости, властолюбию и хищничеству, перейдут в волков, ястребов или коршунов. Или же мы с тобою решим, что такие души перейдут в иные какие-нибудь тела?

– Что ты! – сказал Кебет. – Конечно, в эти, которые ты назвал.

– Тогда, по-моему, уже ясно, что и всем остальным предназначены места, соответствующие их главной в жизни заботе.

– Да уж куда яснее!

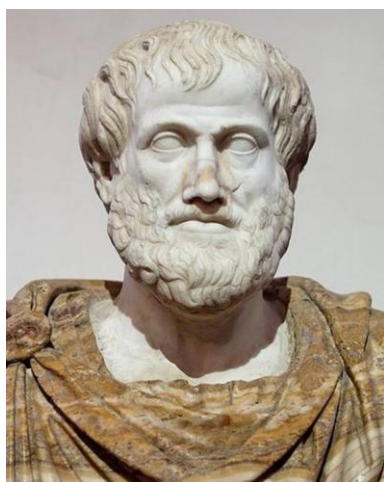
– А самые счастливые среди них, уходящие самую лучшею дорогой, – это те, кто преуспел в гражданской, полезной для всего народа добродетели: имя ей рассудительность и справедливость, она рождается из повседневных обычаев и занятий, а философии и уму чужда.

– Чем же они такие счастливые?

– Да они, вероятно, снова окажутся в общительной и смирной породе, среди пчел, или, может быть, ос, или муравьев, а не то и вернуться к человеческому роду, и из них произойдут воздержные люди.

*Платон. Федон // Сочинения. В 3 т. Т. 2.
М., Мысль, 1971. С. 379–387*

Аристотель⁴¹
(384–322 до н.э.)

Далее, в другом смысле природою называется сущность существующих от природы вещей, подобно тому, как некоторые признают, что природа, это – первичная связь составных частей, или как Эмпедокл говорит, что (ни у одной из вещей не бывает, есть лишь смешенье и различенье того, что смешалось, а у людей оно получает название природы).

Поэтому также про вещи, которые существуют или возникают естественным путем, мы все еще не говорим, что у них есть (свойственная им) природа, хотя уже налицо тот материал, на основе которого

⁴¹ Древнегреческий философ и ученый-энциклопедист, ученик Платона. *Произведения*: «Метафизика», «Категории», «Большая этика», «Евдемова этика», «Никомахова этика», «О душе», «Политика».

они естественным образом возникают или существуют, если у них (еще) нет видовой формы. От природы, таким образом, существует то, что состоит из обеих этих частей (т. е. и из материи, и из формы), как, например, живые существа и их части; что же касается природы, то, с одной стороны, это – первая материя (первая при этом – в двух смыслах, или как первая по отношению к данной вещи, или как первая вообще; так, например, если взять медные изделия, то по отношению к ним на первом месте стоит медь, а, говоря вообще, может быть, вода, если все, что плавится, есть (в конечном счете) вода); а с другой стороны, природа, это – форма и сущность; причем эту последнюю является цель, к которой ведет процесс возникновения. В переносном же смысле, как природа (вещи) обозначается уже по аналогии с сущностью вещей природных – и всякая сущность вообще, так как ведь сущность (искусственных вещей тоже представляет собою известным образом природу. Как видно из сказанного, природою в первом смысле является сущность – а именно сущность вещей.

*Аристотель. Метафизика // Сочинения. В 4 т. Т. 3.
М.: Мысль, 1981. С. 112–113.*

Качеством, с одной стороны, называется видовое отличие сущности, как, например, человек есть некоторое качественно определенное животное, потому что это (животное) двуногое, а конь – четвероногое; и круг – некоторая качественно определенная фигура, ибо это – (фигура) без углов, так что качеством является относящееся к сущности видовое отличие.

*Аристотель. Метафизика // Сочинения. В 4 т. Т. 3.
М.: Мысль, 1981. С. 133–134*

Если же всякая наука успешно совершает свое дело таким вот образом, т. е. стремясь к середине и к ней ведя свои результаты (откуда обычаи говорить о делах, выполненных в совершенстве, «ни убавить, ни прибавить», имея в виду, что избыток и недостаток губительны для совершенства, а обладание серединой благотворно, причем искусные мастера, как мы утверждаем, работают с оглядкой на это [правило]), то и добродетель, которая, так же как природа, и точнее и лучше искусства любого [мастера], будет, пожалуй, попадать в середину.

Я имею в виду нравственную добродетель, ибо именно она сказывается в страстях и поступках, а тут и возникает избыток, недостаток и середина. Так, например, в страхе и отваге, во влечении, гневе и сожалении и вообще в удовольствии и в страдании возможно и «больше», и «меньше», а и то и другое не хорошо. Но все это, когда следует, в должных обстоятельствах, относительно должного предмета, ради должной

цели и должным способом, есть середина и самое лучшее, что как раз и свойственно добродетели.

Точно так же и в поступках бывает избыток, недостаток и середина. Добродетель сказывается в страстях и в поступках, а в этих последних избыток – это проступок, и недостаток [тоже] не похвалят, в то время как середина похвальна и успешна; и то и другое между тем относят к добродетели.

Добродетель, следовательно, есть некое обладание серединой; во всяком случае, она существует постольку, поскольку ее достигает.

Добавим к этому, что совершать проступок можно по-разному (ибо зло, как образно выражались пифагорейцы, принадлежит беспредельному, а благо – определенному), между тем поступать правильно можно только одним-единственным способом (недаром первое легко, а второе трудно, ведь легко промахнуться, трудно попасть в цель). В этом, стало быть, причина тому, что избыток и недостаток присущи порочности, а обладание является серединой – добродетели. <...>

Итак, добродетель есть сознательно избираемый склад [души], состоящий в обладании серединой по отношению к нам, причем определенной таким суждением, каким определит ее рассудительный человек. Серединой обладают между двумя [видами] порочности, один из которых – от избытка, другой – от недостатка. А еще и потому [добродетель означает обладание серединой], что как в страстях, так и в поступках [пороки] преступают должное либо в сторону избытка, либо в сторону недостатка, добродетель же [умеет] находить середину и ее избирает.

Именно поэтому по сущности и по понятию, определяющему суть ее бытия, добродетель есть обладание серединой, а с точки зрения высшего блага и совершенства – обладание вершиной.

Однако не всякий поступок и не всякая страсть допускает середину, ибо у некоторых [страстей] в самом названии выражено дурное качество, например: злорадство, бесстыдство, злоба, а из поступков – блуд, воровство, человекоубийство. Все это и подобное этому считается дурным само по себе, а не за избыток или недостаток, а значит, в этом никогда нельзя поступать правильно, можно только совершать проступок; и «хорошо» или «не хорошо» невозможно в таких [вещах; например, невозможно] совершать блуд с кем, когда и как следует; вообще совершать какой бы то ни было из таких [поступков] – значит совершать проступок. Будь это не так, можно было бы ожидать, что в неправосудных поступках, трусости, распущенности возможны обладание серединой, избыток и недостаток, ведь тогда было бы возможно, по крайней мере, обладание серединой в избытке и в недостатке, а также избыток избытка и недостаток недостатка. И подобно тому, как не существует избытка благо-

разумия и мужества, потому что середина здесь – это как бы вершина, так и [в названных выше пороках] невозможно ни обладание серединой, ни избыток, ни недостаток, то, коль скоро так поступают, совершают проступок.

Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. Минск: Литература, 1998. С. 86–87

Идея блага – нечто отделенное и существующее само по себе, общее же присутствует во всех вещах и, конечно, же тождественно отделенному, потому что отделенное и существующее само по себе не может находиться во всех [единичных предметах]. Итак, о том ли благе мы должны говорить, которое присуще единичным вещам, или не о нем? <...>

Определение имеет целью назвать сущность каждого [предмета и говорит], что [предмет] хорош, плох или еще какой-нибудь; и определение именуется такое-то благо как благо вообще, т. е. как нечто само по себе достойное избрания. То, что принадлежит всем вещам как их общий признак, подобно определению. Но определение говорит: то и то есть благо. Между тем никакая наука и никакое умение не заявляют о себе, что их цель – благо, это рассматривает какое-либо другое умение. Так, ни врач, ни строитель не говорят, что здоровье или дом – это благо, да говорят: одни – такие-то вещи создают здоровье и как именно создают, другой – что [такие-то вещи создают] дом. Соответственно и политика, очевидно, не должна рассуждать об этом благе вообще, поскольку и она такая же наука, как остальные. Ни одно умение, ни одна наука не скажут, что цель у них – благо вообще. Стало быть, не дело политики рассуждать о благе вообще, существующем по способу определения.

Но не ее дело говорить и о том общем благе, которое получается путем индукции. Почему? Потому что когда мы хотим указать про какое-то частное благо, то либо показываем при помощи определения, что имеем для блага вообще, и для того, что мы хотим объявить.

Тогда подходит одно и то же понятие, либо мы прибегаем к индукции. Например, желая доказать, что благородство – благо, мы говорим, что это справедливость, мужество и вообще добродетели – блага, а благородство – добродетель, поэтому благо и оно. Стало быть, политика не должна говорить и об общем благе, получаемом через индукцию, потому что и тут будут те же препятствия, что и в случае с общим благом, данным в определении. Ведь и здесь будет сказано: это вот есть благо.

Таким образом, ясно, что говорить следует о высшем благе, а именно о высшем в смысле высшего для нас. И вообще легко увидеть, что нет

такой единой науки или умения, которые рассматривали бы все благо в целом. Почему? Потому что свое благо есть для каждой категории, будь то сущность, качество, количество, время, отношение, место, в общем, любая категория. Больше того, какое именно время хорошо для врачевания, знает врач, какое для управления кораблем – кормчий, и так каждый в своей науке: когда нужно оперировать, знает врач, а кормчий знает, когда нужно пускаться в плавание. Так, в любом ремесле мастер знает, какое время хорошо для дела: врач не будет знать, какое время благоприятно для управления кораблем, а кормчий – какое благоприятно для врачевания. Значит, и в этом смысле тоже нельзя говорить об общем благе, ссылаясь на то, что [категория] времени является общей для всех. <...>

Подобным образом и благо в категории отношения, и благо в прочих категориях есть нечто общее для всех наук, однако ни одному умению, ни одной науке не дано говорить о том, что (и когда именно), нечто есть благо для всех наук. Значит, политике тоже не дано говорить о благе как общем. Итак, она должна говорить о присущем ей благе, причем о высшем благе и нашем высшем благе.

Опять-таки, при желании разъяснить что-либо не надо пользоваться нелепыми примерами, но неясное разъяснять при помощи очевидного, примем умопостигаемое – при помощи чувственного: оно всего яснее. Именно поэтому, заводя речь о благе, не надо говорить об его идее. Однако люди думают, что, раз зашла речь о благе, надо говорить об идее: надо же разбирать высшее благо, а оно принадлежит к тому, что существует само по себе, поэтому, считают, что идея – это, пожалуй, и есть высшее благо. <...>

Кто-нибудь, правда, возразит, что можно принять идею блага за первоначало и переходить от него к рассуждению о благе, присущем каждой отдельной вещи. Но и такой ход мысли, неправилен, потому что первоначало надо брать сообразно [предмету]. Скажем, нелепо брать в качестве первоначала [утверждение] «душа бессмертна», когда хочешь доказать, «сумма углов треугольника равна двум прямым. Такое первоначало чуждо [предмету], тогда как первоначало должно быть сообразно предмету и связано с ним. Что сумма углов треугольника равна двум прямым, доказуемо и без ссылки на бессмертие души. Точно так же, имея дело с разными видами блага, их можно рассматривать независимо от идеи блага, поскольку не она есть внутренняя основа именно этого блага.

И Сократ неправильно отождествлял добродетели с науками. Ведь ничто, по его мнению, не должно быть излишним. Между тем из приравнивания добродетелей к наукам у него выходило, что добродетели излишни. Почему? Потому что в науках знание, в чем состоит наука, совпадает с владением ею. Кто знает врачебную науку, тот уже врач; так же

и с остальными науками. Но с добродетелями – иначе: если кто знает, в чем состоит справедливость, от этого он еще не стал сразу справедливым; то же и с другими добродетелями. Выходит, что, не будучи науками, добродетели в качестве наук излишни.

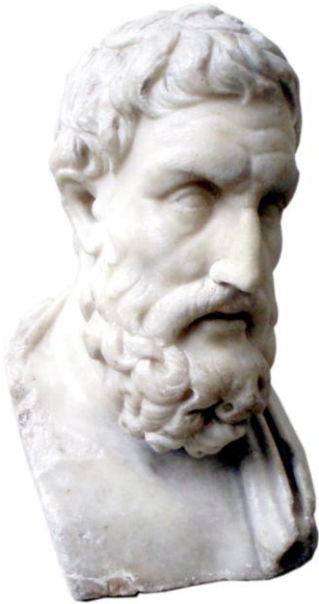
Разобравшись в этих вещах, попытаемся определить, в скольких смыслах говорится о благе. Из благ одни относятся к ценным, другие – к хвалимым, а третьи – к возможностям. Ценным я называю благо божественное, самое лучшее, например душу, ум, то, что изначально, первопричина и тому подобное. Причем ценное – это почитаемое, и именно такого рода вещи у всех в чести. Добродетель тоже ценность, раз благодаря ей человек становится достойным; он достигает тогда присущей добродетели красоты. Хвалимое благо – это те же добродетели в той мере, в какой согласные с ними действия вызывают похвалу. Блага-возможности – что власть, богатство, сила, красота. Добродетельный человек сумеет воспользоваться ими для добра, дурной – для зла, почему такие блага и называют возможностями. Они действительно блага, поскольку каждое из них удостоверяется тем, как его употребляет не дурной, а достойный человек. Такие блага иногда имеют причиной своего возникновения также и случай; по случаю достаются и богатство, и власть, и вообще то, что причисляется к возможностям. Существует еще четвертый вид блага; нечто сохраняющее или создающее другое благо; так, гимнастика сохраняет здоровье, и тому подобное.

Есть и другие подразделения блага. Скажем, из благ одни всегда и всячески заслуживают избрания, другие – не всегда: например, справедливость и прочие добродетели всегда и всячески достойны избрания, а сила, богатство, власть – не всегда и не всячески. И еще другой [способ деления]: благо может быть целью и может не быть целью; скажем, здоровье – цель, но то, что делается ради здоровья, – не цель. Из них всегда высшее благо – цель; так, здоровье выше, чем исцеляющие средства, и вообще всегда выше то, ради чего существует остальное. <...>

В свою очередь, среди целей совершенная лучше, чем несовершенная. Совершенное есть то, при наличии чего мы уже ни в чем не нуждаемся, несовершенное – то, при наличии чего продолжаем нуждаться. Например, имея справедливый нрав, мы еще во многом нуждаемся, а имея счастье, уже ни в чем не нуждаемся. И совершенная цель есть то наше высшее благо, которого мы ищем. Таким образом, совершенная цель есть благо и цель всех других благ. <...>

*Аристотель. Большая этика // Аристотель.
Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории.
Минск: Литература, 1998. С. 298–299, 300–303*

Эпикур⁴²
(341/342–271/270 до н.э.)

[Из письма Геродоту]

Далее, **атомы** движутся с равной быстротой, когда они несутся через пустоту, если им ничто не противодействует. Ибо ни тяжелые атомы не будут нестись быстрее малых и легких, когда, конечно, ничто не встречается им; ни малые [не будут нестись быстрее] больших, имея везде удобный проход, когда и им ничто не будет противодействовать; также движение вверх или вбок вследствие ударов и движение вниз вследствие собственной тяжести [не будет быстрее]... Истинно только все то, что мы наблюдаем чувствами или воспринимаем умом путем постижения...

*Антология мировой философии.
В 4 т. Т. 1. Ч. 1. М. Мысль, 1969. С. 355*

[Из письма Менекею]

Да, боги существуют: познание их – факт очевидный. Но они не таковы, какими их представляет себе толпа, потому что толпа не сохраняет о них постоянно своего представления. Нечестив не тот, кто устраняет богов толпы, но тот, кто применяет к богам представления толпы: ибо высказывания толпы о богах являются не естественными понятиями, но лживыми домыслами, согласно которым дурным людям боги посылают величайший вред, а хорошим – пользу. Именно: люди, все время близко соприкасаясь со своими собственными добродетелями, к подобным себе относятся хорошо, а на все, что не таково, смотрят как на чуждое. Приучай себя к мысли, что смерть не имеет к нам никакого отношения. Ведь все хорошее и дурное заключается в ощущении, а смерть есть лишение ощущения. Поэтому правильное знание того, что смерть не имеет к нам никакого отношения, делает смертность жизни усладительной, не потому, чтобы оно прибавляло к ней безграничное количество времени, но потому, что отнимает жажду бессмертия. И действительно, нет ничего страшного в жизни тому, кто всем сердцем постиг (вполне убежден), что в не-жизни нет ничего страшного.

*Антология мировой философии.
В 4 т. Т. 1. Ч. 1. М. Мысль, 1969. С. 364*

⁴² Древнегреческий философ-материалист, основатель эпикуреизма. *Произведения*: «О природе», «О критерии, или Канон», «Об образах».

Тит Лукреций Кар⁴³
(ок. 95–55 до н.э.)

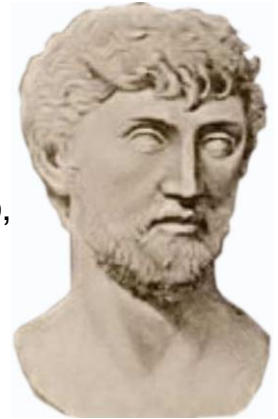
262. Словом, не гибнет ничто, как будто совсем погибая,
Так как природа всегда возрождает одно из другого
И ничему не дает без смерти другого родиться...

419. Всю, самое по себе, составляют природу две вещи:
Это, во-первых, тела, во-вторых же, пустое пространство,
Где пребывают они и где двигаться могут различно.

Что существуют тела – непосредственно в том убеждает
Здравый смысл; а когда мы ему доверяться не станем,
То и не сможем совсем, не зная, на что положиться,
Мы рассуждать о вещах каких-нибудь тайных и скрытых.

Если ж пространства иль места, что мы пустотой называем,
Не было б вовсе, тела не могли бы нигде находиться
И не могли б никуда и двигаться также различно,
Как я на это тебе указал уже несколько раньше...

440. Кроме того, все то, что само по себе существует,
Действует или само, иль подвержено действию будет,
Иль будет тем, где вещам находиться и двигаться можно.
Действовать иль подвергаться воздействию тело лишь может,
Быть же вместилищем тел может только пустое пространство.
Так что самой по себе средь вещей оказаться не может.

*Кар Т.Л. О природе вещей // Антология мировой философии.
В 4 т. Т. 1. Ч. 1. М. Мысль, 1969. С. 364*

Луций Анней Сенека⁴⁴
(1 до н.э./1 н.э. – 65 н.э.)

III. ...Постараемся найти не призрачное благо, а действительное, постоянное и тем более привлекательное, чем глубже оно таится в душе. Добудем это сокровище. Оно лежит недалеко от нас. Его легко найти. Нужно только знать, куда протянуть руку... Считаю нужным заметить, что я не примыкаю исключительно к одному из главнейших представителей стоической школы, сохраняя и за собою право иметь собственное суж-

⁴³ Римский поэт, философ-материалист, представитель римского эпикуреизма. *Произведения*: «О природе вещей».

⁴⁴ Философ-стоик, римский государственный деятель, воспитатель Нерона. *Произведения*: «Диалоги», «О снисходительности», «О благодеяниях», «Нравственные письма к Луцилию» и др.

дение. Я буду следовать одному, у другого сделаю частичное заимствование. Может быть, представляя свое заключение после всех остальных авторов, я не буду отвергать ни одного положения своих предшественников, а скажу только: «Вот это дополнение принадлежит мне». Впрочем, я принимаю общее правило всех стоиков: «Живи сообразно с природой вещей». Не уклоняться от нее, руководствоваться ее законом, брать с нее пример, – в этом и заключается мудрость. Следовательно, жизнь счастлива, если она согласуется со своей природой. Такая жизнь возможна лишь в том случае, если, во-первых, человек постоянно обладает здравым умом; за-

тем, если дух его мужествен и энергичен, благороден, вынослив и подготовлен ко всяким обстоятельствам; если он, не впадая в тревожную мнительность, заботится об удовлетворении физических потребностей; если он вообще интересуется материальными сторонами жизни, не соблазняясь ни одной из них; наконец, если он умеет пользоваться дарами судьбы, не делаясь их рабом. Мне незачем присовокуплять, так как ты и сам понимаешь, что результатом такого расположения духа бывает постоянное спокойствие и свобода ввиду устранения всяких поводов к раздражению и к страху. Вместо удовольствий, вместо ничтожных, мимолетных и не только мерзких, но и вредных наслаждений наступает сильная, неомрачимая и постоянная радость, мир и гармония духа, величие, соединенное с кротостью. Ведь всякая жестокость происходит от немощи.

IV. Получится тождество, скажу ли я «высшее благо заключается в способности презирать превратности судьбы и удовлетворяться добродетелью» или «высшее благо составляет непобедимая сила духа, умудренная опытом, спокойная в действии, соединенная с большой гуманностью и заботливостью по отношению к окружающим». Допустимо и такое определение: «Счастливым мы называем того, кто только благое и злокачественное настроение духа почитает за благо и за зло, кто свято исполняет нравственный долг и довольствуется добродетелью, кого случайные обстоятельства не могут сделать ни самонадеянным, ни малодушным, кто наибольшее значение придает тому благу, которое он может сам себе создать, для кого настоящим удовольствием будет... презрение к удовольствиям»...

Сенека Л.А. О блаженной жизни // Антология мировой философии. В 4 т. Т. 1. Ч. 1. М. Мысль, 1969. С. 510–511

Марк Аврелий Антонин⁴⁵
(121–180)

1V, 21. Если душа продолжает существовать, то каким образом воздух из века вмещает их в себя? – А каким образом вмещает в себя земля тела погребаемых в течение стольких веков? Подобно тому, как здесь тела, после некоторого пребывания в земле, изменяются и разлагаются, и таким образом очищают место для других трупов, точно также и души, нашедшие прибежище в воздухе, некоторое время остаются в прежнем виде, а затем начинают претерпевать изменения, растекаются и возгораются, возвращаясь обратно к семенеобразному разуму Целого, и таким образом уступают место вновь прибывающим.

1 V, 27. Мир или стройный порядок, или же смешение и путаница. Но несомненно первое. Или в тебе может существовать известный строй, а во всем должно быть настроение? И это, когда все различено, расчленено и находится в постоянном взаимодействии!

IV, 48. Следует смотреть на все человеческое как на мимолетное и кратковечное: то, что было вчера еще в зародыше, завтра уже мумия или прах. Итак, проводи этот момент времени в согласии с природой, а затем расстанься с жизнью так же легко, как падает созревшая олива: славословя природу, ее породившую, и с благодарностью к производшему ее дереву.

V, 30. Дух Целого требует общения. Поэтому менее совершенные существа он создал ради более совершенных, а более совершенные приносовил друг к другу. Ты видишь, какое он всюду установил подчинение и соподчинение, каждому дал в меру его достоинства и привел наиболее совершенные существа к единому слию.

VI, 30. Не иди по стопам Цезарей и не позволяй себя увлечь: ведь это бывает. Старайся сохранить в себе простоту, добропорядочность, неисчерпанность, серьезность, скромность, приверженность к справедливости, благочестие, благожелательность, любвеобилие, твердость в исполнении надлежащего дела. Употребь все усилия на то, чтобы остаться таким, каким тебя желала сделать философия. Чти богов и заботься о благе людей.

VII, 9. Все сплетено друг с другом, всюду божественная связь, и едва ли найдется что-нибудь чуждое всему остальному. Ибо все объединено

⁴⁵ Философ-стоик, римский император. *Произведения*: «Наедине с собой».

общим порядком и служит к украшению одного и того же мира. Ведь из всего составляется единый мир, все проникает единый бог, едина сущность всего, един закон, един и разум во всех одухотворенных существах, едина истина, если только едино совершенство для всех существ одного и того же рода и причастных одному и тому же разуму.

VII /, 54. Пора не только согласовать свое дыхание с окружающим воздухом, но и мысли со всеобъемлющим разумом. Ибо разумная сила так же разлита и распространена повсюду для того, кто способен вбирать ее в себя, как сила воздуха для способного к дыханию.

IX, 1. Совершающий несправедливость впадает в нечестие. Ведь природа Целого создала разумные существа друг для друга, и поэтому они должны помогать друг другу по мере достоинства, а отнюдь не вредить... И тот, кто лжет, такое проявляет нечестие по отношению к тому же божеству. Ведь природа Целого есть природа сущего; сущее (onta) же находится в тесной связи с тем, что существует в данный момент (hyparchonta). Это же божество именуют также и истиной, ибо оно есть первопричина всех истин. Следовательно, тот, кто лжет преднамеренно, впадает в нечестие, поскольку он совершает несправедливость своим обманом; тот же, кто лжет без намерения, – поскольку он разногласит с природой Целого и поскольку он вносит смятение, противоборствуя природе мира. Ведь позволяющий увлечь себя, вопреки своему желанию, к тому, что противоположно истине, противоборствует ей потому, что природа сообщила ему задатки, пренебрегши которыми он уже не в состоянии различить ложного от истинного. Впадает в нечестие также и тот, кто стремится к наслаждению как к добру и избегает страданий как зла. Ибо такому человеку неизбежно придется часто сетовать на общую природу, которая якобы не считается с достоинством, отделяя людей дурных и хороших, так как часто дурные утопают в наслаждениях и обладают средствами к их достижению, на стороне же хороших – страдание и то, что его порождает. К тому же, боящийся страдания будет бояться и чего-либо имеющего произойти в мире, что уже нечестиво. Стремящийся, далее, к наслаждениям не остановится и перед несправедливостью – а это очевидное нечестие.

IX, 9. Все причастное чему-либо общему стремится к едиnorodному с ним.

Все земное тяготеет к земле, все влажное сливается воедино, равно как и воздушное; так что нужны преграды и усиление, чтобы разобщить их. Огонь уносится вверх вследствие огня элементарного, но в то же время тяготение ко всему здешнему огню для общего воспламенения настолько сильно в нем, что легко возгорается всякое сколько-нибудь сухое тело, ибо в его составе не много такого, что препятствует воспламенению. И поэтому все причастное общей разумной природе равным образом стремится к родственному ему или даже в большей степени. Ведь поскольку оно совершеннее по сравнению с другим, постольку в

нем сильнее склонность к сближению с себе подобным и слиянию с ним воедино. Уже у неразумных существ можно найти ульи, стада, вскармливание потомства, некоторое подобие любви. Это объясняется тем, что у них есть души, и склонность к совместной жизни в существах относительно совершенных проявляется с большей силой, нежели в растениях, камнях или деревьях. У разумных же существ имеются государства, содружества, домохозяйства, совещания, а на войне – союзы и перемирия. У существ еще более совершенных единение осуществляется даже вопреки разделяющему их пространству, каково, например, единение звезд. Таким образом, известная степень совершенства может породить согласие даже между существами, относящимися друг от друга. Взгляни же теперь на то, что происходит. Одни только разумные существа забывают ныне о стремлении и склонности друг к другу, только среди них не замечается слияния воедино. Но как не избегают люди единения, все же им не уйти от него, ибо природа сильнее их. При некотором внимании ты убедишься в правильности моих слов. Легче поэтому найти нечто земное, не соприкасающееся ни с чем земным, нежели человека, не находящегося в общении с человеком.

X, 5. Что бы ни случилось с тобой, оно предопределено тебе из века. И сплетение причин с самого начала связало твое существование с данным событием.

XI, 1. Разумная душа облетает весь мир и окружающую его пустоту, исследуя его форму, проникает в беспредельную вечность, постигает периодическое возрождение Целого и понимает и сознает, что наши потомки не увидят ничего нового, как и наши предки не видели ничего сверх того, что видим мы, но что человек, достигший сорока лет, если он обладает хоть каким-нибудь разумом, в силу общего единообразия некоторым образом уже видел нее прошедшее и все имеющее быть.

XII, 29. Солнечный свет един, хотя и дробится стенами, горами и бесчисленным множеством других предметов. Едина общая сущность, хотя она и раздроблена между бесчисленным множеством отдельных и своеобразных тел. Едина душа, хотя она и раздроблена между множеством существ и особых образований. Едина разумная душа, хотя и кажется разделенной. Другие же сопринадлежащие части, как-то: жизненные силы (*пнеумата*) и материальные начала (*гυροκειμενα*), бесчувственны и чужды друг другу; однако и их сдерживают в единстве разумное начало и их собственная косность. Разуму же свойственно особое тяготение к тому, что ему родственно, он сближается с ним, и это стремление к общению не может быть отделено от него.

Антонин М.А. Наедине с собой // Антология мировой философии. В 4 т. Т. 1. Ч. 1. М. Мысль, 1969. С. 214–216

4. ФИЛОСОФИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ

Аврелий Августин⁴⁶
(354–430)

Тебя призываю, Бог-истина в котором, от которого и чрез которого истинно все, что истинно. Бог-мудрость, в котором, от которого и чрез которого мудрствует все, что мудрствует...Бог – умный свет, в котором, от которого и чрез которого разумно сияет все, что сияет разумом.

И человек, эта малейшая часть создания твоего...столь маловажное звено в творении твоём, дерзает воспевать тебе хвалу. Но ты сам возбуждаешь его к тому, чтобы он находил блаженство в прославлении тебя; ибо ты создал нас для себя, и душа наша дотолле томится, не находя себе покоя, доколе не успокоится в тебе.

Да! Меня не было бы, Боже мой; я вовсе не существовал бы, если бы ты не был во мне, или, точнее, я не существовал бы, если

бы не был в тебе, из которого все, в котором все.

Господи Боже мой! Хочу начать с того, чего я не знаю и не постигаю, откуда я пришел сюда, в эту смертную жизнь или жизненную смерть, откуда, говорю, пришел я сюда. И меня, пришельца, восприняло сострадательное милосердие твое... Не мать моя, не кормильцы мои питали меня сосцами своими, но ты чрез них подавал мне, младенцу, пищу детскую, по закону природы, тобою ей предначертанному, и по богатству щедрот твоих, которыми ты облагодетельствовал все твари по мере их потребностей. <...>

Я мысленно обратил взор свой и на другие предметы, которые ниже тебя, и увидел, что о них нельзя сказать ни того, что они существуют, ни того, что они не существуют: существуют потому, что получили свое бытие от тебя; не существуют потому, что они не то, что ты. Ибо то только действительно существует, что пребывает неизменно.

Вначале сотворил Бог небо и землю. Как же ты сотворил их? И какие средства, какие приготовления, какой механизм употребил ты для этого громадного дела? Конечно, ты действовал не как человек-

⁴⁶ Христианский богослов и философ, отец Церкви, крупнейший христианский мыслитель периода патристики. *Произведения:* «Исповедь», «О Троице», «О Граде Божьем».

художник, который образует какую-нибудь вещь из вещи же (тело из тела) по своему разумению, имея возможность дать ей такую форму, какую указывают ему соображения его ума. Откуда же душа этого художника могла получить такую способность, как не от тебя, сотворившего ее? Притом он дает форму материи уже существующей, чтобы произвести из ней другую вещь по своему усмотрению; для сего он употребляет то землю, то камень, то дерево, то золото и другие тому подобные предметы. Откуда же и эти предметы получили бы свое бытие, если бы ты не сотворил их? Этот художник-человек всем обязан тебе: ты устроил его тело так, что оно посредством разных членов совершает разные действия, а чтобы эти члены были способны к деятельности, ты *вдунул* в телесный состав его *душу живую*, которая движет и управляет ими; ты доставил ему и материал для художественных работ; ты даровал ему и способность ума, чтобы постигать тайны искусства и наперед обнимать мыслью то, что предполагает он произвести; ты же наделил его и телесными чувствами, которые служат ему проводником между телесною и духовною его природою, так что мир телесный и мир духовный находятся у него при посредстве этих чувств в общении... Но как ты творишь все это? Как сотворил ты, всемогущий Боже, небо и землю? Конечно, не на небе и не на земле творил ты небо и землю; ни в воздушных странах, ни в глубинах морских, потому что и воздух, и вода принадлежат к небу и земле; не могло это совершиться нигде и в целом мире, чтобы мир творился в мире, потому что мира не было до сотворения его и он никак не мог быть поприщем своего творения (*quia non erat ubi fieret antequam fieret*). Не было ли у тебя под руками какой-нибудь материи, из которой мог ты сотворить небо и землю? Но откуда взялась бы эта материя, не созданная тобою, а между тем послужившая материалом для твоего творчества? Допущением такой материи неизбежно ограничивалось бы твое всемогущество... До творения твоего ничего не было, кроме тебя, и ... *все существующее* зависит от твоего *бытия*.

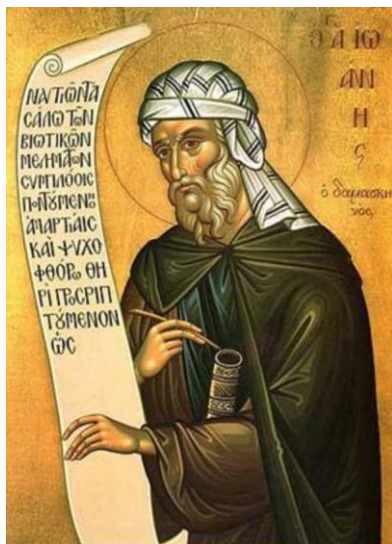
Итак, не слишком ли уже заняты древностью своего происхождения те, которые говорят нам: Что же делал Бог до сотворения им неба и земли? Если он оставался в праздности и совершенном покое, то почему не остался в таком же состоянии и навсегда? Если же в Боге произошло новое какое-либо движение и новое произволение создать то, чего прежде не творил, то как согласить с непреложною его вечностью появление этой воли, которой до того времени в нем не было? Воля Божия присуща Богу и предваряет всякое творение; никакого творения не могло бы быть, если бы не предшествовала воля творца. Воля Божия принадлежит к самой сущности (*substantia*) божественной.

И кто может поставить себя хотя на минуту в такое состояние, чтобы проникнуться всеобъемлющею светлостью этой неизменяющейся вечности (*simples stantis aeternitatis*) и сравнить ее с временами, не имеющими

никакого постоянства (*cum temporibus nunquam stantibus*), коих отблеск есть не что иное, как перемежающееся и непрестанно изменяющееся мерцание, а затем видеть, какое бесконечное различие между временем и вечностью? Продолжительность времени не иначе составляется, как из преемственной последовательности различных мгновений, которые не могут проходить совместно; в вечности же, напротив, нет подобного прохождения, а все сосредоточивается в настоящем как бы налицо, тогда как никакое время в целом его составе нельзя назвать настоящим. Все прошедшее наше слагается из будущего, и все будущее наше зависит от прошедшего; все же прошедшее и все будущее творится из настоящего, всегда сущего, для которого нет ни прошедшего, ни будущего, что мы называем вечностью. И кто в состоянии уразуметь и истолковать как вечность (*aeternitas*), неизменно пребывающая в настоящем (*stans*), для которой нет ни будущего, ни прошедшего (*nes future, nes praeterita*), творит между тем времена и будущие, и прошедшие? Неужели мое перо или мой язык в силах слабым словом разрешить эту великую задачу?

Творения Блаженного Августина Епископа Иппонийского // Антология мировой философии. В 4 т. Т. 1. Философия древности и средневековья. Ч. 2. М., 1969. С. 582–589

Иоанн Дамаскин⁴⁷
(ок. 650–ок. 750)

Сущее есть общее имя всего, что есть, и оно подразделяется на субстанцию и акциденцию. Субстанция есть более важное начало, ибо имеет свое существование в себе самой, а не в другом. Акциденция же есть то, что не способно существовать в себе самом, а созерцается в субстанции. Субстанция есть подлежащее, как бы материя вещей... Так, медь и воск – субстанция, а фигура, форма и цвет – акциденция. Тело есть субстанция, цвет его – акциденция, ибо не тело находится в цвете, а цвет в теле; не душа в знании, а знание в душе... Не говорят «тело цвета», а «цвет тела», не «душа знания», а «знание души», не «воск формы», а «форма воска». Притом же цвет, знание и форма изменяются, а тело, душа и воск пребывают теми же самими, ибо субстанция не меняется... Потому определение субстанции таково: субстанция есть

⁴⁷ Византийский богослов, проповедник, защитник иконопочитания, отец Церкви. *Произведения*: «Источник знания», «О православном образе жизни», «О св. Троице» и др.

вещь самосушая и не нуждающаяся для своего бытия в другом. Акциденция же есть то, что не может существовать в самом себе, а имеет свое бытие в другом. Бог и все его творения суть субстанция; впрочем, субстанция бога сверхсубстанциальна. Но есть и субстанциальные качества.

Иоанн Дамаскин. Диалектика //
Антология мировой философии. В 4 т. Т. 1. Ч. 2.
Философское наследие. М.: Мысль, 1969. С. 850–865

Все сущее либо сотворено, либо не сотворено. Если сотворено, то, безусловно, подвержено переменам; ибо, коль скоро оно через переменную получило бытие, оно, безусловно, остается подвластным переменам и либо гибнет, либо произвольным действием становится иным. Если же не сотворено, то по необходимости также, безусловно, неизменяемо: ведь у вещей, бытие которых противоположно, образ бытия и свойства также противоположны. Но разве кто-нибудь станет нам возражать, если мы скажем, что не только все сущее, чувственно нами воспринимаемое, но и ангелы изменяются, становятся иными, различным образом движутся; да, это так, вещи умопостигаемые, как-то: ангелы, души и демоны – изменяются по воле своей, преуспевая в добре и удаляясь от добра, напрягаясь или ослабляясь, а прочие вещи изменяются через рождение и распад, увеличение или уменьшение, или через изменение свойств, или через пространственное перемещение. Итак, все подверженное изменениям, безусловно, сотворено. Все сотворенное, безусловно, сотворено кем-то. Творцу же необходимо быть несотворенным; ибо если он сотворен, то, безусловно, кем-то, и так далее, пока не дойдем до чего-то несотворенного. Но если творец не сотворен, то он, безусловно, неизменяем. К кому же может относиться сказанное, как не к богу?

Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры //
Антология мировой философии. В 4 т. Т. 1. Ч. 2.
Философское наследие. М.: Мысль, 1969. С. 827

Бог объемлет в себе все бытие как некая безбрежная и беспредельная пучина сущности...

Одно лишь божество неопишимо, ибо оно безначально, бесконечно и всеобъемлюще, само же не объемлется никаким постижением, ибо оно одно непостижимо и беспредельно, никому неведомо и созерцаемо самим собой.

Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры //
Антология мировой философии. В 4 т. Т. 1. Ч. 2.
Философское наследие. М.: Мысль, 1969

Сотворил бог человека... как бы некий второй мир: малый – в великом...

Душа есть сущность живая, неразложимая, бестелесная, по природе своей незримая для телесных очей, бессмертная, наделенная разумом и умом, фигуры не имеющая; она пользуется телом как орудием; телу же сообщает жизнь, возрастание, чувства и способность рождения, обладая умом не как чем-то отличным от себя, а как чистейшей своей частью.

Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры // Антология мировой философии. В 4 т. Т. 1. Ч. 2. Философское наследие. М.: Мысль, 1969. С. 850

Иоанн Скотт (Эриугена)⁴⁸
(нач. IX в. – после 870)

УЧИТЕЛЬ. Итак, пусть никакой авторитет не отпугивает тебя от положений, внушаемых правильным рассмотрением по законам разума. Истинный авторитет не противоречит правильному разуму, так же как правильный разум – истинному авторитету. Ведь не может быть сомнения, что оба проистекают из одного и того же источника, а именно из божественной мудрости. <...>

УЧИТЕЛЬ. Тебе, я полагаю, неизвестно, что первичному по природе принадлежит больше достоинства, нежели первичному по времени.

УЧЕНИК. Это известно едва ли не каждому.

УЧИТЕЛЬ. Мы знаем, что разум первичен по природе, авторитет же – по времени. Ведь хотя природа сотворена тогда же, когда и время, однако авторитет возник не от начала времени и природы. Разум же вместе с природой и временем произошел из первоначала вещей.

УЧЕНИК. И этому учит нас разум. Авторитет рождается из истинного разума, но разум никогда не рождается из авторитета. Ведь всякий авторитет, не подтверждаемый истинным разумом, представляется слабым. Но истинный разум, нерушимый и незыблемый благодаря своим собственным силам, не нуждается ни в какой поддержке со стороны авторитета. Притом мне кажется, что сам истинный авторитет есть не что

⁴⁸ Ирландский средневековый мыслитель. *Произведения*: «О божественном предопределении», «О разделении природы».

иное, как истина, изысканная силой разума и в записанном виде переданная святыми отцами в назидание потомкам. Или, может быть, ты полагаешь иначе?

УЧИТЕЛЬ. Никоим образом. Стало быть, для решения подлежащих нам задач следует обращаться прежде всего к разуму и лишь затем к авторитету. ...

Не было бы нужды и приводить суждения святых отцов – тем паче, что большинству они известны, – если бы не возникала насущная необходимость защитить умозаключение против тех, кто ничего не смыслит в умозаключениях и больше доверяет авторитету, нежели разуму. <...>

Я не настолько запуган авторитетом и не до такой степени робею перед натиском малоспособных умов, чтобы не решиться открыто провозгласить положения, ясно составленные, без всякого сомнения, определенные истинным разумом, в особенности же когда приходится рассуждать о таких материях только среди мудрых, для которых нет ничего сладостнее, нежели внимать истинному разуму. <...>

Важнейший и едва ли не единственный путь к познанию истины – сначала познать и возлюбить самое человеческую природу... Ведь если человеческая природа не ведает, что совершается в ней самой, как она хочет знать то, что обретается превыше ее? <...>

Ведь нас не отговаривают, а, напротив, поощряют исследовать себя самих; как сказал Соломон: «Если не познаешь самого себя, ступай на пути скотов». Ведь не далеко ушел от бессловесных животных тот, кто не ведает ни себя самого, ни общей природы рода человеческого. И Моисей говорит: «Внимай самому себе» (Второзак. IV, 9) и читай, как бы в книге, историю действий души. Ведь если мы не желаем познать и исследовать самих себя, это очевидным образом означает, что у нас нет стремления возвратиться к тому, что превыше нас, а именно к нашей причине; и через это нам придется лежать в плотском гробе материи и в той смерти, которая есть невежество. Ибо нет иного пути к чистейшему созерцанию первообраза, кроме возможно более точного познания ближайшего к нему отражения его. Ведь между первообразом и подобием, т. е. между богом и человеческим естеством, нет ничего посредствующего.

Скотт И. О разделении природы // Антология мировой философии. В 4 т. Т. 1. Ч. 2. Философское наследие. М.: Мысль, 1969. С. 877

Пьер Абеляр⁴⁹
(1079–1142)

Мне снилось ночью, что три мужа, пришедшие различными путями, предстали предо мною, и я их тот час же спросил, как бывает во сне, кто они такие и почему пришли ко мне. Они ответили: «Мы люди, следующие различным вероисповеданиям. И все мы равно утверждаем, что являемся почитателями единого бога, однако служим ему различно по вере и по образу жизни. Ибо один из нас язычник, принадлежащий к тем, которых называют философами, довольствуется естественным законом. Другие же двое имеют писания, и один из них зовется иудеем, а другой – христианином. Мы долго спорили, сравнивая поочередно различные направления веры, и наконец решили прибегнуть к твоему суду». Сильно удивляясь этому, я спросил: кто навел их на эту мысль, кто свел их вместе и,

более всего, почему они избрали в этом споре судьей меня?

Философ, отвечая, сказал: это начинание – дело моих рук, потому что самым главным для философа является исследовать истину при помощи разума и следовать во всем не мнению людей, а доводам разума.

Тогда я говорю: ты, философ, ты, который не исповедуешь никакого закона и уступаешь только доводам разума, ты не сочтешь за большое достижение, если окажешься победителем в этом споре. Ведь у тебя для битвы имеются два меча, остальные же вооружены против тебя только одним. Ты можешь действовать против них, опираясь как на писание, так и на доводы разума, они же против тебя, поскольку ты не следуешь закону, от закона выставить ничего не могут и тем менее также могут выступить против тебя, опираясь на доводы разума, чем более ты привык к этому и чем более богатым философским вооружением ты владеешь...

Ни одно учение, как упомянул кто-то из наших [христиан], не является до такой степени ложным, чтобы не заключать в себе какой-нибудь истины, и нет ни одного столь пустого спора, который не имел бы в себе какого-либо поучительного доказательства...

Философ говорит: мне, который довольствуется естественным законом, являющимся первым, надлежит первому вопрошать других. Я сам

⁴⁹ Французский философ, теолог, поэт, основоположник концептуализма. *Произведения*: «О единстве и троичности Бога», «Да и Нет», «Диалектика», «Этика, или Познай самого себя», «Диалог между Философом, Иудеем и Христианином».

собрал вас для того, чтобы спросить о прибавленных позже писаниях. Я говорю о первом законе не только по времени, но и по природе. Конечно, все более простое является, естественно, более ранним, чем более сложное. Естественный же закон состоит в нравственном познании, которое мы называем этикой, и заключается только в одних этических доказательствах. Ваши же законы прибавили к ним некие предписания внешних определений, которые нам кажутся совершенно излишними и о которых в своем месте нам также надо будет потолковать.

Оба остальные согласились предоставить философу в этом поединке первое место.

Тогда он говорит: удивительно, что в то время, как с веками и сменой времен возрастают человеческие знания обо всех сотворенных вещах, в вере же, заблуждения в которой грозят величайшими опасностями, нет никакого движения вперед. Но юноши и старцы, как невежественные, так и образованные, утверждают, что они мыслят о вере совершенно одинаково и тот считается крепчайшим в вере, кто совершенно не отступает от общего с большинством мнения. А это, разумеется, происходит обязательно, потому что расспрашивать у своих о том, во что должно верить, не позволено никому, как и не позволено безнаказанно сомневаться в том, что утверждается всеми. Ибо людям становится стыдно, если их спрашивают о том, о чем они не в состоянии дать ответа...

Первые же (т. е. опирающиеся на закон) впадают в столь великое безумие, что, как они сами признают, не стыдятся заявлять о своей вере в то, чего понять не могут, как будто бы вера заключается скорее в произнесении слов, нежели в духовном понимании, и более присуща устам, чем сердцу. И эти люди особенно похваляются, когда им кажется, что они верят в столь великое, чего они не в состоянии ни высказать устами, ни постигнуть разумом. И до такой степени дерзкими и высокомерными делает их исключительность их собственного убеждения, что всех тех, кого они находят отличающимися от них по вере, они провозглашают чуждыми милосердия божьего и, осудив всех прочих, считают блаженными только себя.

Философ: что же сказать о тех, кто считается авторитетами? Разве у них не встречается множества заблуждений? Ведь не существовало бы столько различных направлений веры, если бы все пользовались одними и теми же авторитетами. Но, смотря по тому, кто как рассуждает при помощи собственного разума, отдельные лица избирают авторитеты, за которыми следуют. Иначе мнения всех писаний должны были бы восприниматься одинаково, если бы только разум, который естественным образом выше их, не был бы в состоянии судить о них. Ибо и сами писавшие заслужили авторитет, т. е. то, что заставляет им немедленно

верить, только благодаря разуму, которым, по-видимому, полны их высказывания...

В любом философском обсуждении авторитет ставится на последнее место или совсем не принимается во внимание, так что вообще стыдятся приводить доказательства, проистекающие от чьего-либо суждения о вещи, т. е. от авторитета.

Абеляр П. Диалог между Философом, Иудеем и Христианином // Антология мировой философии. В 4 т. Т. 1. Ч. 2. Философское наследие. М.: Мысль, 1969. С. 794–808

Хотя при столь великом множестве слов нечто высказанное даже святыми кажется не только отличным друг от друга, но и противоположным друг другу, нельзя необдуманно судить о тех, коими должен быть судим, сам мир...

Итак, что удивительного в том, если при отсутствии в нас того самого духа, при посредстве коего это было записано и высказано, а также внушено писавшим, нам не хватает их понимания, достигнуть которого нам всего более препятствует необычайный способ речения и разнообразное значение одних и тех же слов, поскольку одно и то же слово является высказанным то в одном, то в другом значении? Ведь как в своих мыслях, так и в словах каждый из них был весьма плодovit. <...>

Надлежит тщательно обращать внимание на то, чтобы в случае, если кое-что из высказанного святыми вызовет у нас возражение как противоречивое или чуждое истине, мы не впадали в ошибку из-за ложно надписанного заглавия или порчи самого текста. Ибо многие апокрифические сочинения с целью придать им авторитет озаглавлены именами святых; и кое-что даже в самом тексте божественных заветов является испорченным по вине переписчиков. <...>

Если и в евангелиях нечто было испорчено в результате невежества переписчиков, то что же удивительного, если это иногда имело место также и в сочинениях позднейших отцов, авторитет которых несравненно меньше? Следовательно, если кое-что в сочинениях святых случайно кажется несогласным с истиной, то будет благочестивым, соответствующим смирению, а также долгом любви, которая всему верит, на все надеется, все переносит и с трудом подозревает о пороках тех, которых любит, верить тому, что это место Писания является неверно переведенным или испорченным, или признаться, что мы его не понимаем.

Я полагаю, что столь же много внимания должно обращать и на то, не является ли высказанное в сочинениях святых пересмотренным ими самими в другом месте и исправленным после познания истины, как это во многих случаях делал блаженный Августин; или не высказали ли они

своего суждения скорее в соответствии с чужим мнением, нежели со своим собственным, подобно Экклезиасту, приводящему во многих местах противоречащие суждения различных лиц.

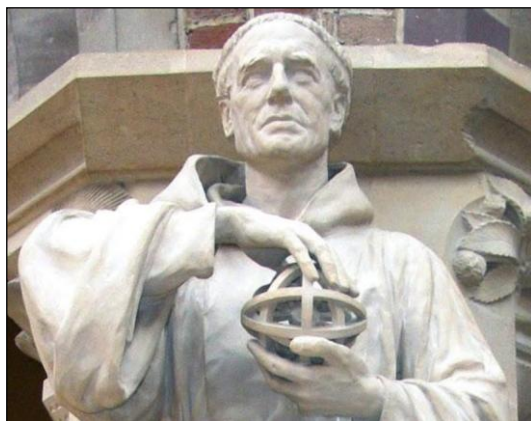
Блаженный Августин, пересматривая и исправляя многие из своих творений, заявляет, что он утверждал там многое скорее на основе мнения других, чем в силу собственного убеждения. Кое-что и в Евангелии кажется высказанным скорее согласно людскому мнению, нежели согласно истине, как, например, когда мать самого господина называет Иосифа отцом Христа, говоря так согласно общераспространенному мнению и обычаю: «Я и отец твой, скорбя, отыскивали тебя».

Если же мы сможем доказать, что одни и те же слова употребляются различными авторами в различных значениях, то мы легко отыщем решение многих противоречий. С помощью всех вышеприведенных способов внимательный читатель найдет разрешение спорных вопросов в творениях святых. А если случайно противоречие будет до такой степени явным, что не сможет быть разрешено ни на каком разумном основании, то следует сопоставить авторитеты и предпочесть тот, свидетельства коего более сильны, а утверждения более вески.

*Абеляр П. Да и нет // Антология мировой философии.
В 4 т. Т. 1. Ч. 2. Философское наследие.
М.: Мысль, 1969. С. 810*

Роджер Бэкон⁵⁰
(ок. 1214–1294)

Действительно, существуют четыре величайших препятствия к постижению истины. Они мешают всем и каждому мудрому человеку и едва позволяют достичь подлинной мудрости. А именно это пример жалкого и недостойного авторитета, постоянство привычки, мнение несведущей толпы и прикрытие собственного невежества показной мудростью. Ими опутан всякий человек и охва-

чено всякое состояние, ибо в жизни, науках и всяком занятии для одного и того же вывода пользуются тремя наихудшими доводами: это передано нам от предков; это привычно; это общепринято, следовательно, это-

⁵⁰ Английский натурфилософ и богослов. *Произведения*: «Большое сочинение», «Малое сочинение», «Компендий философии», «Третье сочинение».

го должно придерживаться. Однако гораздо вернее из этих предпосылок следует противоположный вывод, как я докажу различными способами – ссылкой на авторитеты, на основании опыта и разума. Но когда указанные три [довода] опровергаются великолепной мощью разума, на устах у всех всегда наготове четвертый, используемый для оправдания собственного невежества. И хотя бы они не знали ничего достойного, они неразумно его возвеличивают, дабы во утешение злосчастной своей глупости подавить и задушить истину.

От этой смертоносной чумы происходят все бедствия человеческого рода, ибо из-за этого остаются непознанными полезнейшие, величайшие и прекраснейшие свидетельства мудрости и тайны всех наук и искусств. Но еще хуже то, что люди, слепые от мрака этих четырех препятствий, не ощущают собственного невежества, а со всем тщанием обороняют и защищают его, поскольку находят от него лекарства. А самое худшее – то, что, погрузившись в глубочайший мрак заблуждений, они полагают, что находятся в полном свете истины. Из-за этого они самое истинное считают последней ложью, самое лучшее – лишенным цены, самое великое – не имеющим ни веса, ни ценности и, напротив того, прославляют все самое ложное, восхваляют самое худшее, превозносят самое низкое и, ослепленные, не видят подлинного сияния мудрости и отвергают то, чего могли бы с величайшей легкостью достичь.

Из-за огромной глупости они прилагают величайшие усилия, тратят очень много времени и выбрасывают кучу денег на то, что не приносит никакой пользы или приносит ничтожную пользу и не обладает, по суждению мудрых, никакими достоинствами.

Поэтому необходимо, чтобы с самого начала были постигнуты, осуждены и отброшены прочь с пути разумного рассмотрения пагубность и коварство этих четырех причин всякого зла. Ибо, где господствуют указанные три [наихудших довода], там не действует никакой разум, не решает право, бессилен закон, там нет места ни велению неба, ни велениям природы, искажается облик вещей, извращается порядок, властвует порок и гибнет добродетель, царит ложь и бездыханна истина. И поэтому нет ничего более настоящего, нежели решительное осуждение этих четырех [причин невежества] с помощью лучших суждений мудрых, не могущих вызвать возражений.

А так как мудрые сокрушают и осуждают первые три [причины] вместе, а четвертая из-за ее особенной глупости сама стремится к собственной гибели, то сначала я попытаюсь показать пагубность трех причин. Но поскольку одна из них – авторитет, то я никоим образом не имею здесь в виду тот неколебимый и подлинный авторитет, который либо дан церкви божественным судом, либо в особенности порожден заслу-

гами и достоинствами безупречных философов и превосходных пророков, которые в меру человеческих возможностей преуспели в постижении мудрости. Здесь идет речь о том авторитете, который без божественного содействия многие насильственно присвоили себе в этом мире не по заслугам мудрости, а из собственной самонадеянности и тщеславия и который несведущая толпа приписывала многим на собственную гибель по правому божьему суду. Ибо, по Священному писанию, из-за грехов народа часто воцаряется лицемер. Я говорю ведь о софистических авторитетах неразумной толпы; они обладают сомнительным авторитетом, подобно тому как сделанный из камня или нарисованный глаз обладает лишь названием глаза, а не его свойствами.

Бэкон Р. Большое сочинение //
Антология мировой философии. В 4 т. Т. 1. Ч. 2.
Философское наследие. М.: Мысль, 1969. С. 876–890

Фома Аквинский⁵¹
(ок. 1224–1274)

Для спасения человеческого было необходимо, чтобы сверх философских дисциплин, которые основываются на человеческом разуме, существовала некоторая наука, основанная на божественном откровении; это было необходимо прежде всего потому, что человек соотносен с богом как с некоторой своей целью. Между тем цель эта не поддается постижению разумом; в соответствии со словами Исайи (гл. 64, ст. 4): «Око незрело, боже, помимо тебя, что уготовал ты любящим тебя». Между тем должно, чтобы цель была заранее известна людям, дабы они соотносили с ней свои усилия и действия. Отсюда следует, что человеку необходимо для своего спасения знать нечто такое, что ускользает от его разума, через божественное откровение.

Притом даже и то знание о боге, которое может быть добыто человеческим разумом, по необходимости должно было быть преподано человеку через божественное откровение, ибо истина о боге, отысканная человеческим разумом, была бы доступна немногим, притом не сразу,

⁵¹ Средневековый философ, теолог, основатель томизма. *Произведения*: «Сумма теологии», «Сумма против язычников», «Спорные вопросы».

притом с примесью многочисленных заблуждений, между тем как от обладания этой истиной целиком зависит спасение человека, каковое обретается в боге.

Итак, для того чтобы люди достигли спасения и с большим успехом, и с большей уверенностью, необходимо было, чтобы относящиеся к богу истины богом же и были преподаны в откровении. Итак, было необходимо, чтобы философские дисциплины, которые получают свое знание от разума, были дополнены наукой, священной и основанной на откровении. <...>

Хотя человек не обязан испытывать разумом то, что превышает возможности человеческого познания, однако же то, что преподано богом в откровении, следует принять на веру. <...>

Различие в способах, при помощи которых может быть познан предмет, создает многообразие наук. Одно и то же заключение, как то, что земля круга, может быть сделано и астрологом, и физиком, но астролог придет к нему через посредство математического умозрения, отвлекаясь от материи, физик же через посредство рассуждений, имеющих в виду материю. По этой причине нет никаких препятствий, чтобы те же самые предметы, которые подлежат исследованию философскими дисциплинами в меру того, что можно познать при свете естественного разума, исследовала наряду с этим и другая наука в меру того, что можно познать при свете божественного откровения. Отсюда следует, что теология, которая принадлежит к священному учению, отлична по своей природе от той теологии, которая полагает себя составной частью философии. <...>

Священное учение есть наука. Следует, однако, знать, что природа наук бывает двоякой. Одни из них таковы, что зиждутся на основоположениях, непосредственно отысканных естественной познавательной способностью, как-то: арифметика, геометрия и другие в этом же роде. Другие таковы, что зиждутся на основоположениях, отысканных при посредстве иной, и притом высшей, дисциплины; так, теория перспективы зиждется на основоположениях, выясненных геометрией, а теория музыки – на основоположениях, выясненных арифметикой. Священное учение есть такая наука, которая относится ко второму роду, ибо она зиждется на основоположениях, выясненных иной, высшей наукой; последняя есть то знание, которым обладает бог, а также те, кто удостоен блаженства. Итак, подобно тому как теория музыки принимает на веру основоположения, переданные ей арифметикой, совершенно так же священное учение принимает на веру основоположения, преподанные ей богом. <...>

Эта наука (теология) может взять нечто от философских дисциплин, но не потому, что испытывает в этом необходимость, а лишь ради большей доходчивости преподаваемых ею положений. Ведь основоположения свои она заимствует не от других наук, но непосредственно от бога через от-

кровение. Притом же она не следует другим наукам, как высшим по отношению к ней, но прибегает к ним, как к подчиненным ей служанкам, подобно тому как теория архитектуры прибегает к служебным дисциплинам или теория государства прибегает к науке военного дела. И само то обстоятельство, что она все-таки прибегает к ним, проистекает не от ее недостаточности или неполноты, но лишь от недостаточности нашей способности понимания: последнюю легче вести от тех предметов, которые открыты естественному разуму, источнику прочих наук, к тем предметам, которые превыше разума и о которых трактует наша наука.

Фома Аквинский. Сумма теологии //
Антология мировой философии. В 4 т. Т. 1. Ч. 2.
Философское наследие. М.: Мысль, 1969. С. 823–852

По закону своей природы человек приходит к умопостигаемому через чувственное, ибо все наше познание берет свой исток в чувственных восприятиях. <...>

Путь доказательства может быть двояким. Либо он исходит из причины и потому называется «propter quid», основываясь на том, что первично само по себе; либо он исходит из следствия и называется «quia», основываясь на том, что первично в отношении к процессу нашего познания. В самом деле, коль скоро какое-либо следствие для нас прозрачнее, нежели причина, то мы вынуждены постигать причину через следствие. От какого угодно следствия можно сделать умозаключение к его собственной причине (если только ее следствия более открыты для нас), ибо, коль скоро следствие зависит от причины, при наличии следствия ему по необходимости должна предшествовать причина. Отсюда следует, что бытие божие, коль скоро оно не является самоочевидным, должно быть нам доказано через свои доступные нашему познанию следствия. <...>

Бытие божие может быть доказано пятью путями. Первый и наиболее очевидный путь исходит из понятия движения. В самом деле, не подлежит сомнению и подтверждается показаниями чувств, что в этом мире нечто движется. Но все, что движется, имеет причиной своего движения нечто иное: ведь оно движется лишь потому, что находится в потенциальном состоянии относительно того, к чему оно движется. Сообщать же движение нечто может постольку, поскольку оно находится в акте: ведь сообщать движение есть не что иное, как переводить предмет из потенции в акт. Но ничто не может быть переведено из потенции в акт иначе как через посредство некоторой актуальной сущности; так, актуальная теплота огня заставляет потенциальную теплоту дерева переходить в те-

плоту актуальную и через это приводит дерево в изменение и движение. Невозможно, однако, чтобы одно и то же было одновременно и актуальным, и потенциальным в одном и том же отношении, оно может быть таковым лишь в различных отношениях. Так, то, что является актуально теплым, может одновременно быть не потенциально теплым, но лишь потенциально холодным. Следовательно, невозможно, чтобы нечто было одновременно, в одном и том же отношении и одним и тем же образом и движущим, и движимым, иными словами, было бы само источником своего движения. Следовательно, все, что движется, должно иметь источником своего движения нечто иное. Следовательно, коль скоро движущий предмет и сам движется, его движет еще один предмет, и так далее. Но невозможно, чтобы так продолжалось до бесконечности, ибо в таком случае не было бы перводвигателя, а следовательно, и никакого иного двигателя, ибо источники движения второго порядка сообщают движение лишь постольку, поскольку сами движимы первичным двигателем, как-то: посох сообщает движение лишь постольку, поскольку сам движим рукой. Следовательно, необходимо дойти до некоторого перводвигателя, который сам не движим ничем иным; а под ним все разумеют бога.

Второй путь исходит из понятия производящей причины. В самом деле, мы обнаруживаем в чувственных вещах последовательность производящих причин; однако не обнаруживается и невозможен такой случай, чтобы вещь была своей собственной производящей причиной; тогда она предшествовала бы самой себе, что невозможно. Нельзя помыслить и того, чтобы ряд производящих причин уходил в бесконечность, ибо в таком ряду начальный член есть причина среднего, а средний – причина конечного (причем средних членов может быть множество или только одни). Устраняя причину, мы устраняем и следствия. Отсюда, если в ряду производящих причин не станет начального члена, не станет также конечного и среднего. Но если ряд производящих причин уходил бы в бесконечность, отсутствовала бы первичная производящая причина; а в таком случае отсутствовали бы и конечное следствие, и промежуточные производящие причины, что очевидным образом ложно. Следовательно, необходимо положить некоторую первичную производящую причину, каковую все именуют богом.

Третий путь исходит из понятий возможности и необходимости и сводится к следующему. Мы обнаруживаем среди вещей такие, для которых возможно и быть, и не быть; обнаруживается, что они возникают и гибнут, из чего явствует, что для них возможно и быть, и не быть. Но для всех вещей такого рода невозможно вечное бытие; коль скоро нечто может перейти в небытие, оно когда-нибудь перейдет в него. Если же все может не быть, когда-нибудь в мире ничего не будет. Но если это

истинно, уже сейчас ничего нет, ибо не-сущее не приходит к бытию иначе, как через нечто сущее. Итак, если бы не было ничего сущего, невозможно было бы, чтобы что-либо перешло в бытие, и потому ничего не было бы, что очевидным образом ложно. Итак, не все сущее случайно, но в мире должно быть нечто необходимое. Однако все необходимое либо имеет некоторую внешнюю причину своей необходимости, либо не имеет. Между тем невозможно, чтобы ряд необходимых сущностей, обусловливающих необходимость друг друга, уходил в бесконечность (таким же образом, как это происходит с производящими причинами, что доказано выше). Поэтому необходимо положить некую необходимую сущность, необходимую самое по себе, не имеющую внешней причины своей необходимости, но самое составляющую причину необходимости всех иных; по общему мнению, это есть бог.

Четвертый путь исходит из различных степеней, которые обнаруживаются в вещах. Мы находим среди вещей более или менее совершенные, или истинные, или благородные; и так обстоит дело и с прочими отношениями того же рода. Но о большей или меньшей степени говорят в том случае, когда имеется различная приближенность к некоторому пределу; так, более теплым является то, что более приближается к пределу теплоты. Итак, есть нечто в предельной степени обладающее истиной, и совершенством, и благородством, а следовательно, и бытием; ибо то, что в наибольшей степени истинно, в наибольшей степени есть, как сказано во II кн. «Метафизики», гл. 4. Но то, что в предельной степени обладает некоторым качеством, есть причина всех проявлений этого качества; так, огонь, как предел теплоты, есть причина всего теплого, как сказано в той же книге. Отсюда следует, что есть некоторая сущность, являющаяся для всех сущностей причиной блага и всяческого совершенства; и ее мы именуем богом.

Пятый путь исходит из распорядка природы. Мы убеждаемся, что предметы, лишенные разума, каковы природные тела, подчиняются целесообразности. Это явствует из того, что их действия или всегда, или в большинстве случаев направлены к наилучшему исходу. Отсюда следует, что они достигают цели не случайно, но будучи руководимы сознательной волей. Поскольку же сами они лишены разума, они могут подчиняться целесообразности лишь постольку, поскольку их направляет некто, одаренный разумом и пониманием, как стрелок направляет стрелу. Следовательно, есть разумное существо, полагающее цель для всего, что происходит в природе; и его мы именуем богом.

Фома Аквинский. Сумма теологии // Антология мировой философии. В 4 т. Т. 1. Ч. 2. Философское наследие. М.: Мысль, 1969. С. 823–852

Мы полагаем бога как первоначало не в материальном смысле, но в смысле производящей причины; и в таковом качестве он должен обладать наивысшим совершенством. Если материя, поскольку она является таковой, потенциальна, то движущее начало, поскольку оно является таковым, актуально. Отсюда действующему первоначалу приличествует быть в наивысшей степени актуальным и потому в наивысшей степени совершенным. Ведь совершенство предмета определяется в меру его актуальности; совершенным называют то, что не испытывает никакой недостаточности в том роде, в котором оно совершенно. <...>

Итак, следует разуметь, что бесконечное именуется так потому, что оно ничем не ограничено. Между тем и материя некоторым образом ограничена формой, и форма – материей. Материя ограничена формой постольку, поскольку до приятия формы она потенциально открыта для многих форм, но, как только воспринимает одну из них, через нее становится замкнутой. Форма же ограничена материей постольку, поскольку форма сама по себе обща многим вещам; но, после того как ее воспримет материя, она определяется как форма данной вещи. При этом материя получает от ограничивающей ее формы устройство; поэтому та относительная бесконечность, которая приписывается материи, имеет характер несовершенства. Это материя, как бы лишенная формы. Но форма не получает от материи устройства, а скорее сужается в своем объеме; отсюда та относительная бесконечность, которая уделена форме, не замкнувшейся в материю, имеет характер совершенства.

Ничто, кроме бога, не может быть бесконечным безусловно, оно таково лишь условно. В самом деле, если мы говорим о той бесконечности, которая принадлежит материи, то очевидно, что все, что актуально существует, наделено формой, а потому его материя ограничена формой. Но поскольку материя, приняв одну субстанциальную форму, остается потенциально открытой для ряда акцидентальных форм, постольку то, что безусловно ограничено, может быть условно бесконечным. Так, кусок дерева ограничен в отношении своей формы, но бесконечен в той мере, в какой потенциально открыт для бесконечного множества фигур. Если же мы говорим о том роде бесконечности, который принадлежит форме, то очевидно, что предметы, формы которых внедрены в материю, безусловно конечны и никоим образом не бесконечны. Если же имеются некоторые сотворенные формы, которые не восприняты материей, но субсистентны сами по себе, как некоторые полагают относительно ангелов, то они обладают условной бесконечностью, коль скоро такие формы не ограничены и не сужены никакой материей. Поскольку, однако, сотворенная субсистентная форма имеет свойство быть, но не есть сама основа своего бытия, необходимо, чтобы это ее свойство бы-

ло воспринято и сужено до некоторого ограниченного естества. Отсюда явствует, что безусловной бесконечностью она обладать не может. ...

Очевидно, что время и вечность не суть одно и то же. Смысл же этого различия некоторые ищут в том, что вечность лишена начала и конца, а время имеет начало и конец. Однако это различие имеет акцидентальный, а не сущностный характер. Ведь если мы примем, что время всегда было и всегда будет, в согласии с утверждением тех, кто полагает движение небес вечным, то различие между вечностью и временем останется, по словам Боэция («О философическом утешении», кн. 5, гл. 4), в том, что вечность в каждом своем мгновении целокупна, времени же это не присуще, а также и в том, что вечность есть мера пребывания, а время – мера движения.

Фома Аквинский. Сумма теологии // Антология мировой философии. В 4 т. Т. 1. Ч. 2. Философское наследие. М.: Мысль, 1969. С. 823–852

Уильям Оккам⁵²
(ок. 1285–1349)

Первично ли (primitate generationis) постижение разумом единичного?

Нет: общее – вот первый и собственный объект разума, и поэтому первично постигается общее.

Против: вообще и чувство, и разум имеют один и тот же объект, но если речь идет о первичности, то единичное – первый объект чувства; следовательно, и т. д.

Теперь необходимо прежде всего выяснить смысл вопроса, а затем ответить на него.

Относительно первого [положения] следует, [во-первых], знать, что под «единичным» понимается здесь не все то, что имеется в единственном числе, ибо в этом смысле любая вещь единична, а лишь то, что имеется в единственном числе и не есть естественный или установленный по воле [человека] или по [его] желанию знак, общий для многих [вещей]. Таким образом,

⁵² Английский теолог, логик, философ, представитель поздней схоластики. Произведения: «Сумма всей логики».

ни написанное слово, ни понятие (*conceptus*), ни произнесенное слово, обозначающее [что-то], не единичны. Единично только то, что не есть общий знак.

Следует, во-вторых, знать, что этот вопрос касается не всякого познания единичного, ибо любое постижение общего есть в этом смысле знание единичного, ведь, только постигая общее, можно познать единичное и единичные вещи; данный же вопрос касается собственного и простого знания единичного.

Относительно второго [положения]: предположим, что вопрос касается собственного знания единичного, тогда я скажу: во-первых, единичное, взятое в указанном выше смысле, есть то, что познается в первую очередь посредством простого знания, относящегося к единичному.

Это доказывается так: посредством такого знания познается в первую очередь вещь, которая находится вне [человеческой] души и не есть знак. Но всякая вещь, которая находится вне [человеческой] души, единична; следовательно, и т. д.

Кроме того, объект предшествует собственному и первичному акту [познания], но такому акту предшествует не что иное, как единичное; следовательно, и т. д.

Во-вторых, я утверждаю, что простое знание, относящееся к единичному и первичное, есть знание интуитивное. То, что это познание первично, ясно, ибо абстрагированное знание единичного предполагает интуитивное знание того же объекта, а не наоборот. А то, что оно относится к единичному, [также] ясно, ибо оно непосредственно и необходимо (*nata*) вызвано [данной] единичной вещью, а не другой, хотя бы одного и того же вида, следовательно, и т.д. ...

Во-первых, следует рассмотреть термины вторичной интенции (*termini secundae intentionis*); во-вторых, термины первичной интенции (*intentionis primae*). Следует сказать, что термины вторичной интенции – это «универсалия», «род», «вид» и т. д. Поэтому необходимо сказать о том, что считается пятью универсалиями. Но прежде мы должны хоть немного сказать о той общей (*communis*) универсалии, которая сказывается о всякой универсалии, и о противоположном ей единичном.

Прежде всего необходимо знать, что «единичное» можно понимать двояко. В одном смысле «единичное» обозначает все то, что есть одно, а не многое. Тогда те, кто считает универсалию неким свойством ума, которое может сказываться о многих вещах (представляя не себя, а эти многие вещи), должны признать, что любая универсалия поистине и на деле есть единичное, ибо, подобно тому как всякое слово, каким бы общепринятым оно ни было, поистине и на деле единично и одно по числу, ибо оно одно, а не многое, так интенция души, обозначающая множест-

во внешних вещей, поистине и на деле единична и одна по числу, ибо она одно, а не многое, хотя и обозначает многие вещи.

В другом смысле под именем «единичное» понимается то, что одно, а не многое и по своей природе не таково, чтобы быть знаком многих вещей. И если понимать «единичное» так, то никакая универсалия не есть единичное, ибо любая универсалия по своей природе такова, что служит знаком многих вещей и сказывается о многих вещах. Поэтому, называя универсалией то, что по числу не одно – именно такой смысл многие приписывают универсалии, – я утверждаю, что [в таком случае] ничто не есть универсалия, если только ты не употребишь это название не в собственном смысле, сказав, что народ – это некая универсалия, ибо народ не одно, а многое; но это было бы несерьезно.

Следовательно, мы должны сказать, что любая универсалия есть некая единичная вещь и универсалия она только благодаря тому, что она есть обозначение, поскольку она знак многих вещей...

Необходимо, однако, знать, что универсалии бывают двух видов: универсалия по природе, т. е. естественный знак, который может сказываться о многих вещах, подобно тому как дым, естественно, указывает на огонь, стон – на страдания больного, смех – на внутреннюю радость; и такая универсалия есть лишь интенция души, и потому никакая субстанция вне души и ни одна акциденция вне души не есть такая универсалия. Об универсалии этого вида мы поговорим в последующих главах. Другой вид – это универсалия по установлению (*voluntaria institutione*). В этом смысле и произнесенное слово, которое поистине есть некое качество, представляет собой универсалию, ибо оно знак, установленный для обозначения множества вещей. Поэтому, так же как говорят, что произнесенное слово общеупотребительно, так и можно сказать, что оно универсалия, но не по природе, а только по установлению...

Из этого и многих других [мест] явствует, что универсалия – это интенция души, которая по природе такова, что сказывается о многих [вещах]. Это можно подтвердить и следующим соображением. А именно, по общему мнению, всякая универсалия может сказываться о многих [вещах]; только интенция души или установленный знак по своей природе сказуемые, но не таковы субстанции; следовательно, лишь интенция души или установленный знак есть универсалия. Но теперь я [термин] «универсалия» применяю не к установленному знаку, а лишь к тому, что есть универсалия по природе. А то, что субстанция по своей природе не такова, чтобы быть сказуемым, ясно из следующего: если бы это было так, то следовало бы, что суждение составлено из отдельных субстанций и, стало быть, субъект мог бы быть в Риме, а предикат – в Англии, а это нелепо.

Равным образом суждение имеется только в уме или в произнесенных или написанных словах; следовательно, и части его также бывают лишь в уме или в произнесенных или написанных словах; но такого рода вещи – не отдельные субстанции; значит, ясно, что никакое суждение не может быть составлено из субстанций; суждение составляется из универсалий. Следовательно, универсалии никоим образом не субстанции. <...>

... Я утверждаю, что универсалия не есть нечто реальное, имеющее в душе или вне ее субъектное бытие (*esse subjectivum*), а имеет в ней лишь объектное бытие (*esse objectivum*) и есть некий [мысленный] образ (*fictum*), существующий в объектном бытии, так же как внешняя вещь – в субъектном бытии. Поясню это следующим образом: разум, видящий некую вещь вне души, создает в уме подобный ей образ так, что если бы он в такой же степени обладал способностью производить, в какой он обладает способностью создавать образы, то он произвел бы внешнюю вещь в субъектном бытии, лишь численно отличающуюся от предыдущей. Дело обстоит совершенно так же, как бывает с мастером. В самом деле, так же как мастер, видя дом или какое-нибудь строение вне [души], создает в своей душе образ подобного ему дома, а затем строит подобный ему дом вовне, который лишь численно отличается от предыдущего, так и в нашем случае образ, созданный в уме на основании того, что мы видели внешнюю вещь, есть образец, ибо, так же как образ дома (если тот, кто создает этот образ, имеет реальную способность производить) есть для самого мастера образец, так и тот образ есть образец для того, кто создает его. И сей [образ] можно назвать универсалией, ибо он образец и одинаково относится ко всем единичным внешним вещам и ввиду этого сходства в объектном бытии может замещать вещи, которые обладают сходным бытием вне разума. Таким образом, в этом смысле универсалия такова не первично, а получается через абстрагирование, которое есть не что иное, как некий вид создания образов...

*Антология мировой философии. В 4 т. Т. 1. Ч. 2.
Философское наследие. М.: Мысль, 1969. С. 890–905*

5. ФИЛОСОФИЯ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

*Николай Кузанский*⁵³
(1401–1464)

Прежде чем излагать самую важную из доктрин – учение о незнании, считаю необходимым приступить к выяснению природы максимальности.

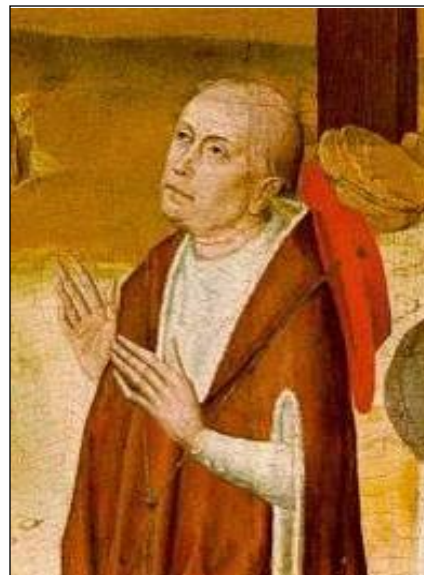
Я называю максимумом нечто такое, больше чего ничего не может быть. Изобилие связано в действительности лишь с единым. Вот почему единство совпадает с максимальной-стью и также является бытием.

Абсолютный максимум единственен, потому что он – все, в нем все есть, потому что он – высший предел. Так как ничто ему не противостоит, то с ним в то же время совпадает минимум, и максимум тем самым находится во всем. А так как он абсолютен, то воздействует в действительности на все возможное, не испытывает сам никакого ограничения, но ограничивает все. Этот максимум, который непоколебимая вера всех народов почитает так же как бога, явится в первой книге о человеческом разуме предметом моих посильных исследований.

От него, называемого абсолютным максимумом, исходит универсальное единство, и вследствие этого он пребывает в ограниченном состоянии, как Вселенная, чье единство замкнулось в множественности, без которой она не может быть. Однако, несмотря на то, что в своем универсальном единстве этот максимум охватывает всякую вещь таким образом, что все, что происходит от абсолюта, находится в нем и он – во всем, он не мог бы, однако, существовать вне множественности, в которой пребывает, потому что не существует без ограничения и не может от него освободиться.

Так как Вселенная существует лишь ограниченным образом во множестве, мы исследуем в самом множестве единый максимум, в котором Вселенная существует в степени максимальной и наиболее совершенной в своем проявлении и достижении своей цели. Эта Вселенная соединяется с абсолютом, являющимся всеобщей целью. <...>

Бог заключает в себе все в том смысле, что все – в нем; он является развитием всего в том, что сам он – во всем. Чтобы пояснить нашу

⁵³ Философ, церковный деятель, математик. *Произведения*: «Об учёном незнании», «О католическом согласии», «Богосыновство», «Простец об уме» и др.

мысль на примере числа, мы можем сказать, что число есть выявление единства; число усваивается разумом, а последний исходит от нашей души; вот почему животные, не имеющие души, не могут считать.

Если бог, бытие которого вытекает из единства, не является абстракцией, извлеченной из вещей посредством разума, и тем более, не связан с вещами и не погружен в них, как может он выявляться через множество вещей? Никто этого не понимает. Если рассматривать вещи без него, они – ничто, как число без единства. Если рассматривать бога без вещей, то он существует, а вещи не существуют.

Отстраните бога от творения, и останется небытие, ничто; отнимите от сложного субстанцию, и никакой акциденции не будет существовать. <...>

От этой души мира, думали мудрецы, исходит всякое движение. Она целиком находится в целом мире и в каждой части его, хотя, говорили они, она не производит одних и тех же свойств во всех частях.

Душа мира должна рассматриваться как универсальная форма, заключающая в себе все формы, существующая в действительности в вещах лишь ограниченно и являющаяся в любой вещи ограниченной формой вещи, как было сказано выше о Вселенной. Один бог абсолютен, все остальные существа ограничены. Нет середины между абсолютным и ограниченным, как это воображают те, кто думает, что имела еще некая душа мира после бога и до ограничения мира. Один только бог есть душа и разум мира в той мере, в какой душе представляется как нечто абсолютное, в чем действительно находятся все формы вещей.

Кузанский Н. Об учёном незнании //
Антология мировой философии. В 4 т. Т. 2.
Философское наследие. М.: Мысль, 1970. С. 55–69

Предположения, должно быть, происходят из нашего ума как действительный мир – из бесконечного божественного основания (*ratione*). Так как человеческий ум, благородное подобие бога, участвует, насколько может, в плодородии творящей природы, то он из себя как образа всемогущей формы развертывает творения рассудка (*rationalia*) наподобие действительных вещей. Как божественный ум является формой реального мира, так человеческий мир – формой мира предположений. И как абсолютная божественная бытийность (*entitas*) в любой вещи есть все то, что она есть, так и единство человеческого ума есть бытийность его предположений. Бог же совершает все посредством (*propter*) самого себя, будучи равным образом и разумным началом, и концом всего; так и развертывание рассудочного мира, исходящее из нашего свертывающего ума, совершается посредством его творческой силы (*fabricatricem*). Чем глубже созерцает себя ум в развернутом из него же мире, тем более

обильные плоды порождает он в себе самом, так как целью ума является бесконечное основание, единственная мера основания всех вещей, в котором только ум и увидит себя как он есть. И тем выше поднимаемся мы в уподоблении этому основанию, чем более щедро тратим свой ум, единственным жизненным центром которого оно является. Поэтому естественным желанием мы устремлены к совершенствующему нас знанию.

Кузанский Н. О предположениях //
Избранные философские сочинения. Т. 1. С. 189

Лоренцо Валла⁵⁴
(1407–1457)

Прежде всего нельзя допустить, чтобы мы обошли молчанием определение того предмета, о котором идет речь. Это необходимо делать в начале любого диспута (как обычно делали учнейшие мужи и как предписывает у Цицерона М. Антоний) с той целью, чтобы объяснить, что является предметом спора, и чтобы не вынуждать речь блуждать и ошибаться, если противники не будут понимать под тем, о чем они спорят, одно и то же. Итак, наслаждение – это благо, к которому повсюду стремятся и которое заключается в удовольствии души и тела, что греки называли «гедонэ».

Едва ли не так думал Эпикур. Как говорит Цицерон, никаким словом нельзя более убедительно выразить это понятие, звучащее по-гречески «гедонэ», чем словом *voluptas*; этому слову все, знающие латинский язык, придают два значения: радость в душе от сладостного возбуждения и удовольствие тела. Высшая добродетель есть благо, смысл которого заключается в добродетельных качествах и к которому следует стремиться ради него самого, а не ради чего-то другого. В этом сходятся Сенека и прочие стоики. Цицерон, к примеру, говорит: под добродетельным мы понимаем то, что похвально само по себе, отвлекаясь от всякой пользы, от каких-либо результатов и наград.

Валла Л. О наслаждении //
Антология мировой философии. В 4 т. Т. 2.
Философское наследие. М.: Мысль, 1970. С. 78–85

⁵⁴ Итальянский гуманист, сторонник философии и этики Эпикура. Произведения: «Об истинном и ложном благе», «О свободе воли».

Пико делла Мирандола⁵⁵
(1463–1494)

Прочитал, уважаемые отцы, в писаниях арабов, что, когда спросили Абдаллу Сарацина, что кажется ему самым удивительным в мире, он ответил: ничего нет более замечательного, чем человек. Этой мысли соответствуют и слова Меркурия: «О Асклепий, великое чудо есть человек!» Когда я размышлял о значении этих изречений, меня не удовлетворяли многочисленные аргументы, проводимые многими в пользу превосходства человеческой природы: человек есть посредник между всеми созданиями, близкий к высшим и господин над низшими, истолкователь природы в силу проницательности ума, ясности мышления и пытливости интеллекта, промежуток между неизменной вечностью и текущим временем, узы мира, как говорят персы, Гименей, стоящий немного ниже ангелов, по свидетельству Давида.

Все это значительно, но не то главное, что заслуживает наибольшего восхищения. Почему же мы не восхищаемся в большей степени ангелами и прекрасными небесными хорами? В конце концов, мне показалось, я понял, почему человек самый счастливый из всех живых существ и достойный всеобщего восхищения и какой жребий был уготован ему среди прочих и потусторонних душ. Невероятно и удивительно! А как же иначе? Ведь именно поэтому человека по праву называют и считают великим чудом, живым существом, действительно достойным восхищения. Но что бы там ни было, выслушайте, отцы, и снисходительно простите мне эту речь.

Уже всевышний отец, бог-творец создал по законам мудрости мировое обиталище, которое нам кажется августейшим храмом божества. Наднебесную сферу украсил разумом, небесные тела оживил вечными душами. Грязные, загаженные части нижнего мира наполнил разнородной массой животных. Но, закончив творение, пожелал мастер, чтобы был кто-то, кто оценит бы смысл такой большой работы, полюбит бы ее красоту, восхищался ее размахом. Поэтому, завершив все дела, как свидетельствуют Моисей и Тимей, задумал наконец сотворить человека. Но не было ничего ни в прообразах, откуда творец произвел бы новое потомство, ни в хранилищах, что подарил бы в наследство новому

⁵⁵ Итальянский философ-гуманист. *Произведения*: «Речь о достоинстве человека», «О сущем и едином».

сыну, ни на скамьях небосвода, где восседал сам созерцатель вселенной. Уже все было завершено; все было распределено по высшим, средним и низшим сферам. Но не пристало отцовской мощи отсутствовать в последнем потомстве, как будто она истощена, не подобало колебаться его мудрости в необходимом деле из-за отсутствия совета, не приличествовало его благодетельной любви, чтобы тот, кто в других должен был восхвалять божескую щедрость, осуждал бы ее в самом себе. И установил наконец лучший творец, чтобы тот, кому он не смог дать ничего собственного, имел общим с другими все, что было свойственно отдельным творениям. Тогда согласился бог с тем, что человек – творение неопределенного образа, и, поставив его в центре мира, сказал: «Не даем мы тебе, о Адам, ни своего места, ни определенного образа, ни особой обязанности, чтобы и место, и лицо, и обязанность ты имел по собственному желанию, согласно своей воле и своему решению. Образ прочих творений определен в пределах установленных нами законов. Ты же, не стесненный никакими пределами, определишь свой образ по своему решению, во власть которого я тебя предоставляю. Я ставлю тебя в центр мира, чтобы оттуда тебе было удобнее обозревать все, что есть в мире. Я не сделал тебя ни небесным, ни земным, ни смертным, ни бессмертным, чтобы ты сам, свободный и славный мастер, сформировал себя в образе, который ты предпочтешь. Ты можешь переродиться в низшие, неразумные существа, но можешь переродиться по велению своей души и в высшие, божественные». О, высшая щедрость бога-отца! О, высшее и восхитительное счастье человека, которому дано владеть тем, чем пожелает, и быть тем, кем хочет! Звери при рождении получают от материнской утробы все то, чем будут владеть потом, как говорит Луцилий. Высшие духи либо сразу, либо чуть позже становятся тем, чем будут в вечном бессмертии. В рождающихся людей отец вложил семена и зародыши разнородной жизни, и соответственно тому, как каждый их возделывает, они вырастут и дадут в нем свои плоды. Возделает растительные – будет растением, чувственные – станет животным, рациональные – сделается небесным существом, интеллектуальные – станет ангелом и сыном бога. А если его не удовлетворит судьба ни одного из этих творений, пусть вернется к своей изначальной единичности и, став духом единым с богом в уединенной мгле отца, который стоит над всем, будет превосходить всех. И как не удивляться нашему хамелеонству! Или, вернее, чему иному можно удивляться более? И справедливо говорил афинянин Асклепий, что за изменчивость облика и непостоянство характера он сам был символически изображен в мистериях как Протей. Отсюда и известные метаморфозы евреев и пифагорейцев. Ведь в тайной еврейской теологии то святого Еноха превращают в божественного ангела, которого называют «Malakh

Adonay Shebaoth», то других превращают в иные божества. Пифагорейцы нечестивых людей превращают в животных. Магомет часто повторял: «Тот, кто отступит от божественного закона, станет ЖИВОТНЫМ, и вполне заслуженно». И действительно, не кора составляет существо растения, но неразумная и ничего не чувствующая природа, не кожа есть сущность упряжной лошади, но тупая и чувственная душа, не кругообразное вещество составляет суть неба, а правильный разум; и ангела создает не отделение его от тела, но духовный разум.

Если ты увидишь ползущего по земле на животе, ты увидишь не человека, а кустарник, и, если увидишь, подобно Калипсо, кого-либо, ослепленного пустыми миражами фантазии, охваченного соблазнами раба чувств, ты увидишь не человека, а животное. И если ты видишь философа, все распознающего правильным разумом, уважай его, ибо небесное он существо, не земное. Если же видишь чистого созерцателя, не ведающего плоти и погруженного в недра ума, то это не земное и не небесное существо. Это – более возвышенное, божественное, облаченное в человеческую плоть. И кто не станет восхищаться человеком, которого в священных еврейских и христианских писаниях справедливо называют именем то всякой плоти, то всякого творения, так как он сам формирует и превращает себя в любую плоть и приобретает свойства любого создания! Поэтому перс Эвант, излагая философию халдеев, пишет, что у человека нет собственного природного образа, но есть много извне входящих. Отсюда и выражение у халдеев: человек – животное многообразной и изменчивой природы. К чему это относится? К тому, чтобы мы понимали, родившись – при условии, что будем тем, кем хотим быть, – что важнейший наш долг заботиться о том, чтобы по крайней мере о нас не говорили, что когда мы были в чести, то нас нельзя было узнать, так как мы уподобились лишенным разума животным. Но лучше, если о нас скажут словами пророка Асафа: «Вы – боги и сыны всевышнего все вы». Мы не должны вредить себе, злоупотребляя милостивейшей добротой отца, вместо того чтобы приветствовать свободный выбор, который он нам дал.

Пусть наполнит душу святое стремление, чтобы мы, не довольствуясь заурядным, страстно желали высшего, а также добивались (когда сможем, если захотим) того, что положено всем людям. Отвергая земное, пренебрегая небесным и, наконец, оставив позади все, что есть в мире, поспешим в находящуюся над миром курию, самую близкую к высочайшей божественности.

Мирандола П. делла. Речь о достоинстве человека //
Человек: Мыслители прошлого и настоящего о его жизни,
смерти и бессмертии. М., 1991. С. 220–222

Никколо Макиавелли⁵⁶
(1469–1527)

Трудно удержать власть новому государю. И даже наследному государю, присоединившему новое владение – так что государство становится как бы смешанным, – трудно удержать над ним власть, прежде всего вследствие той же естественной причины, какая вызывает перевороты во всех новых государствах. А именно: люди, веря, что новый правитель окажется лучше, охотно восстают против старого, но вскоре они на опыте убеждаются, что обманулись, ибо новый правитель всегда оказывается хуже старого.

Но если завоеванная страна отличается от унаследованной по языку, обычаям и порядкам, то тут удержать власть поистине трудно, тут требуется и большая удача, и большое искусство. И одно из самых верных и прямых средств для этого – переселиться туда на жительство. Такая мера упрочит и обезопасит завоевание – именно так поступил с Грецией турецкий султан, который, как бы ни старался, не удержал бы Грецию в своей власти, если бы не перенес туда столицу. Ибо, только живя в стране, можно заметить смуту и своевременно ее пресечь, иначе узнаешь о ней тогда, когда она зайдет так далеко, что поздно будет принимать меры.

Если, как сказано, завоеванное государство с незапамятных времен живет свободно и имеет свои законы, то есть три способа его удержать. Первый – разрушить; второй – переселиться туда на жительство; третий – предоставить гражданам жить по своим законам, при этом обложив их данью и вверив правление небольшому числу лиц, которые ручались бы за дружелюбие города государю.

Отсюда следует, что тот, кто овладевает государством, должен предусмотреть все обиды, чтобы покончить с ними разом, а не возобновлять изо дня в день; тогда люди понемногу успокоятся, и государь сможет, делая им добро, постепенно завоевать их расположение. Кто поступит иначе, из робости или по дурному умыслу, тот никогда уже не вложит меч в ножны и никогда не сможет опереться на своих подданных, не знающих покоя от новых и непрестанных обид. Так что обиды нужно

⁵⁶ Итальянский политический писатель, историк, поэт эпохи Возрождения. Произведения: «Государь», «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» и др.

наносить разом: чем меньше их распробуют, тем меньше от них вреда; благодеяния же полезно оказывать мало-помалу, чтобы их распробовали как можно лучше. Самое же главное для государя – вести себя с подданными так, чтобы никакое событие – ни дурное, ни хорошее – не заставляло его изменить своего обращения с ними, так как, случись тяжелое время, зло делать поздно, а добро бесполезно, ибо его сочтут вынужденным и не воздадут за него благодарностью.

Так что если государь пришел к власти с помощью народа, он должен стараться удержать его дружбу, что совсем не трудно, ибо народ требует только, чтобы его не угнетали. Но если государя привела к власти знать наперекор народу, то первый его долг – заручиться дружбой народа, что опять-таки нетрудно сделать, если взять народ под свою защиту. Люди же таковы, что, видя добро со стороны тех, от кого ждали зла, особенно привязываются к благодетелям, поэтому народ еще больше расположится к государю, чем, если бы сам привел его к власти. Заручиться поддержкой народа можно разными способами, которых я обсуждать не стану, так как они меняются от случая к случаю и не могут быть подведены под какое-либо определенное правило.

Скажу лишь в заключение, что государю надлежит быть в дружбе с народом, иначе в трудное время он будет свергнут.

Если же говорить не о вымышленных, а об истинных свойствах государей, то надо сказать, что во всех людях, а особенно в государях, стоящих выше прочих людей, замечают те или иные качества, заслуживающие похвалы или порицания. А именно: говорят, что один щедр, другой скуп – если взять тосканское слово, ибо жадный на нашем наречии – это еще и тот, кто хочет отнять чужое, а скупым мы называем того, кто слишком держится за свое – один расточителен, другой алчен; один жесток, другой сострадателен; один честен, другой вероломен; один нежен и малодушен, другой тверд духом и смел; этот снисходителен, тот надменен; этот распутен, тот целомудрен; этот лукав, тот прямодушен; этот упрям, тот покладист; этот легкомыслен, тот степенен; этот набожен, тот нечестив и так далее. Что может быть похвальнее для государя, нежели соединять в себе лучшие из перечисленных качеств? Но раз в силу своей природы человек не может ни иметь одни добродетели, ни неуклонно им следовать, то благоразумному государю следует избегать тех пороков, которые могут лишить его государства, от остальных же – воздерживаться по мере сил, но не более. И даже пусть государи не бояться навлечь на себя обвинения в тех пороках, без которых трудно удержаться у власти, ибо, вдумавшись, мы найдем немало такого, что на первый взгляд кажется добродетелью, а в действительности пагубно

для государя, и наоборот: выглядит, как порок, а на деле доставляет государю благополучие и безопасность. <...>

Итак, ради того чтобы не обирать подданных, иметь средства для обороны, не обеднеть, не вызвать презрения и не стать поневоле алчным, государь должен пренебречь славой скупого правителя, ибо скупость – это один из тех пороков, которые позволяют ему править.<...>

Переходя к другим из упомянутых выше свойств, скажу, что каждый государь желал бы прослыть милосердным, а не жестоким, однако следует остерегаться злоупотребить милосердием. <...>

Поэтому государь, если он желает удержать в повиновении подданных, не должен считаться с обвинениями в жестокости. Учинив несколько расправ, он проявит больше милосердия, чем те, кто по избытку его потворствуют беспорядку. Ибо от беспорядка, который порождает грабежи и убийства, страдает все население, тогда как от кар, налагаемых государем, страдают лишь отдельные лица.

Итак, из всех зверей пусть государь уподобится двум: льву и лисиче. Лев боится капканов, а лиса волков, следовательно, надо быть подобным лисе, чтобы уметь обойти капканы, и льву, чтобы отпугнуть волков. Тот, кто всегда подобен льву, может не заметить капкана. Из чего следует, что разумный правитель не может и не должен оставаться верным своему обещанию, если это вредит его интересам и если отпали причины, побудившие его дать обещание. Такой совет был бы недостойным, если бы люди честно держали слово, но люди, будучи дурны, слова не держат, поэтому и ты должен поступать с ними так же. А благовидный предлог нарушить обещание всегда найдется. Примеров тому множество: сколько мирных договоров, сколько соглашений не вступило в силу или пошло прахом из-за того, что государи нарушали свое слово, и всегда в выигрыше оказывался тот, кто имел лисью натуру. Однако натуру эту надо еще уметь прикрыть, надо быть изрядным обманщиком и лицемером, люди же так простодушны и так поглощены ближайшими нуждами, что обманывающий всегда найдет того, кто даст себя одурачить. <...>

Иначе говоря, надо являться в глазах людей сострадательным, верным слову, милостивым, искренним, благочестивым – и быть таковым в самом деле, но внутренне надо сохранять готовность проявить и противоположные качества, если это окажется необходимо.

Макиавелли Н. Государь // Сочинения. М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 1998. С. 51–53, 73–75, 90–93, 96–97

Томас Мор⁵⁷
(1478–1535)

Между собою они живут дружно, так как ни один чиновник не проявляет надменности и не внушает страха. Их называют отцами, и они ведут себя достойно. Должный почет им утопийцы оказывают добровольно, и его не приходится требовать насильно. <...>

Законов у них очень мало, да для народа с подобными учреждениями и достаточно весьма немногих. Они даже особенно не одобряют другие народы за то, что им представляются недостаточными бесчисленные томы законов и толкователей на них. Сами утопийцы считают в высшей степени несправедливым связывать каких-нибудь людей такими закона-

ми, численность которых превосходит возможность их прочтения, или темнота – доступность понимания для всякого. <...> У утопийцев законоведом является всякий. <...> Они признают всякий закон тем более справедливым, чем проще его толкование. По словам утопийцев, все законы издаются только ради того, чтобы напоминать каждому об его обязанности. Поэтому более тонкое толкование закона вразумляет весьма немногих, ибо немногие могут постигнуть это; между тем более простой и доступный смысл законов открыт для всех.

Мор Т. Утопия // Антология мировой философии. В 4 т. Т. 2. Философское наследие. М.: Мысль, 1970. С. 98–112

Мишель Монтень⁵⁸
(1533–1592)

Признаем чистосердечно, что бессмертие обещают нам только бог и религия; ни природа, ни наш разум не говорят нам об этом (II, 261).

Смерть – не только избавление от болезней, она – избавление от всякого рода страданий (II, 27). Презрение к жизни – нелепое чувство,

⁵⁷ Английский гуманист, государственный деятель и писатель. *Произведения*: «Утопия».

⁵⁸ Французский философ-скептик, писатель-гуманист и просветитель эпохи Возрождения. *Произведения*: «Опыты».

ибо в конечном счете она – все, что у нас есть, она – все наше бытие. <...> Тот, кто хочет из человека превратиться в ангела, ничего этим для себя не достигнет, ничего не выигрывает, ибо раз он перестанет существовать, то кто же за него порадуется и ощутит это улучшение? (II, 30).

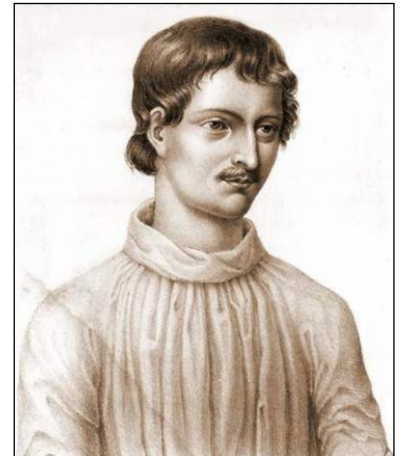
<...> Каких только наших способностей нельзя найти в действиях животных! Существует ли более благоустроенное общество, с более разнообразным распределением труда и обязанностей, с более твердым распорядком, чем у пчел? Можно ли представить себе, чтобы это столь налаженное распределение труда и обязанностей совершалось без участия разума, без понимания? (II, 146). Все сказанное мною должно подтвердить сходство между положением человека и положением животных, связав человека со всей остальной массой живых существ.

Человек не выше и не ниже других (II, 151).

Монтень М. Опыты // Антология мировой философии. В 4 т. Т. 2. Философское наследие. М.: Мысль, 1970. С. 139–142

Джордано Бруно⁵⁹
(1548–1600)

Теофил. Итак, Вселенная едина, бесконечна, неподвижна. Едина, говорю я, абсолютная возможность, едина действительность, едина форма или душа, едина материя или тело, едина вещь, едино сущее, едино величайшее и наилучшее. Она никоим образом не может быть охвачена и поэтому неисчислима и беспредельна, а тем самым бесконечна и безгранична и, следовательно, неподвижна. Она не движется в пространстве, ибо ничего не имеет вне себя, куда бы могла переместиться, ввиду того, что она является всем.

Она не рождается, ибо нет другого бытия, которого она могла бы желать и ожидать, так как она обладает всем бытием. Она не уничтожается, ибо нет другой вещи, в которую она могла бы превратиться, так как она яв-

⁵⁹ Итальянский философ и поэт. *Произведения*: «О причине, начале и едином», «О бесконечности, вселенной и мирах», «Изгнание торжествующего зверя», «О монаде, числе и фигуре», «О неизмеримом и неисчислимом».

ляется всякой вещью. Она не может уменьшиться или увеличиться, так как она бесконечна, как ничего нельзя к ней прибавить, так ничего нельзя от нее отнять, потому что бесконечное не имеет частей, с чем-либо соизмеримых.

Если точка не отличается от тела, центр от окружности, конечное от бесконечного, величайшее от малейшего, мы наверняка можем утверждать, что вся Вселенная есть целиком центр или что центр Вселенной повсюду и что окружность не имеется ни в какой части, поскольку она отличается от центра; или же что окружность повсюду, но центр нигде не находится, поскольку он от нее отличен. Вот почему не только не невозможно, но необходимо, чтобы наилучшее, величайшее, неохватываемое было всем, повсюду, во всем, ибо, как простое и неделимое, оно может быть всем, повсюду и во всем. Итак, не напрасно сказано, что Зевс наполняет все вещи, обитает во всех частях Вселенной, является центром того, что обладает бытием, единое во всем, для чего единое есть все. Будучи всеми вещами и охватывая все бытие в себе, он делает то, что всякая вещь имеется во всякой вещи.

Диксон. Порожденное и порождающее... всегда принадлежат к одной и той же субстанции. Благодаря этому для вас не звучит странно изречение Гераклита, утверждающего, что все вещи суть единое, благодаря изменчивости все в себе заключающее. И так как ее формы находятся в нем, то, следовательно, к нему приложимы все определения, и благодаря этому противоречащие суждения оказываются истинными. И то, что образует множественность в вещах, – это не сущее, не вещь, но то, что является, что представляется чувству и находится на поверхности вещи.

Теофил. Это так... Природа нисходит к производству вещей, и интеллект восходит к их познанию по одной и той же лестнице...

Поверь мне, что опытейшим и совершеннейшим геометром был тот, кто сумел бы свести к одному-единственному положению все положения, рассеянные в началах Эвклида; превосходнейшим логиком тот, кто все мысли свел бы к одной. Здесь заключается степень умов, ибо низшие из них могут понять много вещей лишь при помощи многих видов, уподоблений и форм, более высокие понимают лучше при помощи немногих, наивысшие совершенно при помощи весьма немногих. Первый ум в одной мысли наисовершеннейшим образом охватывает все; божественный ум, абсолютное единство, без какого-либо представления сам есть то, что понимает, и то, что понято. Так, следовательно, мы, подымаясь к совершенному познанию, поднимаемся, сворачиваем множественность, как при нисхождении к производству вещей разворачивается единство. Нисхождение происходит от единого сущего к бесконечным индивидуумам, подъем – от последних к первому.

...Когда мы стремимся и устремляемся к началу и субстанции вещей, мы продвигаемся по направлению к неделимости; и мы никогда не думаем, что достигли первого сущего и всеобщей субстанции, если не дошли до этого единого неделимого, в котором охвачено все. Благодаря этому лишь в той мере мы полагаем, что достигли понимания субстанции и сущности, поскольку сумели достигнуть понимания неделимости.

...Отсюда следует, что мы необходимо должны говорить, что субстанция по своей сущности не имеет числа и меры, а поэтому едина и неделима во всех частных вещах; последние же получают свое частное значение от числа, т. е. от вещей, которые лишь относятся к субстанции.

...Противоположности совпадают в едином; отсюда нетрудно вывести в конечном итоге, что все вещи суть единое, как всякое число, в равной мере четное и нечетное, конечное и бесконечное, сводится к единице.

...Скажите мне, какая вещь более несходна с прямой линией, чем *окружность*? Какая вещь более противоположна прямой, чем кривая? Однако в начале и наименьшем они совпадают; так что, какое различие найдешь ты между наименьшей дугой и наименьшей хордой – как это божественно отметил Кузанский, изобретатель прекраснейших тайн геометрии. Далее, в наибольшем, какое различие найдешь ты между бесконечной окружностью и прямой линией. Разве вы не видите, что чем больше окружность, тем более она своим действием приближается к прямоте?

...Если мы хорошо обдумаем, то увидим, что уничтожение есть не что иное, как возникновение, и возникновение есть не что иное, как уничтожение; любовь есть ненависть; ненависть есть любовь... Что служит для врача более удобным противоядием, чем яд? Кто доставляет лучший териак, чем гадюка? В сильнейших ядах – лучшие целительные снадобья.

...Шарообразное имеет предел в ровном, вогнутое успокаивается и пребывает в выпуклом, гневный живет вместе с уравновешенным, наиболее гордому всего более нравится скромный, скупому – щедрый.

Подведем итоги, кто хочет познать наибольшие тайны природы, пусть рассматривает и наблюдает минимумы и максимумы: противоречий противоположностей. Глубокая магия заключается в умении вывести противоположность, предварительно найдя точку опоры.

Бруно Дж. О причине, начале и едином //
Антология мировой философии. В 4 т. Т. 2.
Философское наследие. М.: Мысль, 1970. С. 160–167

Томмазо Кампанелла⁶⁰
(1568–1639)

Верховный правитель у них – священник, именующийся на их языке «Солнце», на нашем же мы называли бы его Метафизиком. Он является главою всех и в светском и в духовном, и по всем вопросам и спорам он выносит окончательное решение. При нем состоят три соправителя: Пон, Син и Мор, или, по-нашему, Мощь, Мудрость и Любовь.

В ведении Мощи находится все, касающееся войны и мира <...>.

Ведению Мудрости подлежат свободные искусства, ремесла и всевозможные науки, а также соответственные должностные лица и ученые, равно как и учебные заведения. Число подчиненных ему должностных лиц соответствует числу наук: имеется Астролог, также и Космограф, Геометр, Историограф, Поэт, Логик, Ритор, Грамматик, Медик, Физик, Политик, Моралист. И есть у них всего одна книга под названием «Мудрость», где удивительно сжато и доступно изложены все науки. Ее читают народу согласно обряду пифагорейцев.

Ведению Любви подлежит, во-первых, деторождение и наблюдение за тем, чтобы сочетание мужчин и женщин давало наилучшее потомство. <...> В Городе Солнца, где обязанности, художества, труды и работы распределяются между всеми, каждому приходится работать не больше четырех часов в день; остальное время проводится в приятных занятиях науками, собеседовании, чтении, рассказах, письме, прогулках, развитии умственных и телесных способностей, и все это делается радостно. <...>

Они утверждают, что крайняя нищета делает людей негодьями, хитрыми, лукавыми, ворами, коварными, отверженными, лжецами, лжесвидетелями и т. д., а богатство – надменными, гордыми, невеждами, изменниками, рассуждающими о том, чего они не знают, обманщиками, хвастунами, черствыми, обидчиками и т. д. Тогда как община делает всех одновременно и богатыми, и вместе с тем бедными: богатыми – потому что у них есть все, бедными – потому что у них нет никакой собственности; и поэтому не они служат вещам, а вещи служат им. И поэтому они всячески восхваляют благочестивых христиан и особенно превозносят апостолов. Смерти они совершенно не боятся, так как верят в бес-

⁶⁰ Итальянский мыслитель и поэт. *Произведения*: «Город Солнца», «Политические афоризмы», «Философия, доказанная ощущениями», «Краткий свод философии природы».

смертие души и считают, что души, выходя из тела, присоединяются к добрым или злым духам сообразно своему поведению во время земной жизни. Хотя они и примыкают к брахманам и пифагорейцам, но не признают переселения душ, за исключением только отдельных случаев по воле бога. И они беспощадно преследуют врагов государства и религии как недостойных почитаться за людей.

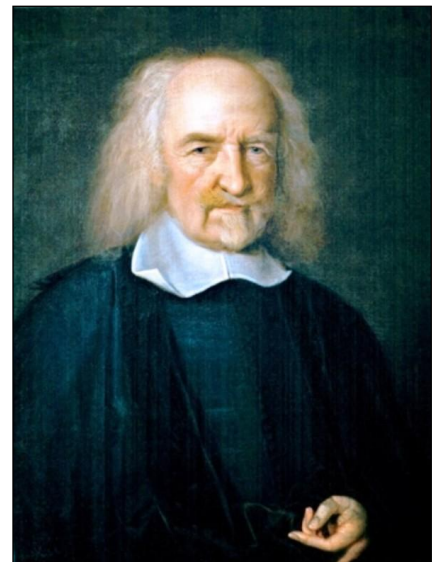
Кампанелла Т. Город Солнца // Антология мировой философии. В 4 т. Т. 2. Философское наследие. М.: Мысль, 1970. С. 181–183

**Томас Гоббс⁶¹
(1588–1679)**

Что такое естественное право? *Естественное право*, называемое обычно писателями *jus natural*, есть свобода всякого человека использовать собственные силы по своему усмотрению для сохранения своей собственной природы, т. е. собственной жизни, и, следовательно, свобода делать все то, что по его суждению, является наиболее подходящим для этого.

Что такое свобода? *Под свободой*, согласно точному значению слова, подразумевается отсутствие внешних препятствий, которые нередко могут лишить человека части его власти делать то, что он хотел бы, но не могут мешать использовать оставленную человеку власть, сообразно тому, что диктуется ему его суждением и разумом.

Что такое естественный закон? *Естественный закон*, *lex naturalis*, есть предписание, или найденное разумом (*reason*) общее правило, согласно которому, человеку запрещается делать то, что пагубно для его жизни или что лишает его средств к ее сохранению, и пренебрегать тем, что он считает наилучшим средством для сохранения жизни.

Антология мировой философии. В 4 т. Т. 2. Философское наследие. М.: Мысль, 1970. С. 98–108

⁶¹ Английский философ-номиналист, создатель системы механического материализма, теоретик общества и государства. *Произведения*: «Основы философии», «Левиафан» и др.

Там, где нет власти, способной держать в подчинении всех, люди не испытывают никакого удовольствия (а напротив, значительную горечь) от жизни в обществе. Ибо каждый человек добивается того, чтобы его товарищ ценил его так, как он сам себя ценит, и при всяком проявлении презрения или пренебрежительного отношения, естественно, пытается, поскольку у него хватает смелости (а там, где нет общей власти, способной заставить людей жить в мире, эта смелость доходит до того, что они готовы погубить друг друга), вынудить у своих хулителей более высокое уважение к себе: у одних – наказанием, у других – примером. Таким образом, мы находим в природе человека три основные причины войны: во-первых, соперничество; во-вторых, недоверие; в-третьих, жажду славы. <...>

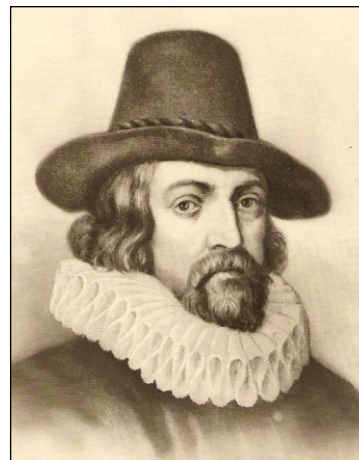
Отсюда очевидно, что, пока люди живут без общей власти, держащей всех их в страхе, они находятся в том состоянии, которое называется войной, и именно в состоянии войны всех против всех. Ибо *война* есть не только сражение, или военное действие, а промежуток времени, в течение которого явно сказывается воля к борьбе путем сражения. <...>

Иначе говоря, для установления общей власти необходимо, чтобы люди назначили одного человека или собрание людей, которые явились бы их представителями; чтобы каждый человек считал себя доверителем в отношении всего, что носитель общего лица будет делать сам или заставит делать других в целях сохранения общего мира и безопасности, и признал себя ответственным за это; чтобы каждый подчинил свою волю и суждение воле и суждению носителя общего лица. Это больше, чем согласие или единодушие. Это реальное единство, воплощенное в одном лице посредством соглашения, заключенного каждым человеком с каждым другим таким образом, как если бы каждый человек сказал каждому другому: *я уполномочиваю этого человека или это собрание лиц и передаю ему мое право управлять собой при том условии, что ты таким же образом передашь ему свое право и санкционируешь все его действия*. Если это совершилось, то множество людей, объединенное таким образом в одном лице, называется государством, по-латыни – *civitas*. Таково рождение того великого Левиафана, или, вернее (выражаясь более почтительно), того *смертного бога*, которому мы под властью *бессмертного бога* обязаны своим миром и своей защитой.

Гоббс Т. Левиафан, или Материя,
форма и власть государства церковного и гражданского //
Антология. С. 335, 337, 338

6. ФИЛОСОФИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Френсис Бэкон⁶²
(1561–1626)

1. Человек, слуга и истолкователь природы, столько совершает и понимает, сколько постиг в ее порядке делом или размышлением, и свыше этого он не знает и не может.

2. Ни голая рука, ни предоставленный самому себе разум не имеют большой силы. Дело совершается орудиями и вспоможениями, которые нужны разуму не меньше, чем руке. И как орудия руки дают или направляют движение, так и умственные орудия дают разуму указания или предостерегают его.

3. Знание и могущество человека совпадают, ибо незнание причины затрудняет действие. Природа побеждается только подчинением ей, и то, что в созерцании представляется причиной, в действии представляется правилом.

10. Тонкость природы во много раз превосходит тонкость чувств и разума, так что все эти прекрасные созерцания, размышления, толкования – бессмысленная вещь; только нет того, кто бы это видел.

12. Логика, которой теперь пользуются, скорее служит укреплению и сохранению заблуждений, имеющих свое основание в общепринятых понятиях, чем отысканию личности. Поэтому она более вредна, чем полезна.

14. Силлогизмы состоят из предложений, предложения из слов, а слова суть знаки понятий. Поэтому если сами понятия, составляя основу всего, спутаны и необдуманно отвлечены от вещей, то нет ничего прочного в том, что построено на них. Поэтому единственная надежда – в истинной индукции.

15. Ни в логике, ни в физике в понятиях нет ничего здорового. «Субстанция», «качество», «действие», «страдание», даже «бытие» не являются хорошими понятиями; еще менее того – понятия: «тяжелое», «легкое», «густое», «разреженное», «влажное», «сухое», «порождение», «разложение», «притяжение», «отталкивание», «элемент», «материя», «форма» и прочие такого же рода. Все они вымышлены и плохо определены.

18. То, что до сих пор открыто наукам, почти целиком относится к области обычных понятий. Для того, чтобы проникнуть в глубь и в даль природы, необходимо более верным и осторожным путем отвлекать от вещей как понятия, так и аксиомы, и вообще необходима лучшая и более надежная работа разума.

⁶² Английский философ, писатель и государственный деятель, один из родоначальников философии Нового времени. *Произведения*: «Новый Органон, или Истинные указания для истолкования природы», «Новая Атлантида».

24. Никоим образом не может быть, чтобы аксиомы, установленные рассуждением, имели силу для открытия новых дел, ибо тонкость природы во много раз превосходит тонкость рассуждений. Но аксиомы, отвлеченные должным образом из частных, в свою очередь, легко указывают и определяют новые частности и таким путем делают науки действенными.

25. Аксиомы, которыми ныне пользуются, проистекают из скудного и простого опыта и немногих частных, которые обычно встречаются, и почти соответствуют этим фактам и их объему. Поэтому нечему удивляться, если эти аксиомы не ведут к новым частностям. Если же, паче чаяния, открывается пример, который ранее не был известен, аксиому спасают посредством какой-либо прихотливой дистинкции, между тем как истиннее было бы исправить самое аксиому.

26. Познание, которое мы обычно применяем в изучении природы, мы будем для целей обучения называть предвосхищением природы, потому что оно поспешно и незрело. Познание же, которое должным образом извлекаем из вещей, мы будем называть истолкованием природы.

39. Есть четыре вида идолов, которые осаждают умы людей. Для того, чтобы их изучать, дадим им имена. Назовем первый вид идолами рода, второй – идолами пещеры, третий – идолами площади и четвертый – идолами театра...

41. Идолы рода находят основание в самой природе человека... ибо ложно утверждать, что чувства человека есть мера вещей. Наоборот, все восприятия как чувства, так и ума покоятся на аналогии человека, а не аналогии мира. Ум человека уподобляется неровному зеркалу, которое, примешивая к природе вещей свою природу, отражает вещи в искривленном и обезображенном виде.

42. Идолы пещеры суть заблуждения отдельного человека. Ведь у каждого помимо ошибок, свойственных роду человеческому, есть своя особая пещера, которая ослабляет и искажает свет природы. Происходит это или от особых прирожденных свойств каждого, или от воспитания и бесед с другими, или от чтения книг и от авторитетов, перед которыми кто преклоняется, или вследствие разницы во впечатлениях, зависящей от того, получают ли их души предвзятые и предрасположенные или же души хладнокровные и спокойные, или по другим причинам... Вот почему Гераклит правильно сказал, что люди ищут знаний в малых мирах, а не в большом, или в общем, мире.

43. Существуют еще идолы, которые происходят как бы в силу взаимной связанности и сообщества людей. Эти идолы мы называем, имея в виду порождающее их общение и сотоварищество людей, идолами площади, люди объединяются речью. Слова же устанавливаются соответственно разумению толпы. Поэтому плохое и нелепое установление слов удивительным образом осаждает разум.

Определения и разъяснения, которыми привыкли вооружаться и охранять себя ученые люди, никоим образом не помогают делу. Слова прямо насилуют разум, смешивают все и ведут к пустым и бесчисленным спорам и толкованиям.

44. Существуют, наконец, идолы, которые вселились в души людей из разных догматов философии, а также из превратных законов доказательств. Их мы называем идолами театра, ибо мы считаем, что, сколько есть принятых или изобретенных философских систем, столько поставлено и сыграно комедий, представляющих вымышленные и искусственные миры... При этом мы разумеем здесь не только общие философские учения, но и многочисленные начала и аксиомы наук, которые получили силу вследствие предания, веры и беззаботности...

49. Человеческий разум – не сухой свет, его скрепляют воля и страсти, а это порождает в науке желательное каждому. Человек скорее верит в истинность того, что предпочитает... Бесконечным числом способов, иногда незаметных, страсти пятнают и портят разум.

50. Но в наибольшей степени запутанность и заблуждения человеческого ума происходят от косности, несоответствия и обмана чувств, ибо то, что возбуждает чувства, предпочитается тому, что сразу чувств не возбуждает, хотя бы это последнее и было лучше. Поэтому созерцание прекращается, когда прекращается взгляд, так что наблюдение невидимых вещей оказывается недостаточным или отсутствует вовсе...

51. Человеческий ум по природе своей устремлен на абстрактное и текучее мыслит как постоянное. Но лучше рассекать природу на части, чем абстрагироваться. Это и делала школа Демокрита, которая глубже, чем другие, проникла в природу. Следует больше изучать материю, ее внутреннее состояние и изменение состояния, чистое действие и закон действия или движения, ибо формы суть выдумки человеческой души, если только не называть формами эти законы действия...

56. Одни умы склонны к почитанию древности, другие увлечены любовью к новизне. Но немногие могут соблюсти такую меру, чтобы и не отбрасывать то, что справедливо установлено древними, и не пренебречь тем, что верно предложено новыми. Это наносит большой ущерб философии и наукам, ибо это скорее следствие увлечения древним и новым, а не суждения о них. Истину же надо искать не в удачливости какого-либо времени, которая непостоянна, а в свете опыта природы, который вечен.

Поэтому нужно отказаться от этих устремлений и смотреть за тем, как бы они не подчинили себе ум...

70. Самое лучшее из всех доказательств есть опыт... Тот способ пользования опытом, который люди теперь применяют, слеп и неразумен. И потому, что они бродят и блуждают без всякой верной дороги и руководствуются только теми вещами, которые попадают на встречу, они обращаются ко многому, но мало подвигаются вперед. Если даже

они принимаются за опыты более вдумчиво, с большим постоянством и трудолюбием, они вкладывают свою работу в какой-либо один опыт, например, Гильберт – в магнит, алхимики – в золото. Такой образ действий людей и невежественен и беспомощен...

Бог в первый день творения создал только свет, отдав этому делу целый день и не сотворив в этот день ничего материального. Подобным же образом прежде всего должно из многообразного опыта извлекать открытие истинных причин и аксиом и должно искать светоносных, а не плодоносных опытов. Правильно же открытые и установленные аксиомы вооружают практику не поверхностно, а глубоко и влекут за собой многочисленные ряды практических приложений...

88. ...Во всех науках мы встречаем ту же ставшую обычной уловку, что создатели любой науки обращают бессилие своей науки в клевету против природы. И то, что недостижимо для их науки, то они на основании той же науки объявляют невозможным и в самой природе...

95. Те, кто занимался науками, были или эмпириками, или догматиками. Эмпирики, подобно муравью, только собирают и довольствуются собранным. Рационалисты, подобно пауку, производят ткань из самих себя. Пчела же избирает средний способ: она извлекает материал из садовых и полевых цветов, но располагает и изменяет его по своему умению. Не отличается от этого и подлинное дело философии. Ибо она не основывается только или преимущественно на силах ума и не откладывает в сознании нетронутым материал, извлекаемый из естественной истории и из механических опытов, но изменяет его и перерабатывает в разуме. Итак, следует возложить добрую надежду на более тесный и нерушимый (чего до сих пор не было) союз этих способностей – опыта и рассудка.

104. Не следует все же допускать, чтобы разум перескакивал от частных к отдаленным и почти самым общим аксиомам (каковы так называемые начала наук и вещей) и по их непоколебимой истинности испытывал бы и устанавливал средние аксиомы. Так было до сих пор: разум склоняется к этому не только естественным побуждением, но и потому, что он уже давно приучен к этому доказательствами через силлогизм. Для наук же следует ожидать добра только тогда, когда мы будем восходить по истинной лестнице, по непрерывным, а не прерывающимся ступеням – от частных к меньшим аксиомам и затем к средним, одна выше другой, и, наконец, к самым общим. Ибо самые низшие аксиомы немногим отличаются от голого опыта. Высшие же и самые общие (какие у нас имеются) умозрительны и абстрактны, и в них нет ничего твердого. (Средние же аксиомы истинны, тверды и жизненны, от них зависят человеческие дела и судьбы. А над ними, наконец, расположены наиболее общие аксиомы – не абстрактные, но правильно ограниченные этими средними аксиомами.

Поэтому человеческому разуму надо придать не крылья, а, скорее, свинец и тяжести, чтобы они сдерживали всякий его прыжок и полет...

105. Для построения аксиом должна быть придумана иная форма индукции, чем та, которой пользовались до сих пор. Эта форма должна быть применена не только для открытия и испытания того, что называется началами, но даже и к меньшим, и средним и, наконец, ко всем аксиомам. Индукция, которая совершается путем простого перечисления, есть детская вещь: она дает шаткие заключения и подвергнута опасности со стороны противоречащих частных, вынося решения большей частью на основании меньшего, чем следует, количества фактов, и притом только тех, которые имеются налицо. Индукция же, которая будет полезна для открытия и доказательства наук и искусств, должна разделять природу посредством должных разграничений и исключений. И затем, после достаточного количества отрицательных суждений она должна заключать о положительном. Это до сих пор не совершено... Пользоваться же помощью этой индукции следует не только для открытия аксиом, но и для определения понятий. В указанной индукции и заключена, несомненно, наибольшая надежда.

Бэкон Ф. Новый Органон // Сочинения. В 2 т. Т. 2. М., 1978. С. 12, 13, 18–20, 22–30, 34, 35, 50, 56, 57, 60–62, 75, 80, 81

Рене Декарт⁶³
(1596–1650)

Неразумные животные, которые должны заботиться только о своем теле, непрерывно и заняты лишь поисками пищи для него; для человека же, главной частью которого является ум, на первом месте должна стоять забота о снискании его истинной пищи – мудрости. Я твердо убежден, что многие не преминули бы это сделать, если бы только надеялись в том успеть и знали, как это осуществить...

...Высшее благо, как показывает даже и помимо света веры, один природный разум, есть не что иное, как познание истины по ее первопричинам, т. е. мудрость; занятие последнею и есть философия. Так как все это вполне верно, то нетрудно в том убедиться, лишь бы правильно все было выведено. Но по-

⁶³ Французский философ, физик и математик, представитель классического рационализма. *Произведения*: «Рассуждение о методе», «Метафизические размышления», «Начала философии».

сколько этому убеждению противоречит опыт, показывающий, что люди, более всего занимающиеся философией, часто менее мудры и не столь правильно пользуются своим рассудком, как те, кто никогда не посвящал себя этому занятию, я желал бы здесь кратко изложить, из чего состоят те науки, которыми мы теперь обладаем, и какой ступени мудрости эти науки достигают. Первая ступень содержит только те понятия, которые благодаря собственному свету настолько ясны, что могут быть приобретены и без размышления. Вторая ступень охватывает все то, что дает нам чувственный опыт. Третья – то, чему учит общение с другими людьми. Сюда можно присоединить, на четвертом месте, чтение книг, конечно не всех, но преимущественно тех, которые написаны людьми, способными наделить нас хорошими наставлениями; это как бы вид общения с их творцами. Вся мудрость, какую обычно обладают, приобретена, на мой взгляд, этими четырьмя способами. Я не включаю сюда божественное откровение, ибо оно не постепенно, а разом поднимает нас до безошибочной веры...

...При изучении природы различных умов я замечал, что едва ли существуют настолько глупые и тупые люди, которые не были бы способны ни усваивать хороших мнений, ни подниматься до высших знаний, если только их направлять по должному пути. Это можно доказать следующим образом: если начала ясны и из ничего не выводится иначе, как при посредстве очевиднейших рассуждений, то никто не лишен разума настолько, чтобы не понять тех следствий, которые отсюда вытекают...

...Чтобы цель, которую я имел при обнародовании этой книги, была правильно понята, я хотел бы указать здесь и порядок, который, как мне кажется, должен соблюдаться для собственного просвещения. Во-первых, тот, кто владеет только обычным и несовершенным знанием, которое можно приобрести посредством четырех вышеуказанных способов, должен прежде всего составить себе правила морали, достаточные для руководства в житейских делах, ибо это не терпит промедления и нашей первой заботой должна быть правильная жизнь. Затем нужно заняться логикой, но не той, какую изучают в школах...

...Я знаю, что может пройти много веков, прежде чем из этих начал будут выведены все истины, какие оттуда можно извлечь, так как истины, какие должны быть найдены, в значительной мере зависят от отдельных опытов; последние же никогда не совершаются случайно, но должны быть изыскиваемы проницательными людьми с тщательностью и издержками. Ведь не всегда так случается, что те, кто способен правильно произвести опыты, приобретут к тому возможность; а также многие из тех, кто выделяется такими способностями, составляют неблагоприятное представление о философии вообще вследствие недостатков той философии, которая была в ходу до сих пор, – исходя из этого они

не станут стараться найти лучшую. Но кто в конце концов уловит различие между моими началами и началами других, а также то, какой ряд истин отсюда можно извлечь, те убедятся, как важны эти начала в разыскании истины и до какой высокой степени мудрости, до какого совершенства жизни, до какого блаженства могут довести нас эти начала. Смею верить, что не найдется никого, кто не пошел бы навстречу столь полезному для него занятию или по крайней мере кто не сочувствовал бы и не желал бы всеми силами помочь плодотворно над ним трудящимся. Пожелаю нашим потомкам увидеть счастливое его завершение.

Декарт Р. Начала философии //
Избранные произведения. М., 1950. С. 411–426

Будучи моложе, я изучал немного из области философии – логику, а из математических – геометрический анализ и алгебру – эти три искусства, или науки, которые, казалось бы, должны дать кое-что для осуществления моего намерения. Но, изучая их, я заметил, что в логике ее силлогизмы и большая часть других ее наставлений скорее помогают объяснять другим то, что нам известно, или даже, как в искусстве Луллия, бестолково рассуждать о том, чего не знаешь, вместо того, чтобы изучать это. И хотя логика действительно содержит много очень правильных и хороших предписаний, к ним, однако, примешано столько других – либо вредных, либо не нужных, – что отделить их почти так же трудно, как разглядеть Диану или Минерву в необделанной глыбе мрамора... Подобно тому, как обилие законов часто служит оправданием для пороков – почему государственный порядок гораздо лучше, когда законов немного, но они строго соблюдаются, – и как вместо большого количества правил, образующих логику, я счел достаточным твердое и непоколебимое соблюдение четырех следующих.

Первое – никогда не принимать за истинное ничего, что я не познал бы таковым с очевидностью, иначе говоря, тщательно избегать опрометчивости и предвзятости и включать в свои суждение только то, что представляется моему уму столь ясно и столь отчетливо, что не дает мне никакого повода подвергать их сомнению.

Второе – делить каждое из исследуемых мною затруднений на столько частей, сколько это возможно и нужно для лучшего их преодоления.

Третье – придерживаться определенного порядка мышления, начиная с предметов наиболее простых и наиболее легко познаваемых и восходя постепенно к познанию наиболее сложного, предполагая порядок даже и там, где объекты мышления вовсе не даны в их естественной связи.

И последнее – составлять всегда перечни столь полные и обзоры столь общие, чтобы была уверенность в отсутствии упущений.

Длинные цепи доводов, совершенно простых и доступных, коими имеют обыкновение пользоваться геометры в своих труднейших доказатель-

ствах, натолкнули меня на мысль, что все доступное человеческому познанию однако вытекает одно из другого. Остерегаясь, таким образом, принимать за истинное то, что таковым не является, и всегда соблюдая должный порядок в выводах, можно убедиться, что нет ничего ни столь далекого, чего нельзя было бы достичь, ни столь сокровенного, чего нельзя было бы открыть. Мне не стоило большого труда отыскание того, с чего следует начинать, так как я уже знал, что начинать надо с самого простого и доступного пониманию; учитывая, что среди всех, кто ранее исследовал истину в науках, только математики смогли найти некоторые доказательства, т. е. представить доводы несомненные и очевидные, я уже не сомневался, что начинать надо именно с тех, которые исследовали они.

Декарт Р. Рассуждения о методе для хорошего направления разума и отыскания истины в науках // Сочинения. В 2 т. Т. 1. М., 1989. С. 259–261

Бенедикт Спиноза⁶⁴
(1632–1677)

...После того, как мы выше доказали, что Бог существует, следует: теперь показать, что Он такое. Он, говорим мы, есть **существо**, о котором утверждается, что оно есть всё или имеет бесконечные атрибуты, из которых каждый в своем роде бесконечно совершенен. Чтобы ясно выразить наше мнение об этом, мы примем как предпосылки следующие четыре положения.

1. Нет ограниченной субстанции, всякая субстанция в своем роде должна быть бесконечно совершенна, именно потому, что в бесконечном

разуме Бога ни одна субстанция не может быть совершеннее, чем она имеется уже в природе.

2. Нет двух равных субстанций.

3. Одна субстанция не может произвести другой.

4. В бесконечном разуме Бога нет субстанции, которая не существовала бы в природе формально...

Спиноза Б. Краткий трактат о Боге, человеке и его счастье // Избранные произведения. В 2 т. Т. 1. М., 1957. С. 82, 83

⁶⁴ Нидерландский философ-рационалист, натуралист. *Произведения*: «Богословско-политический трактат», «Основы философии Декарта, доказанные геометрическим способом», «Этика» и др.

...Природа ограничивается не законами человеческого разума, имеющими в виду только истинную пользу и сохранение людей, но иными – бесконечными, имеющими в виду вечный порядок всей природы, частичку которой составляет человек; только вследствие природной необходимости все индивидуумы известным образом определяются к существованию и деятельности. Следовательно, все, что нам в природе кажется смешным, нелепым или дурным, – все это происходит оттого, что мы знаем вещи только отчасти и в большинстве случаев не знаем порядка и связи всей природы и что мы хотим управлять всем по привычкам нашего разума; между тем то, что разум признает дурным, дурно не в отношении порядка и законов природы в целом, но только в отношении законов одной нашей природы.

Спиноза Б. Богословско-политический трактат // Избранные произведения. В 2 т. Т. 2. М., 1957. С. 204, 205

...Все люди рождаются не знающими причин вещей, и... все они имеют стремление искать полезного для себя, что они и сознают. Первым следствием этого является то, что люди считают себя свободными, так как свои желания и свое стремление они сознают, а о причинах, располагающих их к этому стремлению и желанию, даже и во сне не грезят, ибо не знают их. Второе следствие – то, что люди все делают ради цели, именно ради той пользы, к которой они стремятся. Отсюда выходит, что они всегда стремятся узнавать только конечные причины совершившегося и успокаиваются, когда им укажут их, не имея, конечно, никакого повода к дальнейшим сомнениям. Если же они не имеют возможности узнать их от другого, то им не останется ничего более, как обратиться к самим себе и посмотреть, какими целями сами они руководствуются обыкновенно в подобных случаях; таким образом, они необходимо по себе судят о другом...

...Таким-то образом предрассудок этот обратился в суеверие и пустил в умах людей глубокие корни. Это и было причиной, почему каждый всего более старался понять и объяснить конечные причины всех вещей...

...Нельзя пройти здесь молчанием также и того, что сторонники этого учения, желавшие похвастаться своим умом в указании целей вещей, изобрели для оправдания означенного своего учения новый способ доказательства, именно приведение не к невозможному, а к незнанию; а это показывает, что для этого учения не оставалось никакого другого средства аргументации...

...Все это достаточно показывает, что каждый судил о вещах совершенно с устройством своего собственного мозга или, лучше сказать, состояния своей способности воображения принимал за самые вещи. Поэтому (заметим мимоходом) неудивительно, что среди людей возникло столько споров, а из них, наконец, – скептицизм.

Спиноза Б. Этика // Избранные произведения. В 2 т. Т. 2. М., 1957. С. 395–400

Джон Локк⁶⁵
(1632–1704)

1. *Указать путь, каким мы приходим ко всякому знанию, достаточно для доказательства того, что оно неврожденно.* Некоторые считают установленным взгляд, будто в разуме есть некие врожденные принципы, некие первичные понятия... так сказать запечатленные в сознании знаки, которые душа получает при самом начале своего бытия и приносит с собою в мир. Чтобы убедить непредубежденных читателей в ложности этого предположения, достаточно лишь показать, как люди исключительно при помощи своих природных способностей, без всякого содействия со стороны и рожденных впечатлений, могут достигнуть всего своего знания и прийти к достоверности без таких первоначальных понятий или принципов...

2. *Общее согласие как главный довод.* Ничто не пользуется таким общим признанием, как то, что есть некоторые принципы, как умозрительные, так и практические (ибо речь ведут и о тех, и о других), с которыми согласны все люди. Отсюда защитники приведенного взгляда заключают, что эти принципы необходимо должны быть постоянными отпечатками, которые души людей получают при начале своего бытия и приносят с собой в мир столь же необходимо и реально, как и все другие присущие им способности.

3. *Общее согласие вовсе не доказывает врожденности.* Довод со ссылкой на всеобщее согласие заключает в себе тот изъян, что, будь даже в самом деле верно, что существует несколько признаваемых всем человечеством истин, он все-таки не доказывал бы врожденности этих истин, если бы удалось показать, что имеется другой путь, каким люди приходят ко всеобщему согласию относительно вещей, о которых они сходятся во взглядах, а я предполагаю, что это показать возможно...

15. *Шаги, которыми разум доходит до различных истин.*

Чувства сперва вводят единичные идеи и заполняют ими еще пустое место, и по мере того, как разум постепенно осваивается с некоторыми из них, они помещаются в памяти и получают имена. Затем, подвигаясь вперед, разум абстрагирует их и постепенно научается употреблению общих имен. Так разум наделяется идеями и словами, материалом для

⁶⁵ Английский философ и политический мыслитель. *Произведения:* «Опыт о человеческом разумении», «Два трактата о правлении», «Письма о веротерпимости», «Некоторые мысли о воспитании» и др.

упражнения своей способности рассуждения. С увеличением материала, дающего разуму работу, применение его с каждым днем становится все более и более заметным. Но хотя запас общих идей и растет обыкновенно вместе с употреблением общих имен и рассуждающей деятельностью, все-таки я не вижу, как это может доказать их врожденность...

Локк Дж. Опыт о человеческом разуме // Сочинения. В 3 т. Т. 1. М., 1985. С. 96, 97, 103, 151, 152

Готфрид Вильгельм Лейбниц⁶⁶
(1646–1716)

31. Наши рассуждения основываются на двух великих принципах: *принципе противоречия*, в силу которого мы считаем *ложным* то, что скрывает в себе противоречие, и *истинным* то, что противоположно, или противоречит ложному.

32. И на *принципе достаточного основания*, в силу которого мы усматриваем, что ни одно явление не может оказаться истинным или действительным, ни одно утверждение справедливым без достаточного основания, почему именно дело обстоит так, а не иначе, хотя эти основания в большинстве случаев вовсе не могут быть нам известны.

33. Есть также два рода истин: *истины разума* и *истины факта*. Истины разума необходимы, и противоположное им невозможно; истины факта случайны, и противоположное им возможно. Основание для необходимой истины можно найти путем анализа, разлагая ее на идеи и истины более простые, пока не дойдем до первичных.

34. Точно так же и у математиков умозрительные теоремы и практические правила сведены путем анализа к *определениям, аксиомам и постулатам*.

35. И наконец, есть *простые идеи*, определения которых дать невозможно; есть такие аксиомы и постулаты, или, одним словом, *первоначальные принципы*, которые не могут быть доказаны, да и несколько в этом не нуждаются. Это тождественные положения, противоположные которым заключают в себе явное противоречие. <...>

Лейбниц Г.В. Монадология // Сочинения. В 4 т. Т. 1. М., 1982. С. 418–419

⁶⁶ Немецкий философ, математик, юрист, историк, языковед. Произведения: «Новые опыты о человеческом разуме», «Теодицея», «Монадология».

Джордж Беркли⁶⁷
(1685–1753)

...Филонус. Когда ты уколешь палец булавкой, не разрывает ли и не разделяет ли она мышечные волокна?

Гилас. Конечно.

Филонус. А если ты сожжешь палец углем, будет дело обстоять иначе?

Гилас. Нет.

Филонус. Так как ты не считаешь, что само ощущение, вызываемое булавкой или чем-либо подобным, находится в булавке, то ты не можешь, согласно тому, как ты теперь признал, сказать, что ощущение, вызываемое огнем или

чем-нибудь подобным, находится в огне.

Гилас. Хорошо, это находится в соответствии с тем, что я признал: я согласен уступить в этом пункте и признаю, что тепло и холод – только ощущения, существующие в нашей душе. Но остается еще немало данных, чтобы удовлетворить реальность внешних предметов.

Филонус. Но что скажешь ты, Гилас, если окажется, что явление остается тем же самым в отношении ко всем остальным чувственным качествам и что существования их вне разума точно так же нельзя допустить, как и существования тепла и холода?

Гилас. Тогда, действительно, ты кое-что сделаешь для достижения цели, но я не думаю, что это может быть доказано.

Филонус. Исследуем их по порядку. Что ты думаешь о вкусах – существуют они вне ума или нет?

Гилас. Может ли кто-нибудь сомневаться в таких своих ощущениях, как то, что сахар сладок или что полынь горька?

Филонус. Скажи мне, Гилас, является ли сладкий вкус особым удовольствием, приятным ощущением или нет?

Гилас. Является.

Филонус. И не есть ли горечь особая неприятность или неудовольствие?

Гилас. Конечно.

⁶⁷ Англо-ирландский философ и ученый, епископ англиканской церкви. *Произведения:* «Трактат о началах человеческого знания», «Три разговора между Гиласом и Филонусом», «Сейрис, или Цепь философских размышлений и исследований» и др.

Филонус. Но если сахар и полынь – немыслящие небесные субстанции, существующие вне ума, то как могут сладость или горечь, т. е. удовольствие или неудовольствие, быть присущи им?

Беркли Д. Три разговора между Гиласом и Филонусом // Сочинения. М., 1978. С. 257, 258

Гилас. Не торопись, Филонус, ты говоришь, что не можешь представить себе, как чувственные вещи могли бы существовать вне ума. Не так ли?

Филонус. Да.

Гилас. Допустим, что ты исчез с лица земли, разве ты не можешь представить себе, что вещи, которые могут быть чувственно восприняты, будут все-таки продолжать существовать?

Филонус. Могу, но тогда это должно быть в чьем-нибудь другом уме. Когда я отрицаю существование чувственных вещей вне ума, я имею в виду не свой ум, в частности, а все умы. Ясно, что эти вещи имеют существование, внешнее по отношению к моей душе, раз я нахожу их в опыте независимыми от нее. Поэтому есть какая-то другая душа, в которой они существуют в промежутки между моментами моего восприятия их, как равным образом они существовали до моего рождения и будут существовать после моего предполагаемого исчезновения с лица земли. И так как то же самое верно по отношению ко всем другим конечным сотворенным духам, то из этого необходимо следует, что есть **вездесущий вечный** дух, который познает и обнимает все вещи и который показывает их нашему взору таким образом и сообразно таким правилам, какие он сам установил и какие определяются нами как **законы природы**.

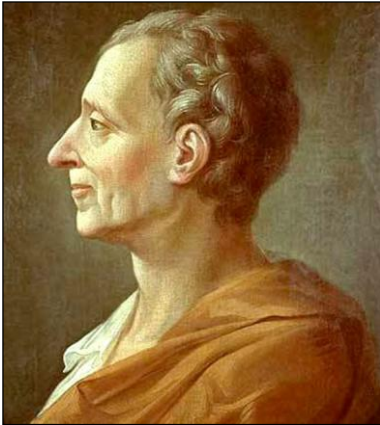
Беркли Д. Три разговора между Гиласом и Филонусом // Сочинения. М., 1978. С. 319–324

Шарль Луи де Монтескьё⁶⁸
(1689–1755)

Если справедливо, что характер ума и страсти сердца чрезвычайно различны в различных климатах, то законы должны соответствовать и различию этих страстей, и различию этих характеров. <...>

Холодный воздух производит сжатие окончаний внешних волокон нашего тела, отчего напряжение их увеличивается и усиливается приток

⁶⁸ Французский философ-просветитель, историк, писатель. *Произведения*: «О духе законов», «Размышления о причинах величия и падения римлян» и др.

крови от конечностей к сердцу. Он вызывает сокращение этих мышц и таким образом еще более увеличивает их силу. Наоборот, теплый воздух ослабляет наружные волокна, растягивает их и, следовательно, уменьшает их силу и упругость. Поэтому в холодных климатах люди крепче. Деятельность сердца и реакция окончаний волокон там совершаются лучше, жидкости находятся в большем равновесии, кровь энергичнее стремится к сердцу, и сердце в свою очередь обладает

большой силой. Эта большая сила должна иметь немало последствий, каковы, например, большее доверие к самому себе, т. е. большее мужество, большее сознание своего превосходства, т. е. меньшее желание мстить, большая уверенность в своей безопасности, т. е. больше прямоты, меньше подозрительности, политиканства и хитрости. Поставьте человека в жаркое замкнутое помещение, и он по вышеуказанным причинам ощутит очень сильное расслабление сердца. И если бы при таких обстоятельствах ему предложили совершить какой-нибудь отважный поступок, то, полагаю, он выказал бы очень мало расположения к этому. Расслабление лишит его душевной бодрости, он будет бояться всего, потому что будет чувствовать себя ни к чему не способным. Народы жарких климатов робки, как старики; народы холодных климатов отважны, как юноши.

В южных странах организм нежный, слабый, но чувствительный, предается любви, которая непрерывно зарождается и удовлетворяется в гареме, а при более независимом положении женщин связана со множеством опасностей. В северных странах организм здоровый, крепко сложенный, но тяжеловесный, находит удовольствие во всякой деятельности, которая может расшевелить душу: в охоте, странствованиях, войне и вине. В северном климате вы увидите людей, у которых мало пороков, немало добродетелей и много искренности и прямоты. По мере приближения к югу вы как бы удаляетесь от самой морали: там вместе с усилением страстей умножаются преступления, и каждый старается превзойти других во всем, что может благоприятствовать этим страстям.

Монтескьё Ш.Л. О духе законов //
Антология мировой философии. В 4 т. Т. 2.
Философское наследие. М.: Мысль, 1970. С. 542–544

Вольтер⁶⁹
(1694–1778)

3. «Чтобы открыть или, скорее, искать какой-нибудь слабый намек на то, что условились называть душой, надо вначале, насколько это возможно, знать наше тело, которое считается существом, заключающим в себе душу и направляемым ею» (XXIX, стр. 329).

4. «Нам больше нравится называть душой способность чувствовать и мыслить, подобно тому как мы называем жизнью способность жить, а волей – способность хотеть» (XVII, стр. 149, 150).

5. «Несомненно, что наши первые идеи – это ощущения. Постепенно мы приобретаем идеи, составленные из того, что раздражает наши органы; память удерживает эти ощущения. Затем мы распределяем их по общим идеям. Из этой естественной способности, которой мы обладаем, – образовывать и упорядочивать наши идеи – вытекают все обширные познания человека».

*Вольтер // Антология мировой философии. В 4 т. Т. 2.
Философское наследие. М.: Мысль, 1970. С. 547*

32. «Все люди, которых до сих пор открыли в самых диких и ужасных странах, живут обществами, как бобры, муравьи, пчелы и многие другие виды животных. Никогда не видели такой страны, где бы люди жили порознь, где самец соединялся бы с самкой только случайно и оставлял ее в следующий момент вследствие отвращения; где мать не признавала бы своих детей, после того как она их воспитала, и где бы люди жили без семьи и без всякого общества.

Потребность в обществе не только не развратила человека, но его портит, наоборот, удаление от общества. Тот, кто жил бы совершенно один, вскоре потерял бы способность мыслить и изъясняться. Он стал бы в тягость самому себе. Он дошел бы до того, что превратился в животное. Избыток бессильной гордыни, восстающей против гордыни других, может заставить меланхолическую душу бежать от людей. Именно тогда она портится. И она сама наказывает себя за это. Ее гордыня является для нее источником страданий. В одиночестве и тайной досаде терзает она себя за то, что презираема и забыта. Она ставит себя в самое ужасное рабство, надеясь быть свободной».

⁶⁹ Французский философ, писатель, публицист. *Произведения*: «Метафизический трактат» и др.

34. «<...> На нашей несчастной планете невозможно, чтобы люди, живя в обществе, не были разделены на два класса: богатых, которые повелевают, и бедных, которые им служат».

Вольтер // Антология мировой философии. В 4 т. Т. 2. Философское наследие. М.: Мысль, 1970. С. 555–570

Жюльен Офре де Ламетри⁷⁰
(1709–1751)

Итак, различные состояния души всегда соответствуют аналогичным состояниям тела. Пусть только признают вместе со мной, что организованная материя наделена принципом движения, который один только и отличает ее от неорганизованной (а разве можно опровергнуть это бесспорное наблюдение?), и что все различия животных, как это я уже достаточно доказал, зависят от разнообразия их организации, – и этого будет достаточно для разрешения проблемы субстанций и человека. Очевидно, во Вселенной существует всего одна только субстанция, и человек является самым совершенным ее проявлением.

Я не ошибусь, утверждая, что человеческое тело представляет собой часовой механизм, но огромных размеров и построенный с таким искусством и изощренностью, что если остановится колесо, при помощи которого в нем отмеряются секунды, то колесо, обозначающее минуты, будет продолжать вращаться и идти как ни в чем не бывало, а также что колесо, обозначающее четверти часа, и другие колеса будут продолжать двигаться, когда в свою очередь остальные колеса, будучи в силу какой бы то ни было причины повреждены или засорены, прервут свое движение. Таким же точно образом засорения нескольких сосудов недостаточно для того, чтобы уничтожить или прекратить действие рычага всех движений, находящегося в сердце, которое является рабочей частью человеческой машины. <...>

Скажу мимоходом, что из двух врачей лучшим и заслуживающим наибольшего доверия всегда будет, по моему мнению, тот, кто больше опирается на физику или механику человеческого тела и, предоставляя

⁷⁰ Французский философ-материалист и атеист. *Произведения*: «Трактат о душе», «Человек-машина», «Анти-Сенека, или Рассуждение о счастье» и др.

невеждам вопрос о душе и беспокойство, вызываемое этой химерой, серьезно занимается только чистым естествознанием. <...>

Быть машиной, чувствовать, мыслить, уметь отличать добро от зла так же, как голубое от желтого, словом, родиться с разумом и устойчивым моральным инстинктом и быть только животным – в этом заключается не больше противоречия, чем то, что можно быть обезьяной или попугаем и уметь предаваться наслаждениям. <...> Я считаю мысль столь же мало противоречащей понятию организованной материи, подобно электричеству, способности к движению, непроницаемости, протяженности и т. п.

Итак, мы должны сделать смелый вывод, что человек является машиной и что во всей Вселенной существует только одна субстанция, различным образом видоизменяющаяся. И это вовсе не гипотеза, основанная на предубеждениях и предположениях, не продукт предрассудка или одного только моего разума. Я отверг бы подобного руководителя, которого считая малонадежным, если бы мои чувства, вооруженные, так сказать, факелом истины, не побудили меня следовать за разумом, освещая ему путь. Но опыт высказался в пользу моего разума, и я соединяю их воедино.

Ламетри Ж.О. Человек-машина // Антология мировой философии. В 4 т. Т. 2. Философское наследие. М.: Мысль, 1970. С. 615–617

Давид Юм⁷¹
(1711–1776)

Мир, в котором мы обитаем, представляет собой как бы огромный театр, причем подлинные пружины всего происходящего в нем от нас совершенно скрыты, и у нас нет ни знания достаточного, чтобы предвидеть те бедствия, которые беспрестанно угрожают нам, ни силы достаточной, чтобы предупредить их. Мы непрестанно балансируем между жизнью и смертью, здоровьем и болезнью, изобилием и нуждой, – все это распределяется между людьми тайными, неизвестными причинами, действие которых часто бывает неожиданным и всегда – необъяснимым. И

⁷¹ Шотландский (британский) философ, публицист, историк, один из инициаторов европейского позитивизма и феноменологии. *Произведения*: «Трактат о человеческой природе», «Моральные и политические очерки».

вот эти-то **неведомые причины** становятся постоянным предметом наших надежд и страхов; и если наши аффекты находятся в постоянном возбуждении благодаря тревожному ожиданию грядущих событий, то и воображение наше также действует, создавая представление об указанных силах, от которых мы находимся в столь полной зависимости...

Люди обладают общей склонностью представлять все существующее подобным себе и приписывать каждому объекту те качества, с которыми они близко знакомы и которые они непосредственно осознают. Мы усматриваем на луне человеческие лица, в облаках – армии и в силу естественной склонности, если таковую не сдерживает опыт и размышление, приписываем злую или добрую волю каждой вещи, которая причиняет нам страдание или же доставляет удовольствие... Даже философы не могут вполне освободиться от этой естественной слабости; они часто приписывали неодушевленной материи страх перед пустотой, симпатии, антипатии и другие аффекты, свойственные человеческой природе...

...Неудивительно, что человечество, находящееся в полном неведении относительно причин и в то же время весьма озабоченное своей будущей судьбой тотчас же признает свою зависимость от невидимых сил, обладающих чувством и разумом...

...Не трудно заметить, что, чем больше образ жизни человека зависит от случайностей, тем сильнее он предается суеверию; в частности, это наблюдается у игроков и мореплавателей, которые из всех людей меньше всего способны к серьезному, но зато полны всяких легкомысленных и суеверных представлений.

Юм Д. Трактат о человеческой природе // Сочинения. В 2 т. Т. 2. М., 1965. С. 371, 372

Жан-Жак Руссо⁷²
(1712–1778)

Общественный договор устанавливает между всеми гражданами такое равенство, что они вступают в соглашение на одних и тех же условиях и должны все пользоваться одними и теми же правами. Таким образом, из самой природы договора вытекает, что всякий акт суверенитета, т. е. всякий подлинный акт общей воли, обязывает или благодетельствует одинаково всех граждан, так что верховная власть знает

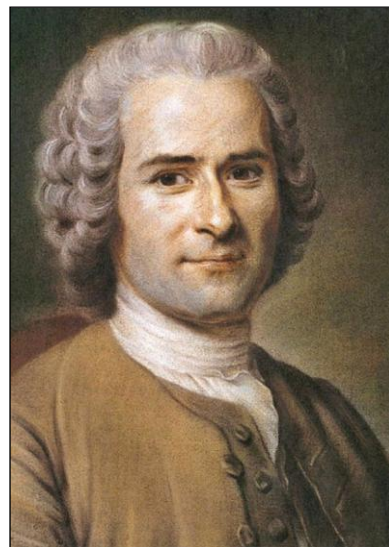
⁷² Французский просветитель, философ, писатель, композитор. *Произведения*: «Юлия, или Новая Элоиза», «Эмиль», «Исповедь» и др.

только совокупность народа и не делает различия между теми, кто ее составляет.

Я называю республикой всякое государство, управляемое законами, какова бы ни была форма управления, потому что только в этом случае управляет общественный интерес и общественное дело имеет какое-нибудь значение. Всякое законное правительство есть правительство республиканское.

Если исследовать, в чем именно состоит наибольшее благо всех, которое должно быть целью всякой системы законодательства, то мы найдем, что благо это сводится к двум важнейшим вещам: *свободе и равенству*; свободе – потому, что всякая частная зависимость равносильна отнятию у государственного организма некоторой силы; равенству – потому, что свобода не может существовать без равенства.

Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права // Антология мировой философии. В 4 т. Т. 2. Философское наследие. М.: Мысль. 1970. С. 571

**Дени Дидро⁷³
(1713–1784)**

Тело, по мнению некоторых философов, само по себе бездеятельно и бессильно; это ужасная ошибка, идущая вразрез со всякой здоровой физикой, со всякой здоровой химией: тело преисполнено деятельности и силы и само по себе, и по природе своих основных свойств, рассматриваем ли мы его в молекулах или в массе.

К этому добавляют: чтобы представить себе движение вне существующей материи, следует вообразить силу, на нее воздействующую. Это не так: молекула, наделенная свойством, присущим ее природе, есть сама по себе деятельная сила. Она воздействует на другую молекулу, в свою очередь воздействующую на первую. Все

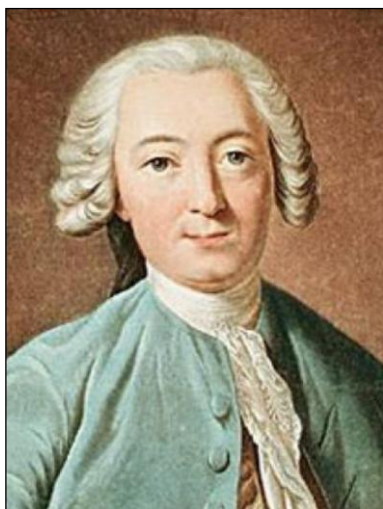

⁷³ Французский философ, писатель, теоретик искусства, создатель «Энциклопедии», одна из ведущих фигур Просвещения. *Произведения*: «Мысли к истолкованию природы», «Разговор д'Аламбера и Дидро», «Философские принципы о материи и движении» и др.

эти неправильные умозаключения опираются на ложное представление об однородности материи. Если вы так хорошо себе представляете материю в состоянии покоя, можете ли вы себе представить огонь в покоящемся состоянии? В природе все полно разнообразной деятельности, подобно этой груде молекул, называемой вами *огнем*. В этой груде, которую вы называете огнем, у всякой молекулы своя природа, свое действие. Таково истинное различие между покоем и движением. Дело в том, что абсолютный покой есть абстрактное понятие, которое в природе не существует, и что движение есть такое же реальное свойство, как длина, ширина, глубина.

Дидро Д. Разговор д'Аламбера и Дидро // Антология мировой философии. В 4 т. Т. 2. Философское наследие. М.: Мысль. 1970. С. 661

Клод Адриан Гельвеций⁷⁴
(1715–1771)

В нас есть две способности, или, если осмелюсь так выразиться, две пассивные силы, существование которых всеми отчетливо сознается.

Одна – способность получать различные впечатления, производимые на нас внешними предметами; она называется *физической чувствительностью*. Другая – способность сохранять впечатление, произведенное на нас внешними предметами. Она называется памятью, которая есть не что иное, как длящееся, но ослабленное ощущение. <...>

Словом, умственное неравенство людей зависит и от формы правления в их стране, и от более или менее счастливой эпохи, в которую они родились, и от полученного ими воспитания, и от большего или меньшего желания выдвинуться, и, наконец, от степени высоты и плодотворности тех идей, которые они сделали предметом своего изучения.

Вся задача совершенного воспитания сводится, во-первых, к тому, чтобы установить, какие идеи и предметы следует вкладывать в память молодых людей в зависимости от различных положений, в которое ста-

⁷⁴ Французский философ-просветитель, последователь сенсуализма Дж. Локка. Произведения: «Об уме», «О человеке».

вит их судьба, и, во-вторых, определить наиболее верные средства, чтобы зажечь в них стремление к славе и к общественному уважению.

Когда обе эти задачи будут разрешены, тогда великие люди, бывшие до сих пор результатом слепого стечения обстоятельств, станут результатом деятельности законодателя; тогда, оставив меньше места случаю, совершенное воспитание сумеет бесконечно увеличить в больших государствах число талантливых добродетельных людей.

Гельвеций К.А. Об уме // Антология мировой философии. В 4 т. Т. 2. Философское наследие. М.: Мысль, 1970. С. 621, 634

**Поль Анри Гольбах⁷⁵
(1723–1789)**

Таким образом, природа, понимаемая в широчайшем смысле этого слова, есть великое целое, получающееся от соединения различных веществ, их различных сочетаний и различных движений, наблюдаемых нами во Вселенной. Природа понимаемая в более узком смысле или рассматриваемая в каждом отдельном явлении – это целое, вытекающее из сущности, т. е. из свойств, сочетаний, движений или способов действий, отличающих данное явление от других. Так, человек есть некое вытекающее из комбинаций известных веществ, одаренных специфическими свойствами, целое устройство, которое называется *организацией* и сущность которого в том, чтобы чувствовать, мыслить, действовать – одним словом, двигаться способом, отличающим человека от других существ, с которыми он себя сравнивает. В результате этого сравнения человек относит себя к существам особого порядка, системы, класса, отличающимся от класса животных, в которых он не замечает тех же самых свойств, что у себя. Различные системы существ, или, если угодно, их *специфические сущности*, зависят от общей системы, от великого целого, от всеобъемлющей природы, часть которой они составляют и с которой необходимо связано все существующее.

Гольбах П.А. Система природы // Антология мировой философии. В 4 т. Т. 2. Философское наследие. М.: Мысль. 1970. С. 671

⁷⁵ Французский философ, один из основателей французского материализма XVIIIв. *Произведения*: «Система природы», «Разоблаченное христианство, или Рассмотрение начал христианской религии и ее последствий», «Карманное богословие» и др.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Философия – форма мировоззрения, имеющая предметом всеобщее в системе «мир–человек». Исходной проблемой в ней является проблема смысла жизни. Отличие философии от мифологической, религиозной и обыденной форм мировоззрения – в глубокой связи с наукой. Философия имеет в своем основании широкий базис, включающий не только весь комплекс естественных, общественных и гуманитарных наук, но и опыт художественного освоения действительности, повседневный опыт людей, вообще весь исторический опыт человечества. Философия обобщает эту информацию во всеобщих категориях. Философия может рассматриваться как вид науки, а также как вид идеологии, род художественного знания (искусства), род трансцендирующего знания с его медитацией и верой (К. Ясперс «Философская вера»). Наконец, философия есть и разновидность обыденного знания с его здравым смыслом и мудростью. Все эти аспекты философского знания взаимосвязаны между собой в философии как в форме общественного сознания и духовной культуры. Многоаспектность философского знания раскрывается через труды мыслителей, где можно наблюдать несходство различных философских концепций. Философия интегральна. В ней представлены все сферы духовной культуры, и в этом отношении философия выступает эффективным фактором интеграции. М.М. Бахтин отмечал, что философию «...можно определить как метаязык всех наук (и всех видов познания и сознания)»⁷⁶. Философия имеет своеобразные функции: мировоззренческие и общеметодологические, которые, в свою очередь, включают в себя целый ряд подфункций.

В системе высшего профессионального образования сложилась знаменательная традиция изучения основных аспектов и разделов философского знания, самым объемным из которых является история философии. Труды мыслителей различных эпох позволяют составить представление о проблематике, волнующей умы людей в процессе развития человеческой цивилизации. Бесспорно, данные концепции являются классикой общекультурных ценностей, передаваемых из поколения в поколение. Тем более важно освоение студентами полноты знаний, представленных в философских первоисточниках.

Данное учебное пособие позволяет ознакомиться со взглядами мыслителей и основными философскими проблемами, что называется «вживую», почувствовать величину мысли, красоту слога, мудрость. Именно с этой целью авторы пособия попытались донести до обучающихся то знание, которым богата история философии. По мнению Г.В.Ф. Гегеля, «...всякое философствование требует наличия известной

⁷⁶ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 384.

степени духовной культуры народа. "Лишь после того, как озаботились об удовлетворении житейских нужд, начали философствовать, – говорит Аристотель (Metaph., I, 2): ибо так как философия есть свободная, бескорыстная деятельность, то раньше должен исчезнуть напор вожделений, должно наступить укрепление, возвышение, утверждение духа внутри себя, должны быть изжиты страсти, и сознание должно далеко продвинуться, чтобы думать об общих предметах". Философию можно, поэтому назвать чем-то вроде роскоши постольку, поскольку именно "роскошь" обозначает те удовольствия и занятия, которые не входят в область внешней необходимости как таковой. Философия в этом отношении, кажется, во всяком случае, чем-то, без чего можно обойтись, но весь вопрос в том, что мы называем необходимым. Со стороны духа мы можем философию признать как раз более всего необходимой..."⁷⁷.

Хотелось бы пожелать студентам успешного освоения материала и получения удовольствия при чтении фрагментов первоисточников. Это, на наш взгляд, является необходимым требованием понимания онтологических, гносеологических, социально-философских оснований научного знания. Ведь без философских принципов и представлений не может быть построена ни одна теория, а среди множества философских принципов и представлений присутствует «блок» необходимых категорий с содержанием, соответствующим уровню развития науки и культуры.

⁷⁷ Гегель Г.В.Ф. Отношение философии к другим областям: соч. Т. IX. Лекции по истории философии. М., 1932. С. 62–66.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абеляр, П. История моих бедствий / П. Абеляр. – М. : Изд-во АН СССР, 1959. – 256 с.
2. Абеляр, П. Теологические трактаты / П. Абеляр. – М. : Канон+; РО-ОИ «Реабилитация», 2010, – 640 с.
3. Августин Блаженный. Творения. В 4 т. Т. 1. Об истинной религии / Августин Блаженный. – СПб. : Алетейя; Киев: УЦИММ-Пресс, 2000. – 742 с.
4. Августин Блаженный. Творения. В 4 т. Т. 2. Теологические трактаты / Августин Блаженный. – СПб. : Алетейя; Киев: УЦИММ-Пресс, 2000. – 751 с.
5. Августин Блаженный. Творения. В 4 т. Т. 3. О Граде Божию. Книги I–XIII / Августин Блаженный. – СПб. : Алетейя; Киев: УЦИММ-Пресс, 1998. – 595 с.
6. Августин Блаженный. Творения. В 4 т. Т. 4. О Граде Божию. Книги XIV–XXII / Августин Блаженный. – СПб. : Алетейя; Киев: УЦИММ-Пресс, 1998. – 589 с.
7. Английские материалисты XVIII в. Собрание произведений. В 3 т. Т. 1. – М. : Мысль, 1967. – 445 с.
8. Английские материалисты XVIII в. Собрание произведений. В 3 т. Т. 2. – М. : Мысль, 1967. – 405 с.
9. Английские материалисты XVIII в. Собрание произведений. В 3 т. Т. 3. – М. : Мысль, 1968. – 550 с.
10. Античные риторы. – М. : Изд-во Московского ун-та, 1978. – 352 с.
11. Антология кинизма. Фрагменты сочинений кинических мыслителей. – М. : Наука, 1984. – 400 с.
12. Антология мировой философии. В 4 т. Т. 1. Философия древности и Средневековья. Ч. 1. – М. : Мысль, 1969. – 576 с.
13. Антология мировой философии. В 4 т. Т. 2. Европейская философия от эпохи Возрождения по эпоху Просвещения. – М. : Мысль, 1970. – 776 с.
14. Антология мировой философии. В 4 т. Т. 3. Буржуазная философия конца XVIII в. – первых двух третей XIX в. – М. : Мысль, 1971. – 760 с.
15. Антология средневековой мысли (Теология и философия европейского Средневековья). В 2 т. Т. 1. – СПб. : РХГИ, 2001. – 539 с.
16. Антология средневековой мысли (Теология и философия европейского Средневековья). В 2 т. Т. 2. – СПб. : РХГИ, 2002. – 635 с.
17. Аристотель. Сочинения. В 4 т. Т. 1 / Аристотель. – М. : Мысль, 1976. – 550 с.

18. Аристотель. Сочинения. В 4 т. Т. 2 / Аристотель. – М. : Мысль, 1978. – 687 с.
19. Аристотель. Сочинения. В 4 т. Т. 3 / Аристотель. – М. : Мысль, 1981. – 613 с.
20. Аристотель. Сочинения. В 4 т. Т. 4 / Аристотель. – М. : Мысль, 1983. – 830 с.
21. Артхашастра («Наука политики»). – М. : Изд-во АН СССР, 1959. – 793 с.
22. Архимед. Сочинения / Архимед. – М. : ГИФМЛ, 1962. – 640 с.
23. Афиней. Пир мудрецов / Афиней. – М. : Наука, 2010. – 600 с.
24. Бейль. Исторический и критический словарь. В 2 т. Т. 1 / Бейль. – М. : Мысль, 1967. – 391 с.
25. Бейль. Исторический и критический словарь. В 2 т. Т. 2 / Бейль. – М. : Мысль, 1968. – 510 с.
26. Бёме, Я. О тройственной жизни человека / Я. Бёме. – СПб. : Изд. дом «Мирь», 2007. – 428 с.
27. Бентам, И. Введение в основания нравственности законодательства / И. Бентам. – М. : РОССПЭН, 1998. – 416 с.
28. Беркли, Джордж. Сочинения / Джордж Беркли. – М. : Мысль, 1978. – 556 с.
29. Бернард Клервоский. Трактаты. О любви к Богу. О благодати и свободном выборе / Бернард Клервоский. – СПб. : Изд-во Рус. христианской гуманит. акад.; Издат. дом Санкт-Петерб. гос. ун-та, Акад. исследования культуры, 2009. – 280 с.
30. Беседы Эпиктета. – М. : Ладомир, 1997. – 312 с.
31. Боэций. Утешение философией и другие трактаты / Боэций. – М. : Наука, 1990. – 414 с.
32. Бруно, Джордано. Философские диалоги: О Причине, Начале и Едином; О бесконечности, вселенной и мирах / Джордано Бруно. – М. : Алетейя, 2000. – 320 с.
33. Бэкон, Роджер. Избранное / Роджер Бэкон. – М. : Изд-во Францисканцев, 2005. – 480 с.
34. Бэкон, Ф. Сочинения. В 2 т. Т. 1 / Ф. Бэкон. – М. : Мысль, 1977. – 567 с.
35. Бэкон, Ф. Сочинения. В 2 т. Т. 2 / Ф. Бэкон. – М. : Мысль, 1978. – 575 с.
36. Валла, Лоренцо. Об истинном и ложном благе. О свободе воли / Лоренцо Валла. – М. : Наука, 1989. – 476 с.
37. Вико, Джамбаттиста. Основания Новой науки об общей природе наций / Джамбаттиста Вико. – М.; Киев : REFL-book – ИСА, 1994. – 565 с.
38. Вольтер. Философские сочинения / Вольтер. – М. : Наука, 1988. – 751 с.

39. Гассенди, Пьер. Сочинения. В 2 т. Т. 1 / Пьер Гассенди. – М. : Мысль, 1966. – 431 с.
40. Гассенди, Пьер. Сочинения. В 2 т. Т. 2 / Пьер Гассенди. – М. : Мысль, 1968. – 836 с.
41. Гельвеций. Сочинения. В 2 т. Т. 1 / Гельвеций. – М. : Мысль, 1973. – 647 с.
42. Гельвеций. Сочинения. В 2 т. Т. 2 / Гельвеций. – М. : Мысль, 1974. – 687 с.
43. Гесиод. Полное собрание текстов / Гесиод. – М. : Лабиринт, 2001. – 256 с.
44. Гёте, И.В. Избранные философские произведения / И.В. Гёте. – М. : Наука, 1964. – 520 с.
45. Гоббс, Томас. Сочинения. В 2 т. Т. 1 / Томас Гоббс. – М. : Мысль, 1989. – 622 с.
46. Гоббс, Томас. Сочинения. В 2 т. Т. 2 / Томас Гоббс. – М. : Мысль, 1991. – 731 с.
47. Гольбах. Избранные произведения. В 2 т. Т. 1 / Гольбах. – М. : Мысль, 1963. – 715 с.
48. Гольбах. Избранные произведения. В 2 т. Т. 2 / Гольбах. – М. : Мысль, 1963. – 563 с.
49. Гредер, И.Г. Идеи к философии истории человечества / И.Г. Гредер. – М. : Наука, 1977. – 703 с.
50. Гроссетест, Роберт. Сочинения / Роберт Гроссетест. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 302 с.
51. Гуманистическая мысль итальянского Возрождения. – М. : Наука, 2004. – 358 с.
52. Данте, Алигьери. Божественная комедия / Алигьери Данте. – М. : Наука, 1967. – 628 с.
53. Данте, Алигьери. Малые произведения / Алигьери Данте. – М. : Наука, 1968. – 652 с.
54. Данте, Алигьери. Монархия / Алигьери Данте. – М. : Кучково поле, 1999. – 192 с.
55. Дао. Гармония мира. – М. : ЗАО ЭКСМО-Пресс; Харьков : Фолио, 1999. – 864 с.
56. Де Ларошфуко, Франсуа. Мемуары. Максимумы / Франсуа де Ларошфуко. – М. : Наука, 1971. – 293 с.
57. Декарт, Рене. Сочинения. В 2 т. Т. 1 / Рене Декарт. – М. : Мысль, 1989. – 654 с.
58. Декарт, Рене. Сочинения. В 2 т. Т. 2 / Рене Декарт. – М. : Мысль, 1994. – 640 с.
59. Дидро, Д. Сочинения. В 2 т. Т. 1 / Д. Дидро. – М. : Мысль, 1986. – 592 с.

60. Дидро, Д. Сочинения. В 2 т. Т. 2 / Д. Дидро. – М. : Мысль, 1991. – 604 с.
61. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Диоген Лаэртский. – М. : АСТ; Астрель, 2011. – 570 с.
62. Досократики. – Минск : Харвест, 1999. – 784 с.
63. Древнеиндийская философия : собрание текстов. В 2 т. Т. 1. – М. : Мысль, 1972. – 363 с.
64. Древнеиндийская философия : собрание текстов. В 2 т. Т. 2. – М. : Мысль, 1973. – 384 с.
65. Древнеиндийская философия. Начальный период. – М. : Изд-во соц.-эконом. лит. (Соцэкгиз), 1963. – 272 с.
66. Дунс, Скот. Избранное / Скот Дунс. – М. : Изд-во Францисканцев, 2001. – 584 с.
67. Дунс, Скот. Трактат о первоначале / Скот Дунс. – М. : Изд-во Францисканцев, 2001. – 182 с.
68. Законы Ману. – М. : Изд-во вост. лит., 1960. – 362 с.
69. Иоан Дамаскин. Источник знания / Иоан Дамаскин. – М. : Индрик, 2002. – 416 с.
70. Итальянский гуманизм эпохи Возрождения. В 2 ч. Ч. 1. – Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1984. – 240 с.
71. Итальянский гуманизм эпохи Возрождения. В 2 ч. Ч. 2. – Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1988. – 190 с.
72. И-Цзин: древняя китайская «Книга Перемен». – М. : Эксмо, 2009. – 560 с.
73. «Йога-сутры» Патанджали и «Вьяса-бхашья». – М. : Наука, 1992. – 260 с.
74. Кальвин, Жан. Наставления в христианской вере. В 3 т. Т. 1 / Жан Кальвин // CRC PUBLICATIONS/WORLD LITERATURE MINISTRIES. – 1997. – 582 с.
75. Кальвин, Жан. Наставления в христианской вере. В 3 т. Т. 2 / Жан Кальвин // CRC PUBLICATIONS/WORLD LITERATURE MINISTRIES. – 1998. – 479 с.
76. Кальвин, Жан. Наставления в христианской вере. В 3 т. Т. 3 / Жан Кальвин // CRC PUBLICATIONS/WORLD LITERATURE MINISTRIES. – 1999. – 639 с.
77. Климент Александрийский. Строматы. Т. I–III. Т. 1 / Климент Александрийский. – СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2003. – 544 с.
78. Климент Александрийский. Строматы. Т. I–III. Т. 2 / Климент Александрийский. – СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2003. – 336 с.
79. Климент Александрийский. Строматы. Т. I–III. Т. 3 / Климент Александрийский. – СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2003. – 368 с.

80. Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу»). – М. : Вост. лит., 2004. – 431 с.
81. Конфуций. Уроки мудрости : сочинения / Конфуций. – Харьков : Эксмо; Фолио, 2010. – 958 с.
82. Коперник, Н. О вращении неясных сфер. Малый комментарий. Послание против Вернера. Упсальская запись. / Н. Коперник. – М. : Наука, 1964. – 653 с.
83. Ксенофонт. Воспоминания о Сократе / Ксенофонт. – М. : Наука, ИФ РАН, 1993. – 592 с.
84. Кузанский, Н. Сочинения. В 2 т. Т. 1 / Н. Кузанский. – М. : Мысль, 1979. – 448 с.
85. Кузанский, Н. Сочинения. В 2 т. Т. 2 / Н. Кузанский. – М. : Мысль, 1980. – 471 с.
86. Ламетри, Ж.О. Сочинения / Ж.О. Ламетри. – М. : Мысль, 1983 – 511 с.
87. Лао Цзы. Обрести себя в Дао / Лао Цзы. – М. : Республика, 1999. – 445 с.
88. Лейбниц, Г.В. Сочинения. В 4 т. Т. 1 / Г.В. Лейбниц. – М. : Мысль, 1982. – 636 с.
89. Лейбниц, Г.В. Сочинения. В 4 т. Т. 2 / Г.В. Лейбниц. – М. : Мысль, 1983. – 686 с.
90. Лейбниц, Г.В. Сочинения. В 4 т. Т. 3 / Г.В. Лейбниц. – М. : Мысль, 1984. – 734 с.
91. Лейбниц, Г.В. Сочинения. В 4 т. Т. 4 / Г.В. Лейбниц. – М. : Мысль, 1989. – 554 с.
92. Локк, Джон. Сочинения. В 3 т. Т. 1 / Джон Локк. – М. : Мысль, 1985. – 621 с.
93. Локк, Джон. Сочинения. В 3 т. Т. 2 / Джон Локк. – М. : Мысль, 1985. – 560 с.
94. Локк, Джон. Сочинения. В 3 т. Т. 3 / Джон Локк. – М. : Мысль, 1988. – 668 с.
95. Лукреций. О природе вещей / Лукреций. – М. : Худож. лит., 1983. – 383 с.
96. Лунный свет Санкхьи («Санкхья-карика» «Санкхья-карика-бхашье» «Таттва-кауmundи»). – М. : Ладомир, 1995. – 884 с.
97. Люйши Чуньцю (Весны и осени господина Люя). – М. : Мысль, 2010. – 525 с.
98. Лютер, Мартин. 95 тезисов / Мартин Лютер. – СПб. : Роза мира, 2002. – 720 с.
99. Лютер, Мартин. Избранные произведения / Мартин Лютер. – СПб. : Андреев и Согласие, 1994. – 430 с.

100. Майстер, Экхарт. Трактаты. Проповеди / Экхарт Майстер. – М. : Наука, 2010. – 443 с.
101. Макробий. Сатурналии / Макробий. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2009. – 372 с.
102. Макьявелли (Макиавелли). Сочинения политические и исторические. Сочинения художественные. Письма / Макьявелли. – М. : НФ «Пушкинская библиотека», 2004. – 819 с.
103. Мальбранш, Н. Разыскания истины / Н. Мальбранш. – СПб. : Наука, 1999. – 651 с.
104. Мандевиль, Бернارد. Басня о пчелах / Бернارد Мандевиль. – М. : Мысль, 1974. – 376 с.
105. Марк Аврелий Антонин. Размышления / Марк Аврелий Антонин. – Л. : Наука, 1985. – 246 с.
106. Мильтон, Д. Потерянный рай. Возвращенный рай. Другие поэтические произведения / Д. Мильтон. – М. : Наука, 2006. – 860 с.
107. Монтень, Мишель. Опыты. В 3 кн. Кн. 1 / Мишель Монтень. – М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1954. – 567 с.
108. Монтень, Мишель. Опыты. В 3 кн. Кн. 2 / Мишель Монтень. – М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1958. – 654 с.
109. Монтень, Мишель. Опыты. В 3 кн. Кн. 3 / Мишель Монтень. – М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1960. – 499 с.
110. Монтескье, Ш.Л. О духе законов / Ш.Л. Монтескье. – М. : Мысль, 1999. – 674 с.
111. Мор, Томас. Утопия / Томас Мор. – М. : Наука, 1978. – 417 с.
112. Мудрецы Китая. Ян Чжу, Лецзы, Чжуанцзы. – СПб. : Петербург XXI века; Лань, 1994. – 416 с.
113. Мэн-цзы. – СПб. : Петербургское Востоковедение, 1999. – 272 с.
114. Ньютон, Исаак. Математические начала натуральной философии / Исаак Ньютон. – М. : Наука; Изд-во АН СССР, 1989. – 688 с.
115. Ньяя-сутры. Ньяя-бхашья. Историко-философское исследование. – М. : Вост. лит. РАН, 2001. – 504 с.
116. Оккам, Уильям. Избранное / Уильям Оккам. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 272 с.
117. Ориген. О началах. Против Цельса / Ориген. – СПб. : Библиополис, 2008. – 792 с.
118. Паскаль, Блэз. Мысли / Блэз Паскаль. – М. : Изд-во им. Сабашниковых, 1995. – 480 с.
119. Петрарка, Франческо. Моя тайна, или Книга бесед о презрении к миру / Франческо Петрарка. – М. : Изд-во ЛКИ, 2011. – 144 с.
120. Петрарка, Франческо. Сочинения философские и полемические / Франческо Петрарка. – М. : РОССПЭН, 1998. – 477 с.

121. Пифагор. Золотой канон. Фигуры эзотерики / Пифагор. – М. : Эксмо, 2003. – 448 с.
122. Платон. Диалоги / Платон. – М. : Мысль, 1986. – 607 с.
123. Платон. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 1 / Платон. – М. : Мысль, 1990. – 860 с.
124. Платон. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 2 / Платон. – М. : Мысль, 1990. – 528 с.
125. Платон. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 3 / Платон. – М. : Мысль, 1990. – 654 с.
126. Платон. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 4 / Платон. – М. : Мысль, 1990. – 830 с.
127. Плотин. Сочинения. Плотин в русских переводах / Плотин. – СПб. : Алетея, 1995. – 672 с.
128. Плутарх. Моралии / Плутарх. – М. : ЭКСМО-Пресс; Харьков : Фолио, 1999. – 1119 с.
129. Плутарх. Сравнительные жизнеописания. В 3 т. Т. 1 / Плутарх. – М. : АН СССР, 1961–1964. – 507 с.
130. Плутарх. Сравнительные жизнеописания. В 3 т. Т. 2 / Плутарх. – М. : АН СССР, 1961–1964. – 555 с.
131. Плутарх. Сравнительные жизнеописания. В 3 т. Т. 3 / Плутарх. – М. : АН СССР, 1961–1964. – 559 с.
132. Порфирий. Сочинения / Порфирий. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2011. – 660 с.
133. Прашастапада. Собрание характеристик категорий («Падартхадхарма-санграха»). – М. : Вост. лит., 2005. – 639 с.
134. Прокл. Платоновская теология / Прокл. – СПб. : Летний сад, 2001. – 624 с.
135. Раймунд, Луллий. Книга о Любящем и Возлюбленном. Книга о рыцарском ордене. Книга о животных. Песнь Рамона / Луллий Раймунд. – СПб. : Наука, 2003. – 84 с.
136. РАМАЯНА: Балаканда (Книга о детстве), Айодхьяканда (Книга об Айодхье). – М. : Гладомир; Наука, 2006. – 890 с.
137. Раннехристианские апологеты II–IV веков: Переводы исследования. – М. : Ладомир, 2000. – 189 с.
138. Руссо, Ж.-Ж. Трактаты / Ж.-Ж. Руссо. – М. : Наука, 1669. – 704 с.
139. Руссо, Ж.-Ж. Юлия, или новая Элоиза / Ж.-Ж. Руссо. – М. : Худож. лит., 1698. – 772 с.
140. Самаведа. – М. : АСТ; Восток-Запад, 2005. – 463 с.
141. Святой Бонавентура. Путеводитель души к богу / Святой Бонавентура. – М. : Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1993. – 189 с.
142. Секст Эмпирик. Сочинения. В 2 т. Т. 1 / Секст Эмпирик. – М. : Мысль, 1975. – 399 с.

143. Секст Эмпирик. Сочинения. В 2 т. Т. 2 / Секст Эмпирик. – М. : Мысль, 1976. – 421 с.
144. Сенека, Луций Анней. Нравственные письма к Луцилию / Луций Анней Сенека. – М. : Наука, 1977. – 384 с.
145. Сенека, Луций Анней. Философские трактаты / Луций Анней Сенека. – СПб. : Алетейя, 2001. – 400 с.
146. Сочинения великих итальянцев XVI века. – М. : Алетейя, 2002. – 377 с.
147. Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV век). – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1985. – 384 с.
148. Спиноза, Б. Избранные произведения. В 2 т. Т. 1 / Б. Спиноза. – СПб. : Наука, 1999. – 489 с.
149. Спиноза, Б. Избранные произведения. В 2 т. Т. 2 / Б. Спиноза. – СПб. : Наука, 1999. – 629 с.
150. Сунь-Цзы, У-Цзы. Трактаты о военном искусстве. – М. : АСТ; СПб. : Terra Fantastica, 2002. – 558 с.
151. Сутра о мудрости и глупости (Джанлундо). – М. : Вост. лит., 2002. – 320 с.
152. Сутры философии санкхьи (Таттва-самаса Крама-дипика, Санкхья-сутры Санкхья-сутра-вритти). – М. : Ладомир; Янус-К, 1997. – 364 с.
153. Сыркин, А.Я. Упанишады. В 3 кн. Кн. 1 / А.Я. Сыркин. – М. : Наука, Ладомир, 1992. – 240 с.
154. Сыркин, А.Я. Упанишады. В 3 кн. Кн. 2 / А.Я. Сыркин. – М. : Наука, Ладомир, 1992. – 336 с.
155. Сыркин, А.Я. Упанишады. В 3 кн. Кн. 3 / А.Я. Сыркин. – М. : Наука, Ладомир, 1992. – 256 с.
156. Тертуллиан. Избранные сочинения / Тертуллиан. – М. : Прогресс; Культура, 1994. – 448 с.
157. Философы Греции. Основы основ: логика, физика, этика. – М. : Эксмо-Пресс; Фолио, 1999. – 1056 с.
158. Философы из Хуайнани. Хуайнаньцзы. – М. : Мысль, 2004. – 430 с.
159. Фома Аквинский. Сумма теологии. Ч. I. Вопросы 1–43 / Фома Аквинский. – Киев : Ника-Центр, Эльга; М. : Элькор-МК, 2002. – 560 с.
160. Фома Аквинский. Сумма теологии. Ч. I. Вопросы 44–74 / Фома Аквинский. – Киев : Ника-Центр, Эльга, 2003. – 336 с.
161. Фома Аквинский. Сумма теологии. Ч. I. Вопросы 75–119 / Фома Аквинский. – Киев : Ника-Центр, Эльга, 2005. – 576 с.
162. Фома Аквинский. Сумма теологии. Ч. II-I. Вопросы 1–48 / Фома Аквинский. – Киев : Ника-Центр, Эльга, 2006. – 576 с.

163. Фома Аквинский. Сумма теологии. Ч. II-I. Вопросы 49–89 / Фома Аквинский. – Киев : Ника-Центр, 2008. – 536 с.
164. Фома Аквинский. Сумма теологии. Ч. II-I. Вопросы 90–114 / Фома Аквинский. – Киев : Ника-Центр, 2010. – 432 с.
165. Фома Аквинский. Сумма теологии. Ч. II-II. Вопросы 1–46 / Фома Аквинский. – Киев : Ника-Центр, 2011. – 576 с.
166. Фома Аквинский. Учение о душе / Фома Аквинский. – СПб. : Азбука-классика, 2004. – 480 с.
167. Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах / Цицерон. – М. : Наука, 1966. – 224 с.
168. Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях / Цицерон. – М. : Наука, 1974. – 247 с.
169. Чжу Си. О сознании (Синь): Из философского наследия Чжу Си / Чжу Си. – М. : Вост. лит., 2002. – 318 с.
170. Чжуан-цзы. Ле-цзы. – М. : Мысль, 1995. – 439 с.
171. Эразм Роттердамский. Антология. В 2 т. Т. 1 / Эразм Роттердамский. – М. : Искусство, 1981. – 495 с.
172. Эразм Роттердамский. Антология. В 2 т. Т. 2 / Эразм Роттердамский. – М. : Искусство, 1981. – 639 с.
173. Эразм Роттердамский. Философские произведения / Эразм Роттердамский. – М. : Наука, 1986. – 703 с.
174. Юм, Давид. Сочинения. В 2 т. Т. 1 / Давид Юм. – М. : Мысль, 1996. – 735 с.
175. Юм, Давид. Сочинения. В 2 т. Т. 2 / Давид Юм. – М. : Мысль, 1996. – 800 с.
176. Ямвлих. Жизнь Пифагора / Ямвлих. – М. : Алетеия; Новый Акрополь, 1998. – 248 с.

Учебное издание

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Хрестоматия

В двух частях. Часть 1

**ФИЛОСОФИЯ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА. АНТИЧНАЯ ФИЛОСОФИЯ.
ФИЛОСОФИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ. ФИЛОСОФИЯ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ.
ФИЛОСОФИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ (XVI–XVIII вв.)**

Составители:

Лушкина Татьяна Алексеевна
Рудецкий Олег Андреевич

Редактор *Т.М. Яковенко*
Технический редактор *И.А. Нильмаер*

План 2014 г. Поз. 7.1. Подписано в печать 10.06.2014 г.
Формат 60×84¹/₁₆. Гарнитура «Arial». Уч.-изд. л. 9,8.
Усл. печ. л. 9,1. Зак. 76. Тираж 50 экз. Цена 550 руб.

Издательство ДВГУПС
680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47.